

FORUM

WSCHODNIE

ROCZNIK INTERDYSCYPLINARNY

FORUM WSCHODNIE

ROCZNIK INTERDYSCYPLINARNY NR 6/2018

RADA NAUKOWA

Artur Kijas (Poznań) – p r z e w o d n i c z ą c y, Larysa Arżakowa (Petersburg), Aleksiej Susłow (Kazań), Svetlana Bliznyuk (Moskwa), Grzegorz Błaszczuk (Poznań), Wiktor Braczew (Petersburg), Marek Figura (Poznań), Bartłomiej Garczyk (Poznań), Aleksander Kobak (Petersburg), Mariusz Korzeniowski (Lublin), Siergiej Michalczenko (Briańsk), Tadeusz Pacholczyk (Poznań), Iryna Petrenko (Połtawa), Krzysztof Pietkiewicz (Poznań), Olga Popko (Mińsk), Oksana Prokopiuk (Kijów), Tamara Smirnowa (Petersburg), Bolesław Szostakowicz (Irkuck), Dariusz Szpoper (Olsztyn), Irena Wodzianowska (Lublin), Raisa Zianiuk (Mińsk), Vaja Vardidze (Tbilisi)

RECENZENCI

Grzegorz Błaszczuk (Poznań), Przemysław Dąbrowski (Olsztyn), Marek Figura (Poznań), Oksana Karlina (Łuck), Artur Kijas (Poznań), Monika Sidor (Lublin), Tamara Smirnowa (Petersburg), Siergiej Taranienko (Kijów), Dariusz Tarasiuk (Lublin), Jan K. Witczak (Poznań)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY

Bartłomiej Garczyk (redaktor naczelny), Dagmara Moskwa, Joanna Pater,
Piotr-Paweł Repczyński (sekretarz), Jan K. Witczak (zastępca redaktora naczelnego)

OPRACOWANIE i KOREKTA TEKSTÓW

Joanna Nowak

REDAKCJA JĘZYKOWA

Aldona Borkowska (j. rosyjski)
Agnieszka Smólczyńska (j. białoruski)
Dagmara Moskwa (j. angielski)
Roksana Czeszejko-Sochacka (j. polski)

ŁAMANIE, SKŁAD

Tomasz Brończyk Studio StrefaDTP

PROJEKT OKŁADKI

Emilia Lihs

WYDAWCA

Stowarzyszenie Współpracy Polska-Wschód
ul. Marszałkowska 115, 00-102 Warszawa
www.swpw.org

Druk

Tomasz Brończyk Studio StrefaDTP

Wersją pierwotną pisma *Forum Wschodnie. Rocznik Interdyscyplinarny* jest wersja papierowa.

Nakład: 70 egzemplarzy

© Copyright by Stowarzyszenie Współpracy Polska-Wschód 2018

ISSN 2353-5784

Spis treści

Artykuły

Владимир Сеницын

Россия в сердцах польских интеллигентов: Виктория и Рене Сливовские..... 9

Павел Георгиев

Польские «корни» профессора В. И. Григоровича и его интеллектуальная биография: история «ухода»..... 23

Анастасия Гатилова, Татяна Гордеева

Вклад казанских ученых в развитие музыкотерапии 33

Елена Ананьева

Внутри- и внешнеполитические цели Британии в „деле Скрипалей” 43

Артур Чубур

Димитриада: упущенный шанс возвращения в Европу или первый раунд культурной трансформации Московии? (по археологическим материалам – предметам повседневного быта)..... 57

Алина Григорян, Камиль Пьетрасик

Чеченцы и узбеки – братья или враги?..... 69

Наталя Журавльова

Етикетні полонізми як засіб вираження української народнописемної ввічливості..... 75

Tadeusz Pacholczyk

Glottodydaktyczne implikacje w kontekście złotego jubileuszu Olimpiady Języka Rosyjskiego 85

Recenzje i omówienia

- Marvin Kalb, *Imperialna gra Putin, Ukraina i nowa zimna wojna*, tłumaczenie: Stefan Baranowski, Wydawnictwo: Vis-a-vis Etiuda, Kraków 2017, Ilość stron: 286 (Mateusz Bienias) 93
- K. Toktomushev, *Kyrgyzstan: regime security and foreign Policy*, Wydawnictwo Routledge, Nowy Jork 2017, ss. 170. (Kamil Pietrasik) 97
- Михаил Саакашвили, *Пробуждение силы. Уроки Грузии – для будущего Украины*, Харьков 2016, Видавництво Фолио, сс. 358 (Marcin Olejnik) 102

Kronika

- Spotkanie w Konsulacie RP w Petersburgu* (Bartłomiej Garczyk)..... 107
- O Archidiecezji Mohylewskiej, czyli międzynarodowa konferencja w Petersburgu* (ks. Krzysztof Pożarski) 108
- Россия и Польша: диалог культур* (Александр Баранов) 111

Содержание

Статьи

Владимир Сеницын

Россия в сердцах польских интеллигентов: Виктория и Рене Сливовские..... 9

Павел Георгиев

Польские «корни» профессора В. И. Григоровича и его интеллектуальная биография: история «ухода»..... 23

Анастасия Гатилова, Татьяна Гордеева

Вклад казанских ученых в развитие музыкотерапии 33

Елена Ананьева

Внутри- и внешнеполитические цели Британии в „деле Скрипалей” 43

Артур Чубур

Димитриада: упущенный шанс возвращения в Европу или первый раунд культурной трансформации Московии? (по археологическим материалам – предметам повседневного быта)..... 57

Алина Григорян, Камиль Пьетрасик

Чеченцы и узбеки – братья или враги?..... 69

Наталя Журавльова

Етикетні полонізми як засіб вираження української народнописанної ввічливості..... 75

Тадэуш Пахольчак

Глоттодидактические импликации в контексте Золотого Юбилея Олимпиады по русскому языку 85

Рецензии и обсуждения

М. Кальб, *Имперская игра: Путин, Украина и новая холодная война*, Перевод: Стефан Барановский, Издательство: Vis-a-vis Etuda, Краков 2017, количество страниц: 286 (Матеуш Бениас)..... 93

К. Токтомушев, *Кыргызстан: безопасность режима и внешняя политика*, Routledge Publisher, Нью-Йорк, 2017, с. 170 (Камил Пиетрасик) 97

М. Саакашвили, *Пробуждение силы. Уроки Грузии – для будущего Украины*, Харьков 2016, Видавництво Фолио, сс. 358 (Марцин Олейник) 102

Хроника

Встреча в консульстве Республики Польша в Санкт-Петербурге по случаю 80-летия т.н. «Польская операция НКВД» (Бартломей Гарчик)..... 107

О Могилевской архиепархии или международной конференции в Санкт-Петербурге (Кшиштоф Пожарский) 108

Россия и Польша: диалог культур (Александр Баранов) 111

Contents

Articles

Vladimir Sinitsyn <i>Russia in the hearts of Polish intelligentsia: Viktoriya and Rene Slivovskiye</i>	9
Pavel Georgiyev <i>Polish roots of Professor W.I. Grigorowicz and his intellectual biography: the story of „leaving”</i>	23
Anastasiya Gatilova, Tatyana Gordeyeva <i>The contribution of Kazan scientists to the development of music therapy</i>	33
Yelena Ananyeva <i>The internal and foreign political goals of Great Britain in the Skypey case</i>	43
Artur Chubur <i>Dimitriada: missed chance of returning to Europe or the first round of cultural transformation of Moscovia? (according to archaeological materials – everyday life items)</i>	57
Alina Grigoryan, Kamil Pyetrasik <i>Chechens and Uzbeks – brothers or enemies?</i>	69
Natalya Zhuravlova <i>The etiquette of polonism as a means of expressing Ukrainian folk courtesy</i>	75
Tadeush Pakholchik <i>Glottodidactic implications in the context of the Golden Jubilee of the Russian Language Contest</i>	85

Reviews and discussions

- M. Kalb, *The Imperial Game: Putin, Ukraine and the New Cold War*, Translation: Stefan Baranowski, Publisher: Vis-a-vis Etiuda, Krakow 2017, number of pages: 286 (Mateus Benias) 93
- K. Toktomushev, *Kyrgyzstan: regime security and foreign Policy*, Wydawnictwo Routledge, Nowy Jork 2017, ss. 170, (Kamil Pietrasik) 97
- M. Saakaszwili, *The awakening of power. Georgia lessons – for the future Ukraine*, Kharkov 2016, publishing house Folio, p. 358 (Marcin Olejnik) 102

Chronicle

- Meeting at the Consulate of the Republic of Poland in St. Petersburg on the occasion of the 80th anniversary of the so-called „Polish operation of the NKVD”* (Bartłomiej Garczyk) 107
- About the Mogilev Archdiocese or the international conference in St. Petersburg* (Krzysztof Pożarski) 108
- Russia and Poland: the dialogue of cultures* (Alexander Baranov) 111

ARTYKUŁY

Владимир Сеницын
Kazański Uniwersytet Federalny
Instytut Stosunków Międzynarodowych

FORUM WSCHODNIE
ROCZNIK INTERDYSCYPLINARNY NR 6/2018

Россия в сердцах польских интеллигентов: Виктория и Рене Сливовские

Streszczenie: W artykule, na przykładzie prac Wiktorii i Rene Śliwowskich, poświęconych dziejom polsko-rosyjskich stosunków, ukazane zostały charakterystyczne cechy procesu formowania relacji wobec Rosji wśród „nowej” polskiej inteligencji uformowanej w warunkach sowietyzacji państwowego systemu społeczno-politycznego.

Summary: The article analyzes the treaties of Victoria and Rene Slivovskii devoted to the history of Polish-Russian relations, identifies the general and specific features of the process of shaping attitudes towards Russia in the “new” Polish intelligentsia, which was formed under the conditions of “sovietization” of the socio-political system of the country.

Słowa Kluczowe: Polska, Rosja, historia, inteligencja, działalność naukowa, Wikтория Śliwowska, Rene Śliwowski.

Keywords: Poland, Russia, history, intelligentsia, scientific activity, Victoria Slivovska, Rene Slivovskii.

Особенности исторического развития Польши с конца XVIII века, уничтожение государственности и раздел польских земель между Россией, Германией и Австро-Венгрией привели к длительной, упорной борьбе польского народа за независимость. Духовным лидером в этой борьбе к середине XIX в. стала интеллигенция, что способствовало осознанию ею своей особой значимости. Поэтому проблема интеллигенции в польском обществе была и остается одной из самых актуальных и острых как с научной, так и с практически-политической точки зрения¹.

После Второй мировой войны и освобождения Польши от фашистской оккупации изменился социально-экономический и общественно-политический строй страны. Освобожденная советскими войсками, страна есте-

¹ Р.Р. Юсупов, *Власть и интеллигенция. Из истории Польши XX столетия (1918-1980)*, Казань 1996, с.4.

ственно попала под влияние и воздействие СССР и его систему. Возникла Польская Народная Республика, которая встала на путь социалистического развития по примеру Советского Союза. Но вместе с этим в Польше началось формирование «сталинской» тоталитарной модели государственного управления, что неизбежно отразилось на интеллигенции, ее социальной составляющей, идейно-мировоззренческих и общественно-политических позициях. Общие тенденции общественного поведения интеллигенции, специфику статуса ее отдельных слоев в конкретной исторической обстановке можно рассмотреть на примере видных представителей «новой» польской интеллигенции Виктории и Рене Сливовских.

Социалистическая ориентация семейств Сливовских, начальные годы их биографий явились важной причиной формирования их идейного сознания и выбора Советского Союза для получения высшего образования в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. Общая гуманитарная направленность профессиональных интересов, общность пережитого в годы войны, общие интеллигентские корни, взаимная симпатия и любовь соединили личную жизнь Виктории и Рене именно в СССР, что во многом определило их дальнейшую судьбу, творческую и научную деятельность, отношение к СССР, советским людям, российской истории и культуре.

Одной из приоритетных тем научных исследований Виктории и Рене Сливовских стала история освободительного движения в Польше и России. Географическое соседство и общность исторических судеб прочно соединили между собой народы России и Польши. Отношения между этими странами не всегда были простыми, но особенно осложнились они с конца XVIII века, поскольку царская Россия приняла участие в разделах Речи Посполитой, захватив в конечном итоге значительную часть её земель. В XIX веке самоотверженная борьба польского народа за восстановление своей независимости соединялась с борьбой крестьянских масс и городского населения против социального гнета и не раз выливалась в вооруженные выступления за освобождение. Наиболее крупные восстания – Ноябрьское (1830-1831 гг) и Январское (1863-1864 гг.) были жестоко подавлены Россией, Австрией и Пруссией, объединенных в рамках Священного Союза. Вместе с польскими повстанцами в освободительной борьбе участвовали представители литовского, белорусского и украинского народов, на сторону восставших переходили сотни военнослужащих российской армии, а прогрессивная часть русского общества искренне сочувствовала польским борцам за свободу. В этом находили свое продолжение и развитие, освободительные традиции эпохи декабристов и польского Патриотического общества.

Польскому освободительному движению и российско-польским общественно-культурным связям в XIX веке посвящено немало исследований и документальных публикаций Виктории и Рене Сливовских. В-первую

очередь, Сливовских заинтересовала тема российской идеологии освободительного и революционного движения, мировоззрения и взглядов его наиболее ярких представителей: декабристов, петрашевцев, А.И.Герцена, Н.А.Огарева, В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского.

Первой темой их совместных исследований и публикаций стал человек, чьим именем был назван педагогический вуз, в котором они получили высшее образование – А.И.Герцен.

В своих работах о Герцене Сливовские представляют эволюцию его взглядов и в первую очередь по польскому национально-освободительному движению. В. и Р.Сливовские отмечали: «Отношение к «польскому вопросу», столь важное для его мировоззрения, сказалось и на судьбах Вольной русской типографии и ее организаторов. Являясь существенной частью мировоззрения Герцена, оно менялось вместе с ним, эволюционировало под воздействием конкретных исторических событий». Сливовские не раз подчеркивали, что такой предмет исследования творческой деятельности А.И.Герцена был ими реализован под воздействием идей И.С.Миллера: «Неосомненно прав был И.С.Миллер, когда в 1963 году писал о необходимости «изучения развития взглядов Герцена по польскому вопросу в связи с развитием всей системы его политических и историко-социологических воззрений и с конкретными историческими событиями». Но вместе с тем, по мнению Сливовских, существовал главный стержень во взглядах А.И.Герцена, который «никогда не поддавался каким-либо колебаниям, несмотря на переживаемые разочарования, на удары судьбы в личном и общественном плане, которых было много в жизни Герцена. Этим стойким элементом в его взглядах по национальному вопросу было глубочайшее убеждение, что каждая нация имеет право на политическую независимость, на борьбу с чужеземным игом»². Это ключевое методологическое положение проходит красной нитью через все работы Сливовских о Герцене.

В первую очередь необходимо отметить книгу Виктории и Рене Сливовских «Александр Герцен. Жизнь и творчество» (Варшава, 1973). Это – первая польская фундаментальная работа об авторе «Былого и дум», издатель «Колокола» и «Полярной звезды». Книга появилась в популярной серии «Живые люди», близкой по своему профилю к нашей серии ЖЗЛ, с той только разницей, что в польском собрании биографий авторы больше предоставляют слово самому «герою», его собственным суждениям, высказываниям, мнениям, свидетельствам современников о нем (подчас противоречивым), а сами как бы отступают на второй план, предпочитая не обнажать, не формулировать прямо свою концепцию той или иной исторической личности, исподволь подводя читателя к своей точке зрения. Монография Сливовских также вы-

² W. Śliwowska, *Aleksander Hercen Życie i twórczość*, Warszawa, 1973, s.17.

держана в плане жизнеописаний подобного типа. И хотя она впервые знакомит широкого польского читателя с жизнью и творчеством Герцена, авторы не упрощают своей задачи. Каждый значительный факт в судьбе «великого изгнанника», будь то этапный момент в его общественно-политической деятельности или крутой поворот на его жизненном пути, исследуется ими подробно, со всех сторон. Такой характер обстоятельного, неторопливого рассказа, оснащенного солидным документальным материалом, позволяет польскому читателю глубоко вникнуть в существо затронутых в книге проблем, понять всю значительность таких важных для развития передовой общественной мысли России событий, как создание Герценом вольной русской печати в Лондоне или его выступление против кровавого подавления царизмом польского восстания 1863 – 1864 годов, когда он нашел в себе мужество поднять свой голос в защиту поляков и тем «спас честь русской демократии». Польские биографы Герцена не повторяют за предыдущими исследователями устоявшиеся мнения, утвердившиеся оценки. Они еще раз внимательно вчитываются в страницы «Былого и дум», в обширное эпистолярное наследие писателя, сопоставляют факты, подробности, оказавшиеся за пределами внимания прежних историков и литературоведов, внося тем самым в свой рассказ новые акценты и краски.

Важнейшим источником для изучения взглядов Герцена по национальному вопросу, как считают Сливовские, является статья «Россия и Польша», написанная в жанре открытого письма (опубликована в «Колоколе» в 1859-1860 гг. Л.32-34, 65-67). На первый план Герцен выдвигал принцип самоопределения народов. Публицист считал возможным и желательным объединение свободной России и свободной Польши на основе федерации. При этом он подчеркивал полную добровольность объединения. Более того, призывая к союзу с революционной Россией, Герцен отмечал, что если Россия останется «под розгой помещика, под палкой полиции, без суда и прав», то Польша должна не только отделиться от нее, но и содействовать свержению самодержавно-крепостнического строя: «Освобождение Польши – половина освобождения России. Свободная Польша – смерть императорского Петербурга» – писал и говорил в то время Герцен³.

В 1861-1863 гг. в публицистике Герцена по польскому вопросу можно выделить несколько важнейших тем. Во-первых, это выступления в защиту освободительной борьбы польского народа; во-вторых, утверждение, что свобода Польши связана с успехом освободительного движения в России; в-третьих, разоблачение шовинистической политики царской администрации в Польше; в-четвертых, критика либеральной и охранительной прессы в России, которая фактически единым фронтом выступила против «Колоко-

³ А. И. Герцен, *Собрание сочинений в 30 томах*, Москва, 1954-1965, т.12, с. 213.

ла», объявив Герцена врагом России и русского народа. За поддержку польских повстанцев «Колокол» заплатил потерей популярности и сокращением аудитории. После того как Герцен в 1863 году вступился за восставшую Польшу, в российских изданиях и вовсе перестали звучать голоса в его поддержку. «В России все против нас», – с горечью замечал Герцен. Он решительно отвергал обвинения в измене: «Теперь нас называют изменниками... Нет, не ждите моего раскаяния... Мы не можем изменить нашему воззрению, это сильнее нас, да и не хотим вовсе»⁴.

Сливовские пишут также, что «не все действия Герцена и не все его выступления получали одобрение польской эмиграции. Решение о разделе типографии вызвало большое неудовольствие. Ворцелль, как и другие члены Центрального комитета, пробовал отговорить Герцена от этого шага, который лишал их столь существенной финансовой помощи». Сливовские приводят письмо, написанное Герцену и неизвестное по тексту «Былого и дум». Ворцелль выразил убеждение, что «ce qui a ete une fois ainsi conclu etdivulgue ne devrait ne saurait sans de graves et de tres graves motifs d'une nature publique jamais etre rompu», так как это может отрицательно сказаться «на общем польско-русском деле»... Герцен под влиянием этого письма Ворцелля дал письменное объяснение, в котором заверял, что «раздел типографий вызван чисто экономическими причинами и что он по-прежнему убежден в необходимости «еще теснее сплотиться в хорошо понятом деле «маленького меньшинства русских революционеров» и «представителей республиканской и социальной Польши»⁵. Несмотря на эти заверения, отношения Герцена с деятелями из Польского демократического общества (за исключением Ворцелля) после этого инцидента испортились. Это было связано не только с финансовыми недоразумениями, но и были и другие глубокие причины: Герцен не одобрял митинговой деятельности, которую стала проводить польская эмиграция по поводу начала Крымской войны, не верил в дипломатическое вмешательство, с целью получения независимости Польши в случае, если Россия проиграет войну, что вскоре и оправдалось. Его утверждения, что в результате войны с Турцией и овладения Константинополем рухнет петербургский деспотизм и на его развалинах возникнет «новый мир» – вызвали недовольство в польском обществе. Однако полемика, которая разыгралась на страницах польской эмиграционной прессы, в том числе в органе *Demokrata Polski*, была недолгой. События 1861 года имели переломный характер. Кровавое пролитие в Варшаве и расправа над русскими крестьянами в Бездне изменили настроение и тон публикаций Гер-

⁴ Tamże, с. 211.

⁵ W. Śliwowska, R. Śliwowski, *Gercen, poljaki i polskij vopros // Cahiers du Monde Russe et Sovietiq*, Warszawa 1987, t. 28. s. 158.

цена. Виктория и Рене это выразили очень яркой и красноречивой фразой, прекрасно характеризующей эволюцию взглядов и самого Герцена и отношения к нему в среде поляков, а также чувств самих Виктории и Рене: «В патетических статьях «Vivat Polonia», «10 апреля и убийства в Варшаве», обошедших всю европейскую прессу и славивших мученичество Польши, перо Искандера достигло вершин публицистической экспрессии, соединяющей пафос с иронией, ненависть и стыд с возвышенностью, яркость формы с ясностью содержания. Полная энтузиазма реакция поляков на эти статьи была понятна – они пробуждали отклик в сердцах, благодарность, обезоруживали искренностью каждого слова. Отовсюду приходили письма с благодарностью, адреса с сотнями подписей, слова признания и горячего одобрения. Адреса «польских дам» и краковских участников тайных обществ, польских эмигрантов во Франции и частные письма жителей всех трех частей разделенной Польши, давали Герцену большое моральное удовлетворение, и он высоко их ценил».

Как отмечают Виктория и Рене Сливовские самые сердечные узы с польскими соратниками по борьбе возникли в лондонский период. Здесь Герцен ближе знакомится с С.Ворцеллем, которого называл «святым» польского и общечеловеческого дела, человеком без изъяна. Поэтому на пороге своей издательской деятельности взгляд Герцена остановился на группе польских демократов и именно они – члены Польского демократического общества – были непосредственными вдохновителями и помощниками в создании Вольной типографии, первыми наборщиками и распространителями его печатных изданий (например, Ю.Ольшевский).

Сливовские замечают, что с изданием «Колокола» популярность А.И. Герцена необычайно возросла. Его дом в Лондоне стал центром паломничества тысяч русских людей. Всякий русский, переехавший границу, первым делом спешил купить «Колокол» и считал, что быть за границей и не посетить Герцена — все равно что для правоверного католика быть в Риме и не видеть папы. Герцена в Лондоне посетили И.Тургенев, Ф. Достоевский, Л. Толстой, художник Александр Иванов, пианист Николай Рубинштейн, критик В.В. Стасов, украинская писательница Марко Вовчок и многие другие видные деятели культуры. Живя в Лондоне, Герцен стал одной из популярнейших личностей не только в русском, но и в международном революционном движении. Давние дружеские связи были у него с венгром Л.Кошутом, французами Луи Бланом, А.Ледрю-Ролленом, П.Прудоном, итальянцами Д.Маццини, Ф.Орсини, Дж.Гарибальди.

Внимательно и комплексно изучив документальные материалы о жизни и творчестве А.И.Герцена, Сливовские сделали вывод, что «в огромном эпистолярном наследии А.И.Герцена, его корреспонденция с поляками занимает место, непропорционально тому значению, какое Искандер придавал

польскому вопросу, игравшему важную роль в его творческой деятельности, и тому кругу его польских знакомых и друзей, которые окружали его в жизни. Из 3000 без малого писем к 236 адресатам, которые были опубликованы в 30-томном издании Собрания сочинений Герцена, только 113 писем обращены к 16 польским адресатам»⁶. Кроме того, из этого числа 78 писем были адресовано к постоянным сотрудникам Вольной типографии, которые по словам Сливовских считались почти членами семьи: С. Тхоржевскому (75 писем) и Л.Чернецкому (3 письма).

Сливовские особо ценили то, что А.И.Герцен не сомневался в нравственных силах российского народа: «Нет мы не верим, чтоб юное поколение России приняло на себя эти капли непорочной крови, эти веревки, срезанные с виселицы. Чтоб оно из любви к империи Российской стало со стороны палачей, грабителей, со стороны пытки, – для этого надобно быть самому подлым, проданным или сумасшедшим ...Если б мы верили, что русский народ в своем азиатском раболепии любит господство над другими народами, и в силу этого выносит рабство, и в силу этого станет теперь за правительство, против Польши, нам осталось бы только желать, чтоб Россия как государство была уничтожена, обеславлена, разбита на части; желать чтоб оскорбленный и попраный народ русский начал новую жизнь, для которой память прошедшего была бы угрызением совести и грозным уроком»⁷.

Общей теме «Идеология и идеологи революционно-освободительного движения в России и Польше» посвящено еще несколько совместных работ Виктории и Рене Сливовских: «Hercen – Ogariow – Dostojewski»⁸, «Wissarion Bieliński», «Mikołaj Czernyszewski»⁹. По характеру эти статьи биографические, так как по мнению авторов, их жизнь и деятельность не очень хорошо известны полякам, но по содержанию они проблемно связаны с вопросами истории революционного и национально-освободительного движения в России и Польше XIX в.

Среди более, чем 300 научных публикаций Виктории Сливовской¹⁰ выделяется одна тема, которой она посвятила большую часть своих исследований, публикаций и научных проектов при сотрудничестве польских и российских историков – Польская ссылка в России.

Это – сложная и обширная тема, немало аспектов которой до сих пор остаются недостаточно освещенными. Помимо своего фактического значения польская ссылка в Россию является также частью и польской и россий-

⁶ W. Śliwowska, R. Śliwowski, *Gercen, poljaki i polskij vopros...*s.176.

⁷ А. И. Герцен, *Собрание сочинений в 30 томах*, Москва 1954-1965, т. 17. с. 42.

⁸ *Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej literaturoznawstwo*, Poznań 1979, s.153-161.

⁹ *Pisarze i krytycy. Z recepcji literatury rosyjskiej w Polsce*, Wrocław 1975, s. 139-171, 223-245.

¹⁰ *Bibliografia publikacji Profesor Wiktorii Śliwowskiej//Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim*. Lublin-Warszawa: Instytut Historii PAN, 2008. s. 13-30.

ской истории. Польские ссыльные, в первую очередь, участники освободительного движения 1832-1855 гг., участники восстания 1863 года – оставили след во многих областях жизни России. В этом смысле по ним можно изучать историю губерний и городов, их хозяйственную, общественно-политическую и культурную жизнь. На протяжении последних десятилетий наблюдается рост интереса к истории поляков в России, свидетельством чего являются многочисленные международные конференции и совместные российско-польские научные издания. Работы В.Сливовской являются важным этапом в развитии таких исследований и вносят значительный вклад в расширение представлений о польской ссылке в XIX в. не только в Сибири и ряде других регионов, например Казани и Казанской губернии, но и в России в целом. Убедительным примером в этом отношении может служить фундаментальная серия «Восстание 1863 года. Материалы и документы» (за 1961-1994 гг. из печати вышло 30 томов), в работе над которой она, много лет сотрудничала как составитель и член Главной редакции с выдающимися российскими историками-полонистами И.С. Миллером и В.А. Дьяковым.

Это уникальное, не имеющее аналогов издание, успешно осуществленное совместными усилиями польских, советских и российских историков, археографов, архивистов, сформировало и ввело в широкий научный оборот поистине бесценный корпус документов. Без его освоения невозможно глубокое и всестороннее изучение общественных процессов на польских землях в середине XIX в., в том числе разносторонних связей польского и многонационального общероссийского освободительных движений.

Внимательное изучение разнообразных трудов Виктории Сливовской по данной теме позволяет выделить несколько крупных проблем польской ссылки в России, масштабно и профессионально ею разрабатываемых на протяжении более 50 лет.

Многие труды Виктории Сливовской посвящены истокам польской политической ссылки, которые напрямую были связаны с историей России и Польши первой половины XIX в. и так называемым «польским вопросом» в общественном движении и социально-политической жизни этого периода.

На протяжении XIX – начала XX вв. менялись не только взгляды на «польский вопрос», но и сам «объем» русского общества, т.е. количество и характеристики групп, его образующих. В связи с последним моментом приобретает особенное значение контекстуальное изучение конкретных позиций по «польскому вопросу», в том числе по польскому восстанию 1830-1831 гг. и 1863 г., что и стало в основном предметом научных исследований Виктории и Рене Сливовских в 1960-70-х годах.

Виктория Сливовская обращала внимание, что уже программы декабристов умеренно ставили вопрос о независимости Польши. Павел Пестель в «Русской Правде» определял границы России, исходя из двух принципов:

1) «права народности» (т.е. права того или иного народа на самостоятельное политическое бытие) и 2) «права благоудобства» (т.е. права больших государств подчинять себе малые народы, неспособные к государственной самостоятельности). Из всех народов империи, только польский наделялся «правом народности»: «Что же до Польши касается, то пользовалась она в течении многих Веков совершенною Политическою Независимостью и составляла большое Самостоятельное Государство. Она могла бы и ныне сильное получить существование если бы соединила опять в общий Государственный Состав все свои части разобранные могущественными соседями. Из сего явствует что в отношении к Польше право Народности должно по чистой справедливости брать верх над правом Благоудобства. Да и подлинно Великодушию славного Российскаго Народа прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному Народу в то самое время, когда Россия и для себя стяжает новую жизнь. Итак: по правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование»¹¹.

Разгром польского восстания 1830-31 гг. стал как бы истоком, «первой волной» польской ссылки в Россию активных участников национально-освободительной борьбы польского народа за свою независимость. Затем последовали революционные события в Европе и Польше в 1848 г., 1861-62 гг. и наконец январское восстание 1963 года. Одной из важных задач для польских исследователей стала задача сбора документальных источников об участниках освободительного движения, их дальнейшая археографическая обработка и публикация.

Тема польской ссылки в России имеет широкие хронологические и территориальные измерения. Одна из задач исследований по данной проблематике – создать документальный материал, чтобы все ссыльные оказались рядом – независимо от того, куда их сослали и из каких мест они были «взяты» – с берегов ли Вислы и Немана или с берегов Невы, если только причиной их ареста, а затем приговора (судебного или административного) было участие в движении за независимость, сопротивление насилию царского режима. В.Сливовская считает, что розыски в польских и российских архивах, проводившиеся в последние годы с большим размахом, привели к тому, что сегодня биобиблиография «о «польской Сибири» содержит такое богатство сведений, какое не найти ни в каких ранее вышедших трудах». В соответствии с польской традицией Сибирь рассматривается не как географическое понятие, а как комплекс испытаний ссыльных, пережитых в различных районах Российской империи, как в европейской части, так и за Уралом. В статье о польской Сибири, опубликованной в 2010 году, В. Сливовская замечает: «Сибирскими ссыльными считались и прибывавшие в Архангельскую

¹¹ W. Śliwowska, *Pamiętniki dekabrystów*, Warszawa 1967, t. 1, s. 22.

и Пермскую губернии — всюду, где было очень холодно, равно как в киргизские степи или на территории, занимаемые всеми тремя отдельными корпусами, — не только Сибирским, но и Оренбургским и даже Кавказским. Не случайно и в межвоенный период, во Второй Речи Посполитой, и ныне, после II Мировой войны, к Союзу сибиряков принадлежали и принадлежат все побывавшие на каторге и в ссылке (а в XX веке — в ссылке, на поселении и в лагерях), независимо от того, были ли они в настоящей Сибири или на Дальнем Севере, в степях Казахстана или в пустынном Узбекистане»¹².

Это положение, характерное для польской историографии, разделяют и российские исследователи проблемы, хотя все-таки многие конкретные документальные материалы демонстрируют специфику и своеобразие региональных центров ссылки.

Книги Виктории Сливовской содержат обширный исторический и документальный материал и важные приложения (в том числе, «Список имен польских мучеников» – список людей сосланных в глубь России), богато снабжены иллюстрациями, «которые помогают создать образ польского повстанца и условия его существования». Кроме того, они содержат важный картографический материал. В начале книг дается карта Российской империи в XIX веке, далее – карта Байкала и Забайкальской области и уникальная карта путей, по которым наиболее часто совершались побег польских ссыльных из Сибири.

Российскими и польскими учеными, в том числе и Сливовскими, восстановлена динамика и хронология их перемещений по территории Российской империи, проанализирован социальный, национальный, конфессиональный, возрастной состав, профессиональные занятия, имущественное и правовое положение польских политических ссыльных. Тем не менее, до сих пор остается задача ввести в научный оборот новые, ранее неизвестные и недоступные региональные документальные материалы и источники в изучении польской ссылки в России. Например, В.Сливовская констатирует, что «к сожалению, у нас только частично использован материал из местных архивов». История поляков в России может быть адекватно воспринята и научно осмыслена только как комплексная тема, интегрально воссозданная как из разобщенных компонентов регионального местного и общероссийского содержания (или шире их определяя, как соответствующие разделы истории собственно российской), так и зарубежного (то есть страниц исключительно польской истории). В этом и состоит уникальная оригинальность «польско-сибирской» тематики» и существенная значимость привлекаемого и изучаемого российского и польского архивного до-

¹² В. Сливовская, *Польская Сибирь – мифы и действительность* // Новая Польша, Москва 2010. № 1. с.16.

кументального достояния по истории польской ссылки в контексте общего и равно важного как для отечественной, так и для польской науки и культуры. И в этой связи очень важной представляется деятельность профессора Виктории Сливовской по координации сотрудничества польских и российских ученых в публикации архивных документов — источников по истории Польши и польско-российских отношений.

После поражения польских восстаний 1830-1831 и 1863 годов в российской ссылке оказались тысячи хорошо подготовленных в высших и средних учебных заведениях поляков. Повстанцев 1830-1831 годов разместили главным образом в Сибири – в Нерчинске, Иркутске, Енисейске, Томске, Омске и во всех этих местах они положили начало краеведческим музеям и библиотекам. Часто они взаимодействовали с декабристами. Оказали поляки и большое влияние на развитие исследований Киргизских степей (нынешнего Казахстана), участвовали в исследовательских экспедициях к Аральскому озеру и побережью Каспийского моря. К сожалению, результаты проведенных ими изысканий были опубликованы лишь во фрагментах и они, по мнению, В.Сливовской ждут сегодня своего восстановления и изучения.

Кроме проблемы включения польской диаспоры в жизнь края, актуальной является проблема внутренней жизни поляков в тех регионах, где она формировалась. И среди них на первое место выдвигается тема католического вероисповедания. Хорошо известна роль религии в жизни польского общества. Русская православная церковь принципиально не допускала католическое вероисповедание на территории России, поэтому оно не имело большого распространения в стране, особенно в восточных и северных районах. Ссылные поляки сразу же столкнулись с этой жизненной проблемой. Тем не менее, многие исследователи, в том числе В.Сливовская отмечают, что в большинстве своем поляки оставались верны своим убеждениям в вере, что тяготы ссылки их не надломили, а случаи отречения от католической веры были редки. Объединяющей идеей стала мысль о строительстве костелов, поскольку первоначально службы проводились в частных домах. Известно, что к концу XIX века наличие костелов на «второй родине» поляков стало заметным явлением. История их появления ставит две проблемы. Во-первых, роль католического костела как центра жизни польской диаспоры, во-вторых, католический храм как один из источников сохранения и развития соответствующих духовных традиций и культуры.

Одной из тем, обсуждаемых в статьях В.Сливовской является судьба женщин в ссылке («Ссылные поляки и их участие в развитии образования и музыкальной культуры в Сибири в XIX веке». История и современность. Биографические материалы IV симпозиума. Вена, 1999; «Женщины в движении помощи польским ссыльным в Сибири в первой половине XIX века». Женщина и общество на польских землях. Варшава, 1990; «Поль-

ша-Сибирь. Два мира глазами сосланных полек». Лодзь, 2001). Викторию Сливовскую интересовали их судьбы и взаимоотношения, а также социокультурная жизнь («Культурно-просветительская деятельность польских ссыльных в XIX веке». *Slavia Orientalis*. 1997. № 3). В этом отношении очень показательна одна из статей Викторией Сливовской, посвященной Еве Фелиньской, писательнице, польской общественной деятельнице XIX века¹³. Ева Фелиньская стала не только первой в Польше активной участницей национально-освободительного движения, но и одной из первых ссыльных в Сибирь. Будучи в Сибири, она занялась изучением народов и истории региона в целом. Е.Фелиньская «доброжелательно и терпеливо относилась к людям, которые приходили к ней, чтобы посмотреть на польскую ссыльную и узнать о ее Родине»¹⁴. После возвращения домой Е.Фелиньская написала «Воспоминания о путешествии по Сибири». Это не только запись собственных переживаний, но также многоплановый взгляд на общественные и хозяйственные проблемы, существовавшие за Уралом. Большое внимание было уделено описанию культуры сибирских туземцев. Можно сказать, что Фелиньская стала первой польской женщиной, которая проводила этнографическое исследование повседневности Сибири.

В своих работах Виктория Сливовская многократно поднимает тему возвращения поляков на родину. Самой желанной мечтой всех польских ссыльных было быстрее закончить ссылку и одним из вариантов был побег. Одну из последних своих книг В.Сливовская так и назвала «Бегства из Сибири»¹⁵. В ней освещаются судьбы поляков, сосланных за участие в национальных восстаниях XIX в. и бежавших (или собиравшихся совершить бегство) из Сибири. Автором рассматриваются одиночные и коллективные побегы ссыльных, а также условия их жизни в изгнании: меры наказания, материальные условия, отношения с местным населением и т.д. Рядом с судьбами поляков – история препятствий, преследований, и богатейший материал о помогавших ссыльным россиянах. Виктория Сливовская, в частности приводит в пример известный дневник Яна Генриха Сероницкого, который официально служил рядовым в русской армии за участие в восстании 1831 года. В действительности, будучи преподавателем Омского войскового казачьего училища, он давал уроки сыну директора, который стал его защитником. Но даже директор не смог уберечь Сероцинского от страшного наказания за участие в так называемом омском заговоре 1833 года. Вместе с товарищами, мечтавшими о побеге через Бухару в Китай и дальше в Европу, он был арестован, после длительного следствия осужден в январе 1837 г.

¹³ W. Śliwowska, *Myśli i czyny Ewy Felińskiej z Wendorffów* // *Wrocławskie Studia Wschodnie*, Wrocław 1998. № 2.

¹⁴ А. В. Гагилова, *Виктория Сливовская как исследователь польской ссылки*, Казань 2009, с.64.

¹⁵ W. Śliwowska, *Ucieczki z Sybiru*, Warszawa 2005, s.1.

на 6 тысяч палочных ударов и умер во время экзекуции в Омской крепости в марте того же года, вместе с четырьмя обвиненными солдатами. 12 осужденных пережили это ужасное наказание, утвержденное самим императором Николаем I. Омский заговор — это одна из самых потрясающих страниц в истории польской ссылки первой половины XIX столетия. Но так или иначе побеги ссыльных поляков из Сибири продолжались независимо от их очень частой безуспешности.

Возвращение части ссыльных поляков стало возможно в связи Коронационным манифестом Александра II 1856 г. Однако это возвращение растянулось на много лет, так как это не была амнистия, автоматически охватывающая всех: о каждом из ссыльных собирали сведения во многих местах, прежде чем царь давал высочайшее разрешение на выезд на родину. Ходячее мнение, что возвращавшихся из ссылки встречали на родине с распростертыми объятиями, как замечает В.Сливовская, не всегда подтверждается. Действительно, не трудно было устроиться сыновьям из богатых семей, даже если они заставляли имение не таким процветающим, как его оставили. Однако многие из крестьян, обремененные семьями, прибывали к своим близким, живущим в нищете или бедности, становясь для них дополнительной обузой, к тому же сами не могли заработать на жизнь. Свидетельство тому — многочисленные просьбы о пособии, сохранившиеся в фонде Комиссии внутренних дел, в которых порой звучит подлинное отчаяние. И не удивительно, что находились и такие, кто сразу подавал прошение разрешить им остаться в Сибири или другом месте, где они устроили свою жизнь, или такие, которые вернувшись и осмотревшись на месте, возвращались в места ссылки. О них также идет речь в работах Виктории Сливовской.

География деятельности В. Сливовской не ограничивалась Московской и Петербургом. Она поддерживала систематические связи и часто встречалась с историками, архивистами, краеведами и членами национально-культурных обществ в ряде городов России, которые в XIX в. были провинциальными центрами, а их история была связана с польской ссылкой, с поляками — участниками освободительного движения. Путешествия позволили открыть новые исторические источники, а также расширить научные связи, которые стимулировали разработку польской тематики на местах, в региональных научных и университетских центрах России. Профессор Казанского университета И.И. Шарифжанов в письмах к В. Сливовской восхищался ее заботами о расширении российско-польских научных связей — поездками на Ангару, Байкал, в Якутск, Томск, Архангельск и другие российские города. В. Сливовская дважды побывала в Казани. Это произошло в связи с тем, что в начале 1990-х годов Комиссия начала активно развивать исследования, посвященные общественно-политическому и культурному взаимодействию России и Польши, в частности польскому и русскому (выходцам из России)

населению в обеих странах соответственно. В рамках изучения названной проблематики в 1992 г. в Казани Комиссией историков была проведена Международная научная конференция «Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.)». По мнению академика ПАН Ю. Бардаха, возглавлявшего тогда польскую делегацию, «Казань оказалась именно тем местом, которое наиболее соответствовало тематике конференции». Материалы конференции были изданы в 1995 г. в Варшаве, а затем отдельным томом на русском языке. Такого уровня форум историков-полонистов состоялся в Татарстане впервые. Он положил начало активному научному сотрудничеству Казанского университета с польскими научными организациями. Тема ссылки получила продолжение в рамках следующей казанской конференции, «Польская ссылка в России XIX–XX вв.: региональные центры» (1997). Ее сопредседатели – И.И. Шарифжанов и В. Сливовска – подчеркнули, что «конференция способствовала повышению эффективности исследований по польско-российской тематике в российских регионах и оказала существенную помощь в составлении компьютерной базы данных о ссылных поляках».

*Польские «корни» профессора В. И. Григоровича
и его интеллектуальная биография: история «ухода»*

Strzeszczenie: В статье прослеживается влияние польского происхождения на научные интересы известного российского славяноведа Виктора Григоровича. Анализируется влияние польских историков на становление научных взглядов Григоровича. В статье показаны взгляды Григоровича на развитие польской литературы. Сделана попытка по новому посмотреть на интеллектуальную биографию известного славяноведа через призму его национальной идентичности.

Summary: The article traces the influence of Polish origin on the scientific interests of the famous Russian Slavonic scholar Victor Grigorovich. The influence of Polish historians on the formation of Grigorovich's scientific views is analyzed. The article shows Grigorovich's views on the development of Polish literature. An attempt is made to take a new look at the intellectual biography of the Slavic scholar through the prism of his national identity.

Słowa kluczowe: Wiktor Grigorowicz, słowianoznawstwo, tożsamość narodowa

Keywords: Victor Grigorovich, slavic studies, national identity

Одним из важных моментов в антропологической истории науки является такая проблема как национальная принадлежность ученого¹. Национальная идентификация ученого для исторической науки особенно важна. Можно привести немало примеров, когда национальность историка определяла его научные интересы, влияла на постановку проблемы и результаты исследования. Как правило, в этом случае историк-исследователь идентифицирует себя с определенной национальной общностью, исходя из своих традиционных „корней”. Но бывают и так, что ученый вынужден „уходить” от своих „корней”, пытаясь по тем или иным причинам обрести новую идентичность. Одним из таких примеров на наш взгляд, является научная биография профессора Григоровича.

¹ См. напр.: Г. П. Мягков, Н.И. Недашковская, *Польские «корни» российских славистов XIX в.: к проблеме антропологической истории науки*, Polonia в Казани и в Волго-Уралье в XIX – XX вв., Казань, 2011, с. 19–27.

Виктор Иванович Григорович, один из основателей российского славяноведения, филолог-славист, профессор Казанского, Московского, Новороссийского университетов родился в г. Балта Подольской губернии. Отец его по происхождению был малороссом, мать – полькой, дочерью мелкопоместного польского шляхтича². Мать Григоровича была польского рода Шелеховских³. Известно, что в детстве Григорович был очень привязан к матери. Ее ранняя смерть сильно повлияла на формирование характера будущего слависта – он рос замкнутым, тихим, скромным, сосредоточенным в себе⁴. В дальнейшем, по отзывам современников, эти черты характера стали определять весь жизненный путь известного ученого-славяноведа. Польский язык Григорович знал с детства⁵, возможно это было заслугой его матери. В семье и базилианском училище Григорович говорил исключительно по-польски⁶.

Отразилось ли то обстоятельство, что Григорович ощущал свои польские корни на формирование интересов будущего славяноведа, не известно, но в годы учебы в Харьковском университете Григорович интересовался историей Польши, в особенности развитием польской литературы. Вместе с этим Григорович всегда проявлял большое внимание к античной истории. Эти интересы возникли у Григоровича, судя по всему, не случайно. Примечательно, что младшего брата Виктора звали Олимпий. Вполне вероятно, что интерес к античности был отличительной чертой в семье Григоровича. Было ли это следствием влияния польско-украинских корней Григоровича, сказать сложно, но интересно, что Григорович в своих ранних работах всегда подчеркивал влияние античного элемента на историю Польши, как благотворное и прогрессивное. Григорович прекрасно владел латинским и древнегреческим языком. В Казанском университете он преподавал древнегреческий язык. Сохранились его черновые записи, свидетельствующие об его интересе к античной истории и философии⁷.

В семилетнем возрасте Григорович был отдан в пансион базилианского ордена в г. Умане. Преподавание в этом учебном заведении велось на латинском и польском языке⁸. Отсюда превосходное знание Григоровичем поль-

² А. В. Сергеев, *Исторические взгляды В.И. Григоровича*, Казань 1978, с. 5.

³ М. П. Петровский, *Виктор Иванович Григорович в Казани. Библиографический очерк*, СПб 1892, с. 10–11. Прим. 21.

⁴ Т. Щербань, *Фундатор наукового слов'язнознавства : до 190-річчя від дня народження В. І. Григоровича*, „Вісник Національної академії наук України” 2005, № 5, с. 64.

⁵ М. П. Петровский *Григорович и Прейс. К истории славяноведения на Руси, „Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук”* 1897, Т. II, Кн. 3, с. 722.

⁶ А.И. Кирпичников, *В.И. Григорович и его значение в истории русской науки*, Одесса 1894, с. 4.

⁷ Тетрадь черновых записей Григоровича ОРРК НБЛ, Ед. хр. 1129, Л. 48 об.

⁸ В. А. Яковлев, *В. И. Григорович. (Некролог)*, Варшава 1877, с. 1.

ского языка и навык к латинскому письму и речи⁹. Характерен один эпизод, который рассказывал сам Григорович. Когда однажды попечитель уманского училища, граф Потоцкий, проездом заглянул туда, ему предложили посетить лекцию русского языка. „Baraniego języka nie chce słuchać” – ответил Потоцкий¹⁰. В 1830 г. будущий славист поступил в Харьковский университет, на этико-филологическое отделение. Деканом этико-филологического отделения в то время был известный украинский писатель П.П. Гулак-Артемовский, который был большим знатоком польской истории, языка и литературы¹¹. Возможно, именно под влиянием Гулак-Артемовского, а может быть, помня о своих польских корнях, Григорович начинает увлекаться славянским фольклором, собирает народные песни и сказания. Особо Григоровича интересовала в то время польская драматургия XVI в. Григорович отмечал, что польская драма XVI в. была разнообразна по тематике и глубоко восприняла дух античной драмы. Особенно Григорович интересовался творчеством польского поэта Кохановского, отмечая влияние античных авторов на его произведения. Григорович отмечал: „Польский поэт Кохановский глубоко вникнул в дух древней драмы. Трагедия <<Хор>> напоминает лучшие места Софокла”¹².

В дальнейшем под влиянием исторической специфики Казанского края, где оказался Григорович, после приглашения на кафедру славянских наречий Казанского университета, он выбирает предметом своего изучения Болгарию¹³. Несмотря на это, история Польши присутствует в славяноведческих работах Григоровича в контексте общеславянского развития. В своих ранних работах „Краткое обозрение славянских литератур” и „Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах” Григорович подробно рассматривает развитие литературы в Польше, уделяя истории польской литературы наибольшее внимание. Особенно подробно Григорович останавливается на рассмотрении вопроса о влиянии античности на польскую литературу, характеризуя это влияние как прогрессивное и содействующее развитию польской культуры и польского языка. Наибольшее внимание истории польской литературы Григорович уделил в своей первой печатной работе „Краткое обозрение славянских литератур”, опубликованной в „Ученых записках Казанского университета” в 1841 году. Стоит отметить, что

⁹ П. Н. Полевой, *Три типа русских ученых. (Куник, Срезневский и Григорович)*, „Исторический вестник” 1899, Т. 76, с. 141.

¹⁰ В. А. Яковлев, *В. И. Григорович. (Некролог)*, Варшава 1877, с. 1.

¹¹ А. В. Сергеев, *Исторические взгляды В.И. Григоровича*, с. 7.

¹² А. В. Сергеев, *Исторические взгляды В.И. Григоровича*, с. 8.

¹³ П. В. Георгиев «Славянский мир» на казанской почве: выступления В.И. Григоровича на заседаниях общества любителей отечественной словесности, „Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона: научный альманах 2017”, Ижевск 2017, с. 13–22.

особое место в ранних работах Григоровича, посвященных истории славянской литературы, занимали труды польских ученых, особенно В.А. Мацеёвского. Заслуги этого польского ученого Григорович всегда особо отмечал в своих работах¹⁴. В 1839 году Мацеёвский издал „Обозрение памятников славянской литературы”, а также затронул историю славянской литературы в другом своем сочинении „История славянских законов”¹⁵. Эти работы оказали значительное влияние на труды Григоровича. Под влиянием Мацеёвского, Григорович само понятие литературы определяет по-новому и пользуется таким материалом, который до этого совсем не считался литературным, а разве только палеографическим¹⁶.

Взгляды Мацеёвского на необходимость представить развитие славянской литературы в качестве единого общего процесса с единой периодизацией Григорович принимает за методологическую основу при рассмотрении литературы славянских народов в своей магистерской диссертации „Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах”¹⁷. Следуя методологии Мацеёвского, Григорович рассматривает в своей магистерской диссертации историю славянской литературы не по племенам, а по этапам:

„Желая составить историю словенских литератур, – отмечает Григорович, цитируя Мацеёвского, – надобно ее обобщить, одними обозначить периодами, надобно представить ход её в таком виде, чтобы, всматриваясь в него, можно было обозреть весь объём целого и в общих и частных чертах, не затрудняясь усмотреть, до какой степени просвещения славяне достигали и к чему должны стремиться”¹⁸.

Именно этому принципу, при рассмотрении истории славянских литератур, и следует Григорович в своей магистерской диссертации.

Рассматривая взгляды Григоровича на историю литературы в Польше, надо отметить следующее. Григорович, пожалуй, впервые, попытался рассмотреть развитие славянской литературы в общем контексте исторических особенностей развития восточного и западного славянства. При этом Григорович ставил развитие литературы в тесной связи с формированием менталитета западных и восточных славян. По словам Григоровича, литература

¹⁴ В. И. Григорович, *Славянские древности*, Варшава 1882, с. 31; *Лекции В. Ив. Григоровича, читанные им студентам IV курса Новороссийского университета в 1868/9 акад. году*, Воронеж 1880. с. 20.

¹⁵ В. И. Григорович, *Славянские древности*, Варшава 1882, с. 6.

¹⁶ А. И. Кирпичников *В.И. Григорович и его значение в истории русской науки*, Одесса 1894, С. 5.

¹⁷ В. И. Григорович, *Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах*, „Учен. зап. Казан. ун-та”, 1842, Кн. 3, с. 112.

¹⁸ Там же. С. 112.

у славян сербских, русских и болгарских, подверглась влиянию восточной церкви, тогда как чехов и поляков в их умственном развитии западное исповедание повело другими путём¹⁹. Здесь преобладал латинский язык, который, как отмечает Григорович, оставался в Польше языком поэзии и учености в продолжении всего XV века. Собственная польская письменность слабо распространялась²⁰. Важнейшим толчком к развитию литературной деятельности у поляков, по мнению Григоровича, послужило религиозное движение гуситов. По словам Григоровича, „новые понятия о вере, распространённые Гусом, сильно подействовали на умы поляков. Скорое появление гуситов в Кракове и частные диспуты в академии доказывают, что гуситизм в Польше, как и в Богемии имел большое участие в развитии любви к отечественному языку”²¹. „Поляки, подвинутые гуситизмом и реформацией достигнули, изучением классической, более разнообразной литературы, нежели чехи. Утвердительно можно сказать, что реформа Гуса и реформа XVI столетия были главнейшими пружинами их литературной деятельности”²².

Другим фактором способствовавшим развитию национального польского языка, по мнению Григоровича, было обращение к античной культуре, вызванное общим движением Возрождения. Это влияние античной культуры способствовало, по мысли Григоровича, развитию в Польше научного знания и иной, чем на востоке, политической культуры, основанной на силе слова:

„Под шум не утихавших споров о богословских предметах, раздавались звуки лиры, настроенной на лад Анакреона, Феокрита, Горация и Виргилия. Потребность действовать силою слова прибегала не токмо к проповедям, но открыла для себя обширное поприще в сеймах, в нравственных и исторических книгах. (курсив мой – П.Г.) Влияние древних проникло умы до того, что почти все роды литературы приняли классическая формы. История писалась по образцу Фукидида; драма и без правил Буало писалась как бы ее писал сам Софокл; идиллия, единственный род поэзии, в котором дух славян весьма сходен с духом древних, лирика и проч. все воссоздано было в литературах чешской, польской, далматской, образовавшихся в школе греков и римлян”²³.

¹⁹ В. И. Григорович, *Краткое обозрение славянских литератур*, „Учен. зап. Казан. ун-та” 1841, Кн. 1, с. 111; В. И. Григорович, *Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах*, „Учен. зап. Казан. ун-та”, 1842, Кн. 3, с. 115–116.

²⁰ В. И. Григорович, *Краткое обозрение славянских литератур*, „Учен. зап. Казан. ун-та” 1841, Кн. 1, с. 122.

²¹ Там же.

²² В. И. Григорович, *Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах*, „Учен. зап. Казан. ун-та”, 1842, Кн. 3, с.119.

²³ В. И. Григорович, *Краткое обозрение славянских литератур*, „Учен. зап. Казан. ун-та” 1841, Кн. 1, с. 123.

Именно влияние античности на языковые формы польского языка, по мнению Григоровича, способствовало развитию национального языка и дало толчок к его развитию, а также способствовало развитию начатков научного знания:

„Таким образом, – замечает Григорович, – к прежнему элементу богословскому, показавшему всю силу языков польского и чешского, присоединился новый, дух древности, которого разнообразие, неподдельные красоты, и неподражаемая, естественность, отражаясь в обеих литературах, дали им разнообразное направление и раскрыли в языках силу, и богатство и красоту, которые и ныне поставляются в образец новейшим литературам сих народов”²⁴.

Все это по мнению Григоровича формировало у поляков и чехов иной, нежели у восточных славян менталитет, основанный на стремлении к самостоятельному знанию и соревнованию, возбуждал споры „не об одних лишь догматах, а вообще о правах главы церкви, заставил знакомиться с оригинальными литературными произведениями древности, и приучил к критическому, исследованию о всех вопросах, касающихся богословия, философии и политики народов”. (курсив мой – П.Г.) „Богословие и богословские споры не перестают увлекать умы, но вместе с ними развивается гражданское красноречие, совершенствуется исторический слог, образуется легкая дидактическая проза”²⁵. (курсив мой – П.Г.)

По словам Григоровича, „Эти усилия расширить, уяснить круг религиозного верования пробудили любовь к польскому языку. Сперва словесными спорами, потом переводами Библии для разных вероисповеданий, наконец, и то уже с 1586 года, переводами классических произведений, язык польский сделался достоянием литературы народной”²⁶. „XVI в. являлся золотым веком польской литературы и польской культуры и просвещения – отмечает Григорович. Польская литература в XVI столетии, по мнению Григоровича, достигла того совершенства, которое за исключением, быть может, итальянской, не достигла ни одна европейская современная словесность»²⁷. «Замечательно, особенно для сравнения с последующими временами, что Кальвин и Лютер посвящали свои сочинения королю польскому” – замечает Григорович²⁸.

²⁴ В. И. Григорович, *Краткое обозрение славянских литератур...*, с. 123.

²⁵ Там же, с. 126.

²⁶ В. И. Григорович, *Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах*, 1842, Кн. 3, с. 119.

²⁷ В. И. Григорович, *Краткое обозрение славянских литератур...*, „Учен. зап. Казан. ун-та” 1841, Кн. 1, с. 124.

²⁸ Там же. с. 126.

В XVI в., отмечает Григорович, развивается собственно польская письменность и начинает быстро стремиться к совершенству со времени учреждения в 1520 г. типографии в Кракове²⁹. Особенно отмечает Григорович развитие польской поэзии:

„После слабых опытов Рейа из Нагловец 1515, поэта и прозаика на поприще литературном появляется Ян Кохановский, которого гений, по словам одного отличного польского критика, ввергает нас в недоумение и заставляет там доискиваться предварительного, векового совершенствования языка и литературы, где то и другое только что появилось в полном развитии вместе с именем гениального поэта”³⁰.

Григорович отмечает, что:

„Кохановский испытал свои силы во всех родах литературы, не оставляя даже драматической. В лирических песнях своих он подражал Горацию и Анакреону, в эпиграммах греческим эпиграмматистам, в драме Софоклу ... Сверх того он переводил Гомера, псалтирь Давида и Анакреона. Кроме польских оставил много латинских стихов. Язык его весьма чист, гибок и вполне передаёт красоты образцов; поэзия дышит простотой и естественностью древних”³¹.

Упадок литературы и культуры в Польше Григорович связывает с деятельностью иезуитов:

„Иезуиты, – замечает он, – покровительствуемые уже Стефаном Баторием, даровавшим им право основать университеты, сперва стали, под предлогом соревнования, подавлять светские школы, унизили в последствии академию краковскую, завладели всеми училищами, обольстили слабых королей особенно Сигизмунда и Иоанна Казимира, опутали спесивых магнатов, посеяли раздоры в диссидентах и возбудили ненависть против греческого исповедания между жителями южных провинций. Таким образом действуя систематически, они достигли почти того же влияния как в Богемии, возбудили гонение на разномыслие, лишаемых покровительства законов, и переделали воспитание на свой лад. Вот почему мы замечаем, особенно со второй половины XVII до конца первой половины XVIII столетия, то же отсутствие, здравого смысла, ту же бесхарактерность в польской литературе как и чешской”³². И далее: „Языки чешский и польский утратили всю

²⁹ Там же. с. 131.

³⁰ Там же. с. 132.

³¹ В. И. Григорович, *Краткое обозрение славянских литератур...*, „Учен. зап. Казан. ун-та” 1841, Кн. 1, с. 133.

³² Там же. с. 141–142.

свою чистоту, превратились в варварскую смесь латинского с славянским. Иезуиты, в руках которых находилось все образование, не заботились об усовершенствовании его: космополиты, имея в виду только интерес папы и своего ордена, они ни где не доказали своей любви к народности, никогда не трогались её упадком”³³.

По мнению Григоровича, иезуиты даже пытались возродить в польской шляхте мысль о тождестве их с римскими патрициями, искажая гуманизм античного наследия такого рода сомнительными аналогиями:

„(...) аристократы в сладком упоении эгоизма, легко стали повиноваться воле иезуитов. Уча их педантской латыни и искажая мысли классических писателей, иезуит поселял в гордечах приятную идею возрождённого в польском вельможе римского патриция, окружённого толпами клиентов, шляхтичей. Странная противоположность! Смиренная набожность и беспредельная надменность, угнетавшая слабых, отличала взлелеянного иезуитами польского патриция. Иезуиты мнили воссоздать классические времена Рима! думали поддержать классическое образование. Но в литературе вышло наоборот; вместо простоты и естественности, вместо остроумия, коими отличаются все римские классики, появилось самое уродливое красноречие, самая напыщенная поэзия”³⁴.

Следующий этап возрождения польской литературы Григорович связывает с появлением такого видного общественного и политического деятеля как Станислав Конарский, который выступил на борьбу с иезуитами. „Станиславъ Конарский, – замечает Григорович, – сбрасывает с себя тяжкие узы иезуитского схоластицизма, преодолевает свои собственные привычки и первый дерзает силою убеждения и собственного примера, отвергнув старое, проложить новый путь в польской литературе, запятнанной педантскою латынью”³⁵. XVIII в. заканчивает Григорович обзор истории славянской литературы.

К сожалению, в своих более поздних работах Григорович никогда больше не возвращался к истории Польши. Возможно это было связано с политической конъюнктурой того времени. Тема славянского единства при Николае I не находила поддержки. Не могла получить поощрения и тема, связанная с Польшей. К тому же Григорович еще, будучи магистрантом, подвергся нападкам русофила Иванова³⁶, что вероятнее всего было связано с его поль-

³³ Там же. с. 144.

³⁴ Там же. с. 147.

³⁵ В. И. Григорович, *Краткое обозрение славянских литератур...*, „Учен. зап. Казан. ун-та” 1841, Кн. 1, с. 150.

³⁶ См.: А.И. Кирпичников, *В.И. Григорович и его значение в истории русской науки*, Одесса 1894.

ским происхождением. Это польское происхождение ему припоминали и потом еще не раз³⁷. Понятно, что в таких условиях Григорович не мог не выбрать иные темы для научных исследований и в дальнейшем даже всячески абстрагировался от своего польского происхождения. Это, во-многом, объясняет его последующий выбор темы, связанный с Болгарией, а также подчеркивание своей православной идентичности и критику католицизма. Но многие черты характера Григоровича выдавали в нем „другого”. Не была ли эта инаковость следствием польского происхождения ученого? То, от чего так старательно уходил Григорович, а именно идентификация себя как поляка, все равно прорывалось наружу. Порой не свойственной для русских воодушевленностью и экзальтацией³⁸, порой чрезмерной гордостью, спрятанной, однако за ложной скромностью³⁹. Примечательно, что Григорович так и не реализовал себя в российской науке, остался в воспоминаниях современников как большой чудак⁴⁰. На наш взгляд, причиной тому, во-многом, было то самое бегство ученого от *своей* идентичности, что в конечном итоге стало причиной того, что Григорович так и не обрел *новую* идентичность.

³⁷ П. Н. Полевой, *Три типа русских ученых. (Куник, Срезневский и Григорович)*, „Исторический вестник”, 1899, Т. 76, с. 137–143.

³⁸ Н. П. Кондаков, *Воспоминания и думы Н. П. Кондакова*, Prague 1927, с. 59.

³⁹ Д. А. Корсаков, *Былое из жизни Казанского университета 1856-1860 гг.: Из воспоминаний о прошлом*, „Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100 – летию Имп. Казан. ун-та” Казань 1904. с.171–172.

⁴⁰ См. напр.: Д. А. Корсаков, *Былое из жизни Казанского университета 1856-1860 гг.*, с. 172–173.; Н.Н. Овсянников *Записки студента Казанского университета (1851-1855)*, „Русский Архив” 1909, Кн. 3, № 12, с.493–496; И. И. Михайлов, *Казанская старина. (Из воспоминаний И. И. Михайлова* „Русская Старина” 1899, Т. 100, ноябрь № 11, с. 412.

АНАСТАСИЯ ГАТИЛОВА
Instytut Kultury Światowej Unesco
Oddział w Kazaniu
nastya.2002@rambler.ru

FORUM WSCHODNIE
ROCZNIK INTERDYSCYPLINARNY NR 6/2018

ТАТИАНА ГОРДЕЕВА
Kazański Państwowy Instytut Kultury
gordeeva-muz@rambler.ru

Вклад казанских ученых в развитие музыкотерапии

Streszczenie: W artykule ukazana została krótka historia naukowej, społecznej i oświatowej działalności kazańskich uczonych w zakresie muzykoterapii. Szczególną uwagę poświęcono pracom profesora Uniwersytetu Kazańskiego Jana Dogiela i jego eksperymentom dotyczącym wpływowi muzyki na człowieka i zwierzęta, w rezultacie czego uczony jawi się jednym z twórców rosyjskiej muzykoterapii.

Summary: The article deals a brief history of academic, social and educational activities of Kazan scientists for music therapy. Particular attention is paid to the experiments of the professor of Kazan Imperial University Ja. Dogel and his experiments on the effects of music on people and animals, as a result of which he was recognized as one of the founders of the national music therapy.

Słowa Kluczowe: Kazań, uczeni kazańscy, Jan Dogiel, zdrowy tryb życia, muzykoterapia

Keywords: Kazan, Kazan scientists, John Dogel, healthy lifestyle, music therapy

В России первые научные работы, посвященные механизму влияния музыки на человека, появились в конце XIX – начале XX столетия. В работах В.М. Бехтерева, И.М. Догеля, И. М. Сеченова, И. Р. Тарханова содержались выводы о благоприятном влиянии музыки на центральную нервную систему, дыхание, кровообращение, газообмен. Русские ученые С. П. Боткин и И. П. Павлов, И. М. Сеченов открыли зависимость – с помощью музыки можно регулировать диссинхронные ритмы, появляющиеся в мозгу при стрессе. И. Р. Тарханов, ученик выдающегося русского физиолога И. М. Сеченова, в статье «О влиянии музыки на человеческий организм» (Санкт-Петербург 1893 г.) он сделал вывод, что гармоничная благозвучная музыка положительно влияет на функционирование сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной систем.

Бехтерев в качестве основного принципа применения музыки как лечебного средства выдвинул принцип индивидуальности, сформулировал ряд требований, которым должна соответствовать лечебная музыка, а также дал методические рекомендации к построению музыкально-терапевтического

сеанса, тем самым обозначая основные ориентиры для дальнейшего развития отечественной музыкальной терапии. Ученый пророчил музыкальному лечению большую будущность и считал необходимым всестороннее изучение терапевтических возможностей музыки с целью их дальнейшего использования в медицинской практике для различных категорий больных.

В 1913 году, по инициативе выдающегося ученого, была создана специальная Комиссия по исследованию влияния музыки на организм. Целью и задачами Комиссии было всестороннее изучение лечебных, воспитательных и гигиенических возможностей музыки, а также в привлечении внимания широкого круга специалистов нейрофизиологии и нейропсихологии, а также сферы музыкального искусства к исследованиям в данной области. Ритм, как основа музыкального произведения, оказывает огромное влияние на человека. В 1916 году Бехтерев установил, что даже простое отбивание ритма влияет на частоту пульсаций крови. Он подчеркивал, что каждый человек имеет свой неповторимый индивидуальный ритм, который меняется в зависимости от психического состояния.

Интересны научные изыскания А.Ф. Самойлова, выдающегося физиолога, ученика И.М. Сеченова. Мировую известность ему принесли опыты по электрокардиографии. Получив медицинское образование, Самойлов изначально пытался соединить науку с музыкой. Среди его наиболее значимых музыковедческих работ – статья, посвященная музыке русского композитора Скрябина и его „обертоновой» теории гармонии. Исследуя структуру чистого гармонического строя в музыкальной акустике, Самойлов выдвинул идею отобразить ее в виде кристалла, а не в виде привычного линейного ряда (звукоряда). Независимо от него к подобным мыслям приходили В. Гольдшмидт, К. Вайс (Германия), В.И. Вернадский (Россия).

Особая роль в развитии отечественной музыкотерапии принадлежит Казани. Именно здесь в 1885 году Бехтеревым была открыта первая в России экспериментальная психофизиологическая лаборатория в рамках видения ученым настоятельной необходимости в разработке объективного метода исследования мозга и психики, в создании комплексного учения о человеке. В то время Бехтерев был профессором и заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета.

Большой вклад в развитие экспериментальных исследований по воздействию музыки на живые организмы внес основатель отечественной фармакологии, профессор Казанского императорского университета И. М. Догель (Ян Догель)¹ (1830 – 1916) (см. Рис. 1). На деятельности данного ученого не-

¹ В Императорском Казанском университете служили три ярких представителя династии Догелей – И. М. Догель, М. И. Догель и А. С. Догель. Несмотря на то, что эта династия принадлежит к старой польской аристократии, имеющей свой фамильный герб, во время диссертационного исследования у одного из авторов данной статьи возникли спор-

обходимо остановиться особо, потому что именно благодаря его широкой эрудиции, пытливости, научному энтузиазму были получены важные выводы о музыкально-звуковых влияниях музыки на человека, впоследствии давшие плоды в казанской реабилитационной и социально-адаптационной практике и образовании XXI века.

И. М. Догель являлся родственником Матвея Догеля, известного польского историка. Среднюю школу Догель окончил в Каунасе и в 1854 году стал выпускником Медико-хирургической академии в Петербурге. В 1863 году защитил докторскую диссертацию о строении и функциях лимфатических желез². Вскоре после защиты Догель в течение четырех лет проходил стажировку за границей. Свою научную деятельность он начал в Гейдельберге, а затем продолжил в Лейпциге, где провел два года в лаборатории. После возвращения в Россию молодой ученый был избран профессором кафедры фармакологии Казанского университета. Впоследствии им было выполнено более 80 научных трудов, основными из которых были работы по сравнительной анатомии, физиологии и фармакологии сердечнососудистой и нервной систем. Основные исследования ученого затрагивали влияние различных химических соединений на деятельность сердца и кровообращения³. Его экспериментальные работы в области физиологии, гистологии, химии и фармакологии были опубликованы на польском, русском, французском и немецком языках в многочисленных медицинских журналах. В 1866 году Догель впервые установил возможность рефлекторной остановки сердца при раздражении слизистой оболочки носа парами хлороформа. Как отмечалось в «Казанском медицинском журнале», «крупные исследования на медицинском факультете были проведены выдающимся ученым Догелем, который изучил влияние многих фармакологических средств на различные функции организма, включая нейротканевые отношения»⁴. В 1889 году

ные вопросы с современными потомками знаменитой династии. Так, в личной переписке с праправнуком И. М. Догеля – Владимиром Александровичем Догелем обнаружилась неоднозначная позиция относительно польского происхождения династии. В. А. Догель настаивал на признании её литовских корней.

² *Выдающиеся деятели медицины конца XIX-го – начала XX-го вв.* Информация с сайта Московской Медицинской академии имени И.М. Сеченова. URL: <http://www.mma.ru/cnmb/persons/figures3?print=1> (дата обращения 28.03.18)

³ *Ueber den Musculus dilatator pupillae* // Arch. f. micr. Anat., 1870; *Die Ganglienzellen des Herzens* // Arch. f. micr. Anat., 1877; *Die Betheiligung der Nerven an den Schwankungen in der Pupillenweite* // Pflügers Arch., 1894; *Сравнительная анатомия, физиология и фармакология сердца.* – Казань, 1896; *Влияние музыки на человека и животных.* – Казань, 1897; *Сравнительная анатомия, физиология и фармакология кровеносных и лимфатических сосудов.* – Казань, 1903; *Die Photographie der Retina* // Pflüger's Archiv. – Т. 80.

⁴ В. Н. Швалев, *Достойное отображение двухвекового пути высшего медицинского образования в Казани и значения крупнейших казанских медицинских школ* // *Казанский медицинский журнал.* – 2006. – Т. 87. – № 5, С. 409.

Догель издал учебник под названием «Рецептура», а год спустя написал руководство по фармакологии и рецептуре «Основы фармакологии и рецептуры». Эта работа состоит из данных физиологического действия лекарств на животный организм. Здесь же описывается специальная рецептура как учение о способе прописывания рецепта, а также о применении препаратов и приёмах главнейших врачебных средств.

В первые годы образования Казанского ветеринарного института Догель начал читать лекции студентам, а далее в течение 39 лет (1876 – 1915) работал там же профессором. Ученый стал основателем кафедры и музея фармакологии в Казанском ветеринарном институте. Он широко изучал организм животных в естественном состоянии и под влиянием различных лекарственных веществ, используя сравнительно-анатомические и сравнительно-физиологические методы.

В годы работы Догеля в Императорском Казанском университете и Казанском ветеринарном институте сформировалось творческое содружество морфологов и физиологов. Педагогической деятельности выдающегося ученого давалась очень высокая оценка современниками. Он являлся почетным членом Военно-медицинской академии, а также Казанского и Юрьевского университетов. Современники называли Догеля – «ходячей энциклопедией».

Из личных сведений о Догеле известно, что он, сам имевшей дворянское происхождение, был женат на княжне Н.А.Оболенской. Их сын, Михаил Иванович Догель, впоследствии продолжил научную династию Догелей, став профессором по кафедре международного права Казанского Императорского Университета. Племянник Догеля – Александр Станиславович Догель – один из крупнейших отечественных анатомов, физиологов и гистологов, основоположник советской нейрогистологии.

Догель являлся активным общественным деятелем. В 1872 году им была прочитана в Казани первая лекция «Об изменении крови под влиянием некоторых лекарственных веществ». В 1879 году Догель прочитал лекцию «О свойствах чумного яда и о мерах против заражения им» в зале Благородного собрания. Лекция была прочитана в пользу Общества врачей Казани с определенной целью: для выяснения вопроса о «заразительности чумного яда и пользе различных мер против него»⁵. Средства, полученные от прочтения публичных лекций, пошли на продолжение научного поиска и проведения опытов членами Казанского общества врачей. Догель продолжал оставаться активным лектором и в последующие десятилетия

Догель был приверженцем и пропагандистом здорового образа жизни, неизменным участником «общества трезвости». Ученый исходил из твердо-

⁵ Л. П. Бурмистрова, *Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета XIX в.:* [К 200-летию Казан. ун-та]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002, С.107.

го убеждения, что алкоголизм является одной из причин упадка нравственности народа, экономического благосостояния государства и здоровья каждого человека в отдельности.

Самые острые и злободневные темы социальной жизни находили отражение в его деятельности: он писал книги и брошюры, читал публичные лекции на темы, которые и сегодня не потеряли своей актуальности. Среди них: «Знание и доверие как лекарство» (1900), «Время как лекарство» (1899), «Ум и сердце» (1886), «Предел человеческой жизни» (1891), и даже «Значение велосипеда с точки зрения врача-невропатолога» (1895). Интересный факт приводится также в статье И. Л. Ванечкиной, Б. М. Галева и С. М. Галявиной: «У Догеля после открытия А.С. Поповым и Г. Марковым радио вышла небольшая, но роскошно изданная книга, где он пытается объяснить возможность телепатии через действие сердца в качестве своего рода передатчика и приемника радиоволн (Догель И.М. Сердце как резонатор. – Казань, 1912)»⁶.

В своих работах Догель рассматривал не только сугубо медицинские аспекты вопроса, но, прежде всего, социально-нравственные, поэтому они имели большой воспитательный резонанс. Профессор ратовал за гармонию ума и сердца и призывал не жить одним лишь умом или одним лишь сердцем, а в их единстве. Ученый утверждал, что человек может жить, если не вечно, то весьма долго. Для этого необходимо бороться не только с болезнями, но и с неправильным устройством жизни. «Истинно умственное и еще более нравственное развитие, труд и энергия – вот настоящие кормчие, – говорил он в лекции на благотворительном собрании в Городской думе в 1891 г., – которые постоянно должны бодрствовать у руля ладьи, чтобы мы вернее могли без особых страданий достигнуть предела человеческой жизни»⁷.

Яркой особенностью научных исследований Догеля явился его неустанный поиск новых, нетрадиционных средств исцеления и оздоровления человека. Таким средством явилась для ученого музыка. Он полагал, что музыка представляет «могущественное средство для лечения некоторых болезней». В 1888 году вышел его труд «Влияние музыки на человека и животных», а в 1898 – «Влияние музыки и цветов спектра на нервную систему человека и животных».

Оригинально и образно Догель определил сущность музыки. Он писал: «Уменьше играть сочетанием различных колебаний звучащего тела на музыкальном инструменте слухового органа человека составляет предмет собственно музыкального искусства»⁸.

⁶ И. Л. Ванечкина, Б. М. Галеев, С. М. Галявина, «Цветной слух»: Казань и здесь была первой // История философии и теория познания. Грани взаимодействия: (Сб. статей). – Симбирск-Ульяновск: Симбирская книга, 2005, С.43-52.

⁷ Л. П. Бурмистрова, *Публичные лекции профессоров и преподавателей...*, С.44

⁸ И. Догель, *Влияние музыки и цветов спектра на нервную систему человека и животных.* – Казань: Тип.-лит. Имп.ун-та, 1898, С. 4.

Догель выдвинул гипотезу о неразрывной взаимосвязи человека, животных и окружающего их мира через способность к восприятию звуковых колебаний органом слуха. Свою гипотезу Догель подтвердил опытами по изменению кровообращения под влиянием музыки на слуховой нерв человека и животных. Опыты по воздействию музыки на человека осуществлялись на плетисмографе, сложном устройстве, которое фиксирует большее или меньшее количество крови, приливающей к руке человека во время слушания музыки (см. Рис. 2). При помощи звучания камертонов Mi 3, Mi 4, Sol 3, Sol 4 без использования резонаторов, а также с применением резонаторов для усиления громкости удалось выяснить, что чем выше и громче тон, тем активнее происходит изменение в кровообращении человека.

В ходе экспериментов Догель также выяснил, что один и тот же по высоте и громкости звук, но извлеченный на разных инструментах (например, на скрипке, флейте, флейте – рисоло, кларнете) вызывает различные изменения в кровообращении человека. То есть, не только амплитуда и частота звуковой волны, но и её форма (тембр) оказывает воздействие на человеческое восприятие. Догель отмечал также воздействие ритмической организации музыки на человека, например, стимулирующее влияние маршевой музыки на его мышечную активность. Таким образом, ученый приводил доказательства связи коры головного мозга с внутренними органами.

Интересны выводы Догеля из экспериментов с воздействием родных и неродных звучаний на лиц разных национальностей. Догель указывал в своей работе «Влияние музыки и цветов спектра на нервную систему человека и животных» на два опыта, из которых один состоит в наблюдении над кабинетным служителем Гарифом, а второй – над кабинетным служителем – Михаилом. Догель пишет: «Игра на флейте малороссийской мелодии не сопровождалась заметным изменением в кровообращении у татарина, но при игре на той же флейте татарской мелодии, полученная запись показала резкое изменение не только в кровообращении, но и в дыхании»⁹.

Аналогичное воздействие было отмечено и в отношении русского слугителя кабинета фармакологии – Михаила при игре на скрипке протяжной народной песни «Лучина, лучинушка».

Догель приводит также доказательства воздействия музыки на животных из опытов над кроликом, кошкой и собакой и записей деятельности сердца и кровяного давления, проведенных посредством манометра кимотрафона. Он пишет, что «вследствие ли раздражения органа слуха свистком, или игрой на музыкальном инструменте ... учащение сердцебиения у кролика, кошки и собаки достигает при этом от 6 до 50 ударов в минуту. Нередко, кроме того, можно наблюдать изменение в этих случаях в ритме

⁹ Там же, С.10.

и силе сердца. Но учащение сердцебиения под влиянием свистка или игры на музыкальном инструменте не одинаково бывает у разных животных и не одинаково у всех собак: у пинчера замечается резче, чем у собаки другой породы и т.д. Кровяное давление под влиянием музыки у животных повышается иногда до 70 милл. ртутного столба продолжительность и сильное раздражение органа слуха у животных свистком вызывает иногда сокращение мышц уха и пр., как например, у морской свинки. Дыхание становится при этом поверхностным или временно наступает остановка его»¹⁰.

Догель рассматривает также проблему так называемого «цветного» слуха, впоследствии развитую А. Н. Скрябиным. Известный современный исследователь данного вопроса Б.М. Галеев отмечает как заслуживающие внимания размышления Догеля о «пластической синестезии», то есть возможности сходства мелодического рисунка народных песен с контуром горизонта в местности обитания данного народа, и ассоциативной природе «цветного слуха».

В середине двадцатого века эксперименты французского ученого, исследователя голосообразования, Р. Юссона, проведенные в лаборатории, оснащенной по последнему слову техники, подтвердили выводы Догеля о сильном воздействии на человека именно звуков и обертонов 4-5 октавы (3200-3500 Гц), так называемых частот верхней форманты человеческого голоса. Многочисленные исследования отечественных ученых двадцатого столетия – С. В. Лурье, В.В. Виноградова, И. И. Земцовского, В. В. Медушевского, В. М. Беляева, Дж. К. Михайлова и др. теоретически развили выводы, которые сделал на основе своих опытов о влиянии на человека родных и чужих звучаний Догель.

Таким образом, практические эксперименты и гипотезы Догеля о воздействии музыки на человека нашли свое подтверждение в дальнейших исследованиях и дали импульс новым научным изысканиям.

С начала XXI столетия интерес ко всем отраслям музыкальной терапии приобретает новую силу. Российский опыт подготовки специалистов по музыкальной терапии был начат научно-исследовательским Центром музыкальной терапии и восстановительных технологий в 2003 году, после утверждения Минздравом России учебного пособия «Методы музыкальной терапии» академика А.Н. Разумова и профессора С.В. Шушарджана, что явилось официальным признанием музыкотерапии как нового научного направления. В 2007-2009 году в России имел место чрезвычайно интересный проект постдипломного образования Оренбургского института культуры и искусств совместно с Гамбургским институтом музыкотерапии.

Сегодня в России признанной музыкотерапевтической практикой является методика лечения физических и психических недугов Рушеля Блаво

¹⁰ Там же, С.15-16.

(Санкт-Петербург) – профессора медицины, мастера психологических настроев. Его система основана на интеграции научной медицины и древнего опыта использования целебного действия звука целителями Индии, Непала, Шри-Ланки. Оригинальную концепцию музыкальной психотерапии разработал Валентин Иванович Петрушин (Москва) – музыкант, психолог, доктор педагогических наук. Его практический опыт синтезирует лучшие древние методики и современные научные достижения. В.И. Петрушин подходит к человеку целостно и стимулирует пациентов не только к физическому, но и к психологическому и интеллектуальному выздоровлению. Специальные методики исцеления пением положены в основу системы Сергея Вагановича Шушарджана (Москва). Он, как прекрасный оперный певец и доктор медицинских наук, выделяет вокалотерапию как метод повышения резервных возможностей организма человека и коррекции нарушенных функций методом активного вокального тренинга.

Современная Казань активно продолжает традиции музыкотерапии, заложенные В.А. Бехтеревым и И.М. Догелем. Яркий пример тому исследования, проведенные группой медиков под руководством А.А. Яркаева – заведующего неврологического отделения «Госпиталя для ветеранов войн» г. Казани. В 2006 году молодые исследователи проверили возможности клинической музыкотерапии при остром нарушении мозгового кровообращения.

Они действовали в рамках подготовленной в настоящее время в России программы по клинической музыкотерапии и новой научной концепции: «Музыкотерапия – это система психосоматической регуляции функций организма человека». По результатам эксперимента медицинской группой были опубликованы результаты в Медицинской газете¹¹. Целью исследования являлось изучение влияния клинической музыкотерапии на психологическое состояние, стрессоустойчивость, адаптацию и эндотоксикоз у больных с острыми нарушениями мозгового кровообращения (ОНМК). Исследования проводились на базе отделения сосудистой неврологии госпиталя ветеранов войны г. Казани. Лечебные сеансы музыкотерапии по специально разработанной программе получили 25 больных ОНМК по ишемическому типу. Группу сравнения составляли 28 условно здоровых лиц (мужчин – 15, женщин – 13).

После проведения курса клинической музыкотерапии были выявлены преимущественно положительные изменения специализированных физиологических показателей и психологического статуса. Сравнительный анализ показал, что среди больных с ОНМК, пролеченных с использованием музыки, число пациентов с показателями в пределах нормы возросло к выписке

¹¹ А. А. Яркаев, Л. Ч. Самерханова, Н. В. Филатова, С. В. Герасимова, Д. А. Билялова, *Клиническая музыкотерапия при остром нарушении мозгового кровообращения* / А.А. Яркаев // Медицинский журнал. – 2006. – том 87. – №6. – С. 452-453.

на 25%. Учеными был также сделан вывод, что значительно повышенные показатели тревоги и депрессии при поступлении пациентов в стационар на фоне лечебных сеансов достоверно снижались к выписке, однако оставались все же выше, чем у здоровых. Самочувствие, активность и настроение при музыкотерапии значительно улучшились. Таким образом, экспериментально-медицинской группой было установлено, что музыкотерапия оказывает комплексное благоприятное влияние на реабилитацию больных.

Музыкотерапия в Казани получила свое развитие не только в клинической практике, но также и в музыкально-педагогическом образовании. В 2015-2016 кафедра музыкознания и музыкально-прикладного искусства (заведующая кафедрой Т.Ю. Гордеева) совместно с Институтом трансфера знаний Казанского института культуры при поддержке Гранта «Алгарыш» Правительства Республики Татарстан осуществила программу профессиональной переподготовки по «музыкальной терапии» для врачей, музыкантов, психологов, социальных работников. Выпускники данной переподготовки активно работают в настоящее время с различными слоями населения Казани в области социальной адаптации и музыкальной педагогики, их деятельность вызывает положительный общественный резонанс. Также сегодня в Казанском институте культуры введены дисциплины по основам музыкотерапии и применению музыкально-терапевтических методик в образовательном процессе студентов, создана экспериментальная лаборатория по музыкальной терапии. Расширяются также и взаимовыгодные сотрудничества между вузом и министерствами в области применения музыкотерапии. Так, Ресурсно-методический центр Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан совместно с Казанским институтом культуры в марте-июне 2018 года осуществили курсы повышения квалификации для психологов, музыкальных работников и воспитателей социальных учреждений республики.

В 2016 году Казанский институт культуры впервые в России принял бакалавров на направление «Педагогическое образование» («Музыкальная терапия»). Это означает, что выпускники данного направления в скором времени начнут не только вносить свой вклад в воспитание музыкально образованных детей, но, главное, возвращать душевно здоровых, счастливых личностей, творчески раскрепощенных, психологически и эмоционально устойчивых.

Таким образом, можно констатировать, что основы применения музыки для оздоровления людей, заложенные учеными Казанского Императорского университета (Бехтеревым, Догелем и др.) более ста лет назад в настоящее время дают ощутимые результаты и укрепляют казанские традиции музыкотерапии, подключаясь к широкой мировой практике активного музыкально-терапевтического опыта.

Приложения

Рисунок 1. Фотография
И.М. Догеля

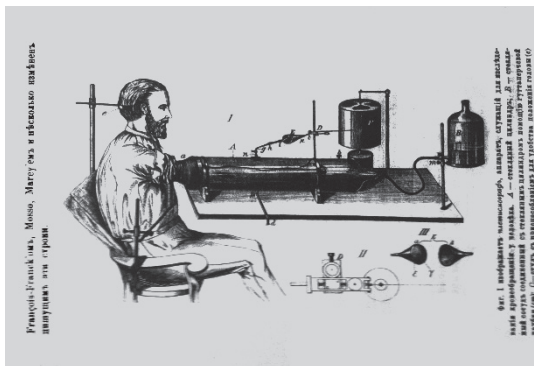

Рисунок 2. Плетисмограф – аппарат для
исследования кровообращения у человека

Literatura

- Бурмистрова Л.П., *Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета XIX в.*: [К 200-летию Казан. ун-та]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.
- Ванечкина И.Л., Галеев Б.М., Галявина С.М., «Цветной слух»: Казань и здесь была первой // История философии и теория познания. Грани взаимодействия: (Сб. статей). – Симбирск-Ульяновск: Симбирская книга, 2005, С.43-52.
- Швалев В. Н., *Достойное отображение двухвекового пути высшего медицинского образования в Казани и значения крупнейших казанских медицинских школ* // Казанский медицинский журнал. – 2006. – Т. 87. – № 5.
- Яркаев А. А., Самерханова Л.Ч., Филатова Н. В., Герасимова С. В., Билялова Д. А., *Клиническая музыкотерапия при остром нарушении мозгового кровообращения* / А.А. Яркаев // Медицинский журнал. – 2006. – том 87. – №6. – С. 452-453.
- Догель Ив., *Влияние музыки и цветов спектра на нервную систему человека и животных.* – Казань: Тип.-лит. Имп.ун-та, 1898.
- Ueber den Musculus dilatator pupillae* // Arch. f. micr. Anat., 1870;
- Die Ganglienzellen des Herzens* // Arch. f. micr. Anat., 1877;
- Die Betheiligung der Nerven an den Schwankungen in der Pupillenweite* // Pflugers Arch., 1894;
- Сравнительная анатомия, физиология и фармакология сердца.* – Казань, 1896;
- Влияние музыки на человека и животных* – Казань, 1897;
- Сравнительная анатомия, физиология и фармакология кровеносных и лимфатических сосудов* – Казань, 1903;

Внутри- и внешнеполитические цели Британии в „деле Скрипалей”

Streszczenie: „Дело Скрипалей» стало средоточием внутри- и внешнеполитических проблем Британии на фоне Брексита. В отличие от «дела Литвиненко», Британия на этот раз вывела вопрос двусторонних отношений на уровень международного конфликта. В тугой узел сплелись объективные и субъективные факторы, различие в понимании ценностей на Западе и в России, противоречие национальных интересов каждой из сторон.

Summary: “The Scripal case” has become the focus of UK domestic and foreign affairs’ problems in light of Brexit. In contrast with the “Litvinenko case” this time Britain had risen a bilateral issue to the level of international conflict. Objective and subjective factors, differences in interpretation of values in the West and in Russia, the contradiction of national interests of each side have intertwined in a tight knot.

Słowa kluczowe: Великобритания, Россия, Брекзит, ЕС, США, СБ ООН, «дело Скрипалей», национальные интересы, ценности.

Keywords: UK, Russia, Brexit, EU, USA, UN SC, “the Scripal case”, national interests, values.

*„Сначала казнь! Потом приговор!”
(Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес)*

По мере того, как разворачивалось «дело Скрипалей», прояснялся преднамеренный характер противостояния, в которое Британия, а затем и США, втягивали Россию и коллективный Запад. Прежде всего, исследуя «дело Скрипалей», следует обратиться к внутривнутриполитической ситуации в Соединенном Королевстве, чтобы вычленить объективные и субъективные факторы, личные и национальные интересы, иерархию целей правительства Т. Мэй.

За точку отсчета мы примем референдум о членстве Британии в ЕС (23 июня 2016 г.), но напомним и речь У. Черчилля в Цюрихе (сентябрь 1946 г.)¹.

¹ *Mr Winston Churchill speaking in Zurich 19th September 1946:* URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html>

Он тогда предложил создать подобие Соединенных Штатов Европы – региональное европейское объединение на основе союза Франции и Германии – переплести их экономики, чтобы положить конец войнам в Европе, решив «германский вопрос». Примечательно, что Британия и тогда еще Британское содружество наций (БСН), США и Советская Россия, по плану Черчилля, не должны были входить в состав объединения, а стать «друзьями и покровителями новой Европы». С тех пор разногласия между евроскептиками и еврооптимистами в Консервативной партии не утихали. Через 70 лет под давлением заднескамеечников-тори острые противоречия в правящей элите по «европейскому вопросу» вылились в вынужденное обещание премьер-министра Д. Кэмерона провести референдум. Механизм представительной демократии дал сбой, уступив место прямой демократии. Тем самым в решение сложного вопроса была вовлечена вся страна, где имели смутное представление об истинных отношениях, плюсах и минусах членства Британии в ЕС². «Европейский вопрос» расколол уже всю нацию, ведь противники членства Британии в ЕС (брекзитеры) одержали верх над его сторонниками (бремейнерами) лишь с небольшим перевесом (52%:48%), и Кэмерон вышел в отставку. Борьба между ними не прекратилась и после референдума. Т. Мэй возглавила страну, не имея мандата ни членом партии (соперница сняла свою кандидатуру), ни избирателей, а потому новый премьер-министр провела досрочные парламентские выборы 8 июня 2017 г., рассчитывая укрепить свое личное положение как лидера партии тори, Консервативной партии – в парламенте, а своего правительства – в преддверии переговоров с ЕС. Однако Т. Мэй неудачно провела избирательную кампанию, и Консервативная партия не только не нарастила свое большинство в Вестминстере, но и утратила его. Партия тори сформировала правительство меньшинства, вступив в соглашение о поддержке (*confidence-and-supply*) с Демократической юнионистской партией (ДЮП, партией из Северной Ирландии), которая обладает лишь 10 местами в парламенте, но несоизмеримо повысила свой политический вес (см. ниже). Между тем, на досрочных выборах резко повысила количество мест в парламенте Лейбористская партия (ЛПВ) +30. В опросах рейтинги обеих основных партий сравнялись, хотя в период между референдумом и выборами ЛПВ и ее лидер левых убеждений Дж. Корбин отставали от правящей партии примерно на 20 п.п.

Положение Т. Мэй резко осложнилось – и как лидера партии, и как премьер-министра. Осенью отставка министра обороны М. Фэллона из-за

² *The Perils of Perception and the EU* // URL: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3742/The-Perils-of-Perception-and-the-EU.aspx>. 09.06.2016. Подробнее см.: Е. Ананьева, *Брекзит: голосовали сердцем* // *Международная жизнь* 2016. №7. С. 47-61. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1704>; Е.В. Ананьева, П. С. Каневский, *Брекзит-1 и Брекзит-2. Британия и США меняют парадигму?* / Доклады ИЕ РАН. М., 2016. № 334. – 72 с. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/334.pdf>

скандала с сексуальными домогательствами, отставка Первого заместителя премьер-министра Д. Грина из-за скандала с ложными показаниями не прибавили Т. Мэй авторитета, как и перестановки, которые она произвела в правительстве в январе 2018 г., приведя в него неопытных молодых заднескамеечников. Мэй, укрепляя собственную власть в кабинете, сохранила примерное равновесие в нем бремейнеров и брекзитеров, понимая, что опора лишь на одну из соперничающих групп не позволит ей удержаться у власти. В целом тори осознавали, что Мэй была права, уговаривая их не выносить разногласия на широкую публику, что подрывало бы шаткие позиции партии: «Либо я, либо Корбин» – имея в виду неизбежность победы лейбористов в случае новых досрочных выборов. Более того, постоянно муссировался вотум доверия ей как лидеру партии³.

Объективно, консерваторам невыгодна была бы смена лидера, тем более в свете переговоров по Брекзиту, но борьба в партии за пост лидера обострилась. Свидетельством тому – инцидент с министром обороны Г. Уильямсоном, назначенным вместо Фэллона⁴. Примечательно, что в январе 2018 г. Уильямсон выступил с резкими заявлениями в адрес России, за что Форин офис (во главе которого стоял брекзитер Б. Джонсон) направил ноту в министерство обороны с упреками за его «тон». В британских СМИ отметили, что с нападка на Россию министр обороны выступил именно в тот день, когда признал, что в свое время был уличен в сексуальных домогательствах. Уильямсон в ответ обвинил в «тайной операции» своих соперников в борьбе за пост лидера партии (читай, Б. Джонсона).

Между тем, бремейнеры обвиняли «русских троллей» в том, что они склоняли британцев голосовать за Брекзит. Б. Джонсона, возглавлявшего движение “Vote Leave” («Голосуй за выход») перед референдумом, уже в качестве министра иностранных дел вызвали в парламентский комитет на слушания, где он по-русски ответил «Неэт» на вопрос о вмешательстве России в референдум⁵. Отсюда, неудивительно, что в других вопросах Б. Джон-

³ Вотум недоверия состоялся в декабре 2018 г. и Т. Мэй его выиграла, но ценой обещания покинуть пост к следующим парламентским выборам.

⁴ Уильямсон сделал стремительную карьеру, приглянувшись Кэмерону, а затем и Мэй, которая назначила его ответственным за свою кампанию за пост лидера партии, переведя впоследствии на пост партийного организатора («кнута») в парламенте, а потом и на пост министра обороны.

⁵ 24 марта 2018 г. в Британской газете «Обсервер» была опубликована статья о том, как кампания «Голосуй за выход» (Vote Leave) в нарушение закона использовала услуги британской же компании Cambridge Analytica для манипулирования общественным мнением перед референдумом о членстве Британии в ЕС. Компанию обвиняют и в США в манипулировании общественным мнением в ходе президентской избирательной кампании в пользу Д. Трампа. Ее услугами пользовался и Дж. Болтон, назначенный государственным секретарем США после Р. Тиллерсона. *TheBrexitwhistleblower: 'Did Vote Leave use me?*

сон занял активную антироссийскую позицию, чтобы не быть обвиненным в проведении пророссийской политики.

Таковы субъективные факторы, которые отражаются на позиции трех ведущих британских государственных деятелей: премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел.

К объективным факторам следует отнести трудные переговоры Британии с ЕС по Брекситу. Время было ограничено: переговоры должны были закончиться осенью 2018 г., чтобы все страны ЕС и Британия могли успеть ратифицировать договор до даты выхода Британии из ЕС 29 марта 2019 г. Первый этап закончился при нерешенном вопросе об ирландской границе – это основной камень преткновения. В чем интерес сторон и сколько их? Почему вопрос столь важен, и возможно ли разрешить его в принципе?

Поскольку обе страны входят в ЕС, постольку граница открыта. Ежедневно 30 тысяч человек пересекают границу на работу. Более того, согласно соглашению о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии (Соглашению Страстной Пятницы, или Белфастскому соглашению от 1998 г.), границу фактически упразднили. Таков политический аспект проблемы. Что касается экономических соображений, то экономики обеих стран переплетены⁶.

Поскольку Британия выходит из ЕС, то граница на острове превращается во внешнюю по отношению к таможенному союзу и единому рынку ЕС. Формально в переговорах участвуют две стороны: Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Европейский союз, – с другой. Однако в переговоры вмешался третий игрок: ДЮП, представляющая в Северной Ирландии интересы протестантов⁷. Проблема заключается в том, что интересы Британии, Ирландии и ДЮП исключают друг друга. Интерес Ирландии – отсутствие торговых барьеров между республикой и Северной Ирландией. Интерес ДЮП – отсутствие торговых барьеров между Северной Ирландией и остальной территорией Великобритании. Интерес Британии – не привязывать всю территорию Великобритании к торговому регулированию ЕС.

По логике вещей, следовало бы провести границу в Ирландском море – между Северной Ирландией и Великобританией. Однако такой вариант

Was I naive?. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/mar/24/brexit-whistleblower-shahmir-sanni-interview-vote-leave-cambridge-analytica> (дата обращения 25.03.2018)

⁶ *Goods exports and imports to/from the United Kingdom, 2005-2015*. p. 43 in: “Brexit: Ireland and the UK in numbers” / Central Statistics Office (CSO), Ireland. URL: <http://www.cso.ie/en/media/csoie/releasespublications/documents/statisticalpublications/Brexit.pdf#page=43>; *Balance of Payments annual geographical data tables* / Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/adhocs/006656balanceofpaymentsannualgeographicaldatatables>; см. Также: NI Statistics and Research Agency.

⁷ Партия Шинн Фейн, представляющая интересы католиков Северной Ирландии, своих депутатов в Вестминстер не направляет (хотя и участвует в выборах).

наталкивается на разрушение конституционной и экономической целостности Соединенного Королевства.

С другой стороны, Ирландия и Британия опасаются, что «жесткая» граница вернет Смуту (The Troubles) – противостояние между католиками и протестантами в регион. Однако устранить пограничный контроль и торговые барьеры за счет придания Северной Ирландии статуса, отличного от статуса остальной территории королевства, для ДЮП неприемлемо. Между тем, правительство Ирландии, как и ЕС, желало получить от Британии письменные гарантии, что Северная Ирландия будет следовать регламенту ЕС, чтобы обеспечить свободное передвижение товаров и людей. Если королевство откроет границу в одностороннем порядке, то, согласно правилам ВТО, оно обязано открыть ее и всем другим странам. В результате экономике страны разрушит дешевый импорт. Однако ЕС в любом случае установит таможенные посты. «Красные линии», которые Британия проводит в отношении Ирландии – отсутствие границы, с одной стороны, а с другой – выход из таможенного союза и единого рынка, несовместимы.

Ирландия заинтересована в том, чтобы никакой материальной инфраструктуры на границе не было. Ирландия обладает в ЕС правом вето (и могла заблокировать переход ко второй фазе переговоров), а консервативное правительство меньшинства критически зависит от поддержки в парламенте со стороны ДЮП. Следовательно, Т. Мэй оказалась меж двух огней: вето Ирландии и отказом со стороны ДЮП в поддержке. Проблему просто отложили в долгий ящик. На второй фазе переговоров «ирландский вопрос» не был решен, (впоследствии к нему вернулись на третьей фазе, но в итоге решили таким образом, который не удовлетворил парламент Британии⁸).

Важный аспект переговоров, с точки зрения нашей темы, – политика в сфере безопасности и обороны. В британские СМИ просочилась информация о секретных переговорах чиновников Уайтхолла с ЕС относительно готовности Британии и после выхода из ЕС частично финансировать оборонные и внешнеполитические проекты ЕС (в том числе «европейскую армию» – PESCO, против которой она яро возражала до референдума, считая ее направленной против НАТО во главе с США). Причем обман собственных граждан один из переговорщиков от королевства сравнил с шоколадкой «Kit-Kat» – яркая политическая обертка со скрытой начинкой в виде других соглашений⁹. Британия любой ценой пытается сохранить свою роль в ЕС как внешнеполитический игрок, причем и роль в военном строительстве.

⁸ Правительство при голосовании по Соглашению о выходе Британии из ЕС. Согласованному т. Мэй с Брюсселем, потерпело сокрушительное поражение 15 января 2019 г.

⁹ *Brexit news: Civil servants plan UK to FUND EU army in secret plot caught on tape*. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/932587/brexit-news-civil-servants-plan-uk-fund-eu-army> (дата обращения 16.03.2018)

Острейшая борьба вокруг Брексита вызвала взаимные обвинения в иностранном вмешательстве: бремейнеров – в финансировании их кампании со стороны Дж. Сороса, брекзитеров – в связях с Россией. Выяснилось, что последние перед референдумом вели кампанию с нарушением правил финансирования и привлекли фирму, связанную со скандально известной «Cambridge Analytica». Ведущие брекзитеры в Кабинете (Д. Дэвис, Б. Джонсон и М. Гоув) грозили отставкой в начале мая, если Т. Мэй согласится на некую форму таможенного союза с ЕС и преференции мигрантам из ЕС¹⁰. На этот ультиматум бремейнеры ответили обвинениями в связях с российской разведкой миллиардера К. Чандлера, основавшего мозговой центр “The Legatum Institute”, который консультировал ведущих брекзитеров в Кабинете – Джонсона и Гоува¹¹.

Бремейнеры заявили, что Британия должна остаться в ЕС, поскольку она сильнее с союзниками. Например, лидер либеральных демократов В. Кейбл воспользовался новостью об атаке в Солсбери, чтобы вновь призвать к повторному референдуму о членстве страны в ЕС. По его словам, «акт агрессии» России в отношении Британии свидетельствует о том, что Лондону как никогда нужно опираться на «европейскую солидарность»¹².

Надо ли говорить, что взвешенную позицию Дж. Корбина по «делу Скрипалей» (отсутствие доказательств) немедленно окрестили «непатриотичной». Лидер лейбористов Дж. Корбин призвал не спешить с выводами о вине России и предположил, что за нападением на Скрипалей могут стоять группы, связанные с русской мафией¹³. Позже под нажимом своих однопартийцев он все-таки поддержал общую линию: 30 членов парламента от Лейбористской партии подписали петицию о поддержке правительства в полной уверенности, что Россия стоит за нападением на Скрипалей¹⁴. Тем не менее, такие заявления не помешали Дж. Корбину позже опубликовать статью в «Гардиан», в которой он вновь призвал не спешить с обвинениями, ведь скоропалительные выводы могут в итоге привести к холодной войне¹⁵.

¹⁰ *Stand up to EU or quit*. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/952873/theresa-may-eu-uk-brexit-customs-union-tory-leadership-prime-minister> (дата обращения 30.04.2018).

¹¹ *Harding L. Founder of pro-Brexit thinktank has link with Russian intelligence, says MP* | World news. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/01/christopher-chandler-founder-of-pro-brexit-thinktank-has-link-with-russian-intelligence-mp-says> (дата обращения 01.05.2018)

¹² *Salisbury nerve agent attack shows why we must stop Brexit, Lib Dems to say*. URL: <http://metro.co.uk/2018/03/19/salisbury-nerve-agent-attack-shows-must-stop-brexit-lib-dems-say-7398345/> (дата обращения 19.03.2018).

¹³ *Russian spy: Labour row over Jeremy Corbyn's position*. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-43424867> (дата обращения 17.03.2018).

¹⁴ *Russia's poisoning of Sergei and Yulia Skripal*. URL: <http://www.parliament.uk/edm/2017-19/1071> (дата обращения 15.03.2018).

¹⁵ *The Salisbury attack was appalling. But we must avoid a drift to conflict*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/15/salisbury-attack-conflict-britain-cold-war> (дата обращения 16.03.2018).

Неслучайно, консервативная “The Sunday Times” за несколько дней до местных выборов 3 мая 2018 г. опубликовала исследование «о российских ботах, поддерживавших Лейбористскую партию и Дж. Корбина» на парламентских выборах 2017 г. В ответ лейбористы напомнили, что партия тори приняла от российских олигархов 800 тыс. ф.ст. качестве пожертвований¹⁶.

В Британии «российская угроза», как и в США, стала инструментом внутренней политики. Как писал журнал “The New Statesman”, «конфликт с Путиным настолько политически выгоден Терезе Мэй как часть кампании британских правых по делегитимизации Корбина, что невозможно вообразить, будто она прекратит ввязываться в драку с Россией»¹⁷.

Внешнеполитический аспект «дела Скрипалей»

Британский политический истеблишмент при поддержке СМИ активно навязывает британскому и мировому общественному мнению образ «опасной», «злонамеренной» России. «Дело Скрипалей» мгновенно превратилось в инструмент политической манипуляции. Риторика Мэй о том, что Россия «с высокой степенью вероятности» (highly likely) несет ответственность за покушение, что «нет иного правдоподобного объяснения (“no plausible alternative explanation”)» вызывает аналогии с «делом Литвиненко», которое более 10 лет назад загнало двусторонние отношения в тупик. Британия не стала соблюдать процедуру, предписанную Конвенцией о запрещении химического оружия. Несмотря на то, что Лондон не приводит никаких доказательств о причастности России к покушению на Скрипалей, британские политические и общественные круги поспешили вынести обвинительный приговор. Мотив покушения по версии Великобритании – месть России и лично В. Путина перебежчикам. Британия лишь через 2 недели обратилась в ОЗХО.

Россия официально заявила, что не разрабатывала такое вещество, более того, в декабре 2017 г. под международным контролем завершила уничтожение всех запасов химического оружия (в отличие от США, которые, ссылаясь на нехватку средств (!), добились от ОЗХО продления сроков уничтожения своих запасов до 2023 г.).

¹⁶ *Russians tried to swing the elections for Corbin*. URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/exposed-russian-twitter-bots-tried-to-swing-general-election-for-jeremy-corbyn-zffv8652x>. (дата обращения 29.04.2018); *Farcical smear campaign*. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/952726/Labour-John-McDonnell-Russian-bots-Jeremy-Corbyn> (дата обращения 30.04.2018).

¹⁷ *Mason P. Unless the West respects international law, it has no hope of preventing a new era of militarism*. URL: <https://www.newstatesman.com/world/2018/04/unless-west-respects-international-law-it-has-no-hope-preventing-new-era-militarism> (дата обращения 18.04.2018).

Фактически обвинения Британии строятся на домыслах, которые она подкрепляет прежними недоказанными обвинениями, создавая впечатлительную повторяющуюся модели (pattern) поведения России в нарушение международного права. Если Россия, как говорит Лондон, причастна к покушению на Скрипалей, то зачем это было делать накануне президентских выборов в РФ, зачем России такой громкий скандал в преддверии Чемпионата мира по футболу¹⁸? Наконец, зачем для покушения использовать особо опасное химическое оружие, якобы разработанное в СССР, да еще с таким звучным русским названием? Лондон в ультимативной форме потребовал от Москвы признаться в покушении или подтвердить, что Россия утратила контроль над своей химической разработкой.

Россия на ультиматум не ответила. Дело не только в ультимативной форме, но и в абсурдности, анекдотичности (в смысле нарушения правил формальной логики) постановки вопроса Лондоном. Сетования Т. Мэй на «сарказм, презрение и пренебрежение» России в ответ на голословные обвинения¹⁹ неудивительны: бездоказательность и нарушение причинно-следственных связей, логические ошибки формулировок руководства Британии вызывают (на языке дипломатов) «крайнее недоумение»²⁰.

Как выяснилось в мае, обвинения против России были выдвинуты на основе новой государственной «Доктрины слияния» (Fusion Doctrine), одобренной 28 марта. На слушаниях в парламенте советник по национальной безопасности М. Седвилл откровенно заявил, что, в отличие от «дела Литвиненко», правительство преднамеренно исходило из «оценок» развед-

¹⁸ В.В. Путин: «Думаю, что любой здравомыслящий человек понимает, что это полная чушь, бред, нонсенс, чтобы кто-то в России себе позволили подобные выходки накануне президентских выборов и чемпионата мира по футболу. Это немислимо». Президент выразил готовность России сотрудничать в расследовании, отметив отсутствие заинтересованности с британской стороны. Путин прокомментировал «дело Скрипаля». URL: <https://ria.ru/world/20180319/1516709877.html> (дата обращения 19.03.2018).

¹⁹ *Russia statement – as it happened: Theresa May to expel 23 spies from UK in response to Salisbury poisoning attack.* URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/westminster-today-live-updates-theresa-may-russia-spy-nerve-agent-pmq-s-rt-brex-it-corbyn-a8254931.html> (дата обращения 14.03.2018).

²⁰ Ложная посылка как тип логического нарушения заключается в том, что в качестве исходной ситуации в анекдоте называется намеренно неверное, искаженное положение вещей или нерациональное утверждение, которое обуславливает противоречие. Вариацией этого нарушения является произвольная посылка – мысль, которая, хоть и не является заведомо ложной, но сама требует доказательства. Безоговорочное принятие такой мысли в качестве основания является логически неверным действием. Некорректное умозаключение, основанное на ложной посылке, ведет к нарушению логического закона противоречия. // Логинова Т.А. *Логико-семантические основы юмора американского анекдота: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04* / Логинова Татьяна Анатольевна; [Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.].- Самара, 2010.- 184 с.: ил. РГБ ОД, 61 10-10/1291 (дата обращения 05.04.2018).

ки (даже не данных – *Авт.*), не дожидаясь результатов расследования, ради скорой ответной реакции. В результате поспешными, непродуманными действиями и заявлениями Британия подрывает свой международный авторитет. Так, например, министр иностранных дел был уличен во лжи в интервью «Дойче велле»²¹, когда заявил, что глава лаборатории в Портон Даун установил, что Россия – страна происхождения «Новичка»: руководитель лаборатории опроверг его заявление²². В результате Форин Офис вынужден был удалить со своего сайта твит о том, что ОВ было произведено в России.

В нарушение Венской конвенции о консульских сношениях Британия не допускает Россию к расследованию, не предоставляет информацию о нем, не допускает к Юлии Скрипаль (российской гражданке) и Сергею Скрипалю (двойное гражданство), что дало основание С. Лаврову заявить об их похищении.

Скандал с отравлением на время отодвинул на второй план новости о ходе переговоров по Брекзиту. Пользователи Интернета в Великобритании шутили: Мэй изобрела новый яд «Брекзичок» и умело отвлекает внимание общественности от переговоров по выходу из ЕС.

Отметим, что среди мер, предпринятых Британией в связи с «делом Скрипалей», числятся арест государственных активов России в случае, если они создают угрозу собственности и безопасности британцев (формулировка позволяет вольные интерпретации), а также арест «сомнительных» активов российских граждан.

Объективно поиск нового места страны в мире и попытка не утратить место в Европе подводят Британию к еще более тесному союзу с США. Британия зависит от Соединенных Штатов в модернизации своей ядерной системы «Трайидент», а Д. Трамп обещал Т. Мэй заключить выгодный торговый договор после Брекзита, не говоря уже об «особых отношениях» двух стран в области обороны и разведки.

Согласованные позиции двух стран проявились, прежде всего, на заседании СБ ООН, на которое Британия вынесла вопрос о «деле Скрипа-

²¹ Boris Johnson: Russia's position in Skripal case is 'increasingly bizarre'. URL: <http://www.dw.com/en/boris-johnson-russias-position-in-skripal-case-is-increasingly-bizarre/a-43043873> (дата обращения 21.03.2018).

²² Симптоматично, что 3 апреля интервью с главой лаборатории в Портон Даун, дезавуировавшего Б. Джонсона, провел ТВ канал «Скай ньюс», принадлежащий Р. Мердоку, хорошему знакомому Д. Трампа. См.: *Porton Down experts unable to identify 'precise source' of novichok that poisoned spy*. URL: <https://news.sky.com/story/porton-down-experts-unable-to-identify-precise-source-of-novichok-that-poisoned-spy-11315387> (дата обращения 04.04.2018). Разоблачение лжи Джонсона может быть связано с «русским досье» на Трампа, которое составили для Демократической партии США бывшие сотрудники британской МИ-6, с возможным привлечением С. Скрипала. См.: Ананьева Е. *Крейг Мюррей: версия по «делу Скрипалей»*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19540>

лей», утверждая, что за их отравлением стоит Россия. Учитывая, что США и Британия постоянно обвиняли Б. Асада в применении химического оружия против собственного народа, а также в том, что Россия «покрывает» его, неудивительно, что постпред США в ООН Н. Хейли протянула цепочку от Дамаска до Солсбери в Нью-Йорк (где, по ее словам, возможен такой же инцидент). В заявлении США, Британии, Франции и Германии от 15 марта по «делу Скрипалей» речь шла именно о «применении боевых ОВ в Европе впервые со времен Второй мировой войны»²³.

В случае новой химатаки в Сирии США пригрозили бомбить правительственные кварталы Дамаска, на что Генштаб России заявил, что будет сбивать не только ракеты, но и их носители, то есть выступил с грозным предупреждением. Следует учесть также, что в одном из вариантов реформы ООН предложено отменить право вето в случае «массовых злодеяний». Таким образом, подразумевается, что Россию в долгосрочном плане могут лишиться права вето²⁴, расшатывая сам этот инструмент сейчас.

В связи с «химатакой» в г. Дума западные страны предполагали ввести в действие резолюцию «Единство ради мира» (Uniting for Peace – 1950 г.), известную также как «План Ачесона». Она позволяет вынести вопрос на чрезвычайную сессию ГА ООН в случае отсутствия единогласия в СБ ООН²⁵. Постпред США при ООН Н. Хейли не постеснялась укорить страны-члены ООН в низкой доле солидарного голосования с США (31%) при взносах США в бюджет ООН в 22%, не упомянув о задолженности США перед ООН²⁶.

Таким образом, подразумевается, что Россию в долгосрочном плане могут попытаться лишиться права вето, а в краткосрочном плане некоторых членов ООН – финансовой помощи США. Среднесрочная цель – делегитимизировать Россию, чтобы действия Запада в обход СБ ООН мировая общественность воспринимала как морально обоснованные «несговорчивостью» «злонамеренной» (malign) России.

²³ *Salisbury attack: Joint statement from the leaders of France, Germany, the United States and the United Kingdom. 15 March 2018.* URL: <https://www.gov.uk/government/news/salisbury-attack-joint-statement-from-the-leaders-of-france-germany-the-united-states-and-the-united-kingdom>

²⁴ Реформа ООН требует согласия всех постоянных членов ООН, и Россия может наложить вето на реформу, но попытки дискредитировать РФ симптоматичны.

²⁵ Примечательно, что в комитете по обороне Палаты общин, помимо обычных инвектив в адрес России, прозвучало и предложение отказаться (abdicate) от роли права вето в СБ ООН. *Defence Committee. Oral evidence: Modernising Defence Programme, HC 818. 17 Apr 2018.* URL: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/defence-committee/modernising-defence-programme/oral/81601.html> (дата обращения 25.04.2018).

²⁶ «А теперь статистика...»: Захарова отреагировала на заявление Хейли о бремени взносов США в бюджет ООН. URL: <https://riafan.ru/1051615-a-teper-statistika-zakharova-otreagirovala-na-zayavlenie-kheili-o-bremani-vznosov-ssha-v-byudzheth-oon> (дата обращения 27.04.2018).

В краткосрочном плане внутри страны Т. Мэй добилась своих целей: премьер-министр после своего заявления в парламенте по «делу Скрипалей» 14 марта получила безусловную поддержку депутатов, даже от оппозиционных партий. Получила она ее и от избирателей, намного опередив рейтинг Дж. Корбина (который не считал доводы правительства убедительными), а Консервативная партия слегка обошла ЛПВ (хотя разрыв скоро вернулся к статистической погрешности)²⁷.

В международном плане Британия и США именно вынудили западных партнеров присоединиться к «дипломатической войне» – высылке российских дипломатов (из более, чем 20 стран, в основном ЕС). Крупнейшую в истории международных отношений скоординированную высылку сотрудников российских дипмиссий Форин Офиса охарактеризовал «наглядны действием стратегии “Глобальная Британия”» (в ответ на «дело Скрипалей» 28 стран на трех континентах и НАТО объявили персонами нон грата 153 российских дипломата)²⁸. «Солидарность» союзников Лондон трактовала как достижение британской дипломатии в условиях непростых переговоров по Брекзиту.

Тот факт, что США, не будучи «жертвой», выслали самое большое количество российских дипломатов (60 человек), говорит об их если не ведущей, то очень большой роли в «деле Скрипалей». Опасность новых экономических санкций против России и даже военной конфронтации не отменяется²⁹.

Что касается партнеров Британии по ЕС, то 26 марта Германия, присоединившись к высылке российских дипломатов, уже 27 марта выдала все разрешения для прокладки газопровода «Северный поток-2» (Nord Stream 2) по ее территории и исключительной экономической зоне, хотя противодействие проекту стало одной из приоритетных задач США и Британии. Формально ведущие западные страны присоединились к Британии в выражении солидарности, но далеко не все, и возникает вопрос, не вызовет ли демарш Британии в среднесрочном плане отторжение союзников в ущерб национальным интересам самой Британии (в их интерпретации Терезой Мэй). Под покровом «защиты ценностей» всегда идет борьба за военное и экономическое доминирование.

Метод давно отработан: провокация – немедленное обвинение – наказание – расследование, которое затягивается на годы и о котором забывают. Однако эффект от обвинения и последствия «наказания» остаются.

²⁷ UK Polling Report. *YouGov/Times polling on the Salisbury poisoning*. URL: <http://ukpollingreport.co.uk/>

²⁸ *Global Britain: Government Response to the Sixth Report of the Committee. Tenth Special Report of Session 2017–19*. House of Commons. June 2018. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfa/1236/1236.pdf>. P.3

²⁹ Ф. Лукьянов, *Мы находимся в состоянии полномасштабной холодной войны*. URL: <https://rg.ru/2018/03/26/lukianov-my-nahodimsia-v-sostoianii-polnomasshtabnoj-holodnoj-vojnj.html>

Так происходит и в данной многоходовой комбинации: всплывающие факты по «делу Скрипалей», разоблачающие ложь правительства Т. Мэй, замалчивают в Британии, а к концу апреля тема практически ушла из СМИ, хотя информационные вбросы до сих пор появляются синхронно с неблагоприятными событиями в политической жизни Британии. Свидетельства непосредственных участников постановки «Белых касок» о мнимой химатаке в г. Дума Британия и Франция сочли «непристойным маскарадом»³⁰, но тема «Белых касок» после разоблачения постановочного характера их роликов сошла на нет.

Мотивы нагнетания международного скандала вокруг солсберийского инцидента оказались еще более очевидным, когда Лондон добился расширения мандата Организации по запрещению химического оружия. «Реформирование» международного права, инициированное Британией и ее союзниками, в результате которого ОЗХО получила возможность устанавливать виновных в применении ОМУ, свидетельствует о желании ослабить роль Совета Безопасности ООН и, следовательно, обойти вето РФ³¹.

Тема «химической атаки» в Солсбери попеременно звучала в выступлениях премьер-министра, министра иностранных дел и министра обороны Британии на разных международных площадках и в ходе двусторонних встреч. Т. Мэй пыталась включить этот вопрос в повестку саммита Содружества в Лондоне в апреле 2018 г. На встрече Группы Семи в июне 2018 г. глава британского Кабинета заявила, что Британия никогда не будет терпеть «злонамеренных действий» России³².

Обман мирового сообщества и собственных народов США и Британия применяли, например, и в отношении Ирака, и в отношении Ливии, прикрывая сентенциями о «жестоких диктаторах», о наличии ОМУ у Ирака, защитой ценностей западного мира. Ныне такая ценность, как презумпция невиновности, в отношении России не предусмотрена. Высокая вероятность (“highly likely”) – сама есть доказательство: «нет иного правдоподобного альтернативного объяснения», а впоследствии бездоказательно была употреблена формулировка «безо всяких сомнений»³³. Мэй обвинила Россию и в стремлении использовать энергетические проекты в политических целях (конечно, речь идет о «Северном потоке-2»). Россию обвиняют и в сарказме, однако как реагировать на отсутствие логики, хотя всем на Западе и в Рос-

³⁰ “obscene masquerade”. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/26/obscene-masquerade-russia-criticised-over-douma-chemical-attack-denial> (дата обращения 27.04.2018). Однако США сочли нужным прекратить финансирование данной организации.

³¹ Fourth Special Session of the Conference of States Parties. URL: <https://www.opcw.org/events-calendar/fourth-special-session-of-the-conference-of-states-parties-c-ss-4/>

³² *May says G7 will act over Russia's 'malign activity'*. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-44427668>

³³ См.: *Россию заклеили обзором*, «Коммерсантъ». 27.03.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3586195>

сии известна книга Н. Талеба «Черный лебедь»³⁴? Точно также можно сказать, что до Коперника не было иных правдоподобных объяснений, кроме как тех, что Солнце ходит вокруг Земли. Уже не просто ложные обвинения (Сербия, Ирак, Ливия) и отказ от собственных ценностей в приложении к соперникам, а полное отсутствие причинно-следственных связей, абсурд, пост-правда становятся средством продвижения национальных интересов не только в отношении противника, но и внутри страны и среди союзников по ЕС, который королевство покидает. Принципы внешней политики Британии неизменны: поддерживать между соперниками баланс сил, разделять и властвовать, объединять и властвовать, поддерживать слабого против сильного. Однако методы в отношении России становятся все грубее.

Literatura

Online sources:

Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года). URL: http://www.kdmid.ru/info.aspx?lst=info_wiki&it.aspx

«*О ситуации вокруг инцидента с С. Скрипалем в г. Солсбери (Великобритания)*». URL: <http://www.mid.ru/web/guest/o-situacii-vokrug-otravlenia-s.scripala-i-ego-doceri-v-velikobritanii>

Лукьянов Ф., *Мы находимся в состоянии полномасштабной холодной войны*. URL: <https://rg.ru/2018/03/26/lukianov-my-nahodimsia-v-sostoianii-polnomasshtabnoj-holodnoj-vojny.html>

Саква Р., *Дело Скрипалей. Кто новичок в новой холодной войне?* — Клуб «Валдай». URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/delo-skripalya/>

Талеб Н., *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. Издательство: М.: КоЛибри. 2009

Уткин А. «Дело Скрипалей»: международно-правовой аспект // *Международная жизнь*, 2018, №4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1999>

Draft Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/691366/20180319_DRAFT_WITHDRAWAL_AGREEMENT.pdf

House of Commons Defence Committee. Oral evidence: Modernising Defence Programme – 01 05 18, HC 818. Tuesday 1 May 2018. Q225. Q239. URL: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/defence-committee/modernising-defence-programme/oral/82257.html>

Joint report from the negotiators of the European Union and the United Kingdom Government. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/joint_report.pdf; <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-deal-latest-theresa-may-dup-deadlock-broken-irish-border-paragraph-agreement-eu-talks-a8098666.html>

³⁴ Н. Талеб, *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*, Издательство: М.: КоЛибри. 2009.

- Lawson E. *The UK National Security Capability Review and the Fusion Doctrine*. Commentary, 2 April 2018. URL: <https://rusi.org/commentary/uk-national-security-capability-review-and-fusion-doctrine>
- PM Commons statement on Salisbury incident: 12 March 2018*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-12-march-2018>.
- PM Commons Statement on Salisbury incident response: 14 March 2018*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-response-14-march-2018>
- Salisbury attack: Joint statement from the leaders of France, Germany, the United States and the United Kingdom. 15 March 2018*. URL: <https://www.gov.uk/government/news/salisbury-attack-joint-statement-from-the-leaders-of-france-germany-the-united-states-and-the-united-kingdom>
- Mr Winston Churchill speaking in Zurich 19th September 1946*. URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html>

*Димитриада: упущенный шанс возвращения в Европу
или первый раунд культурной трансформации Московии?
(по археологическим материалам – предметам
повседневного быта)¹*

Summary: Dmitry the first Moscow Tsar, visited in Europe. He discovered European civilization through the knowledge of the political, legal and administrative systems, culture and way of life of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Largely for image and likeness, he tried to build a new Russia. Dmitry, based on the Polish experience, suggested a very similar sketches of reforms that can bring backward Muscovy at a number of advanced European countries a century before Peter I. Transformation of the Boyar Duma in the Senate (the Sejm), an attempt to introduce the rule of law, a new tribute system, the restructuring of the army on the Polish-Lithuanian model open-door policy, the university project, the introduction of municipal government (judges) – this is not a complete list of reforms. Dmitry did not manage to implement plans in a conspiracy of the courtiers, and now he's presented in the textbooks as a loser, an imposter, an adventurer, a puppet of the Polish King. King-technocrat Peter, have taken a sample already, the Dutch and German versions of the European civilization has remained in history as a great reformer. These questions have to answer. However, it can be argued that the Dimitriada brought to the culture of Russia, a number of features of the Polish-Lithuanian culture, which are reflected even in everyday life. This is evidenced not only written, but also ethnographic and archaeological sources. In Central Europe, turning off Rzeczpospolita, fine-woven black-clay pottery existed at least from the turn of the 13th-14th centuries. On the territory of the Moscow Kingdom, it unexpectedly became widespread only in the beginning of the XVII century. The first samples, and then the technology, came there only together with the army and Dmitry's retinue. This type of tableware quickly gained popularity among the population and local artisans. It was at the beginning of the 17th century that Muscovites began to use table forks at dinner. The dining fork has become widely used in Central Europe since the 14th century. In the middle of the fourteenth century a dining fork appeared in Great Novgorod. But Novgorod gravitated towards Europe and actively traded with it. Moscow has long pursued a policy of isolationism and military confrontation. The Moskovits did not distribution have own glass. After XVII century, the Time of Troubles, on the southern borders of the Moscow Kingdom – in the Upper Dnieper Basin began to appear the manufactory for the production of glassware. Glassware is becoming widely available to people in these areas. It cannot be said that mass production of the glass on the Desna, Dnieper, Iput and Sozh. However Dmitry's campaign and his accessioning Moscow opened the way for such kind of activities to the east. A new surge in glass manufactures construction is associated

¹ Выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант 17-21-01008а(м) «Ильинская Гута – магнаское производство второй половины XVIII – начала XIX века (комплексное изучение источников)».

with the era of Great Peter. The southern boundary of guta's distribution practically coincides with the boundary of forest and forest-steppe.

Słowa kluczowe: Dymitriady, cywilizacja europejska, państwo moskiewskie, Rzeczpospolita, XVII wiek, archeologia

Keywords: Dimitriada, european civilization, moscow kingdom, Rzeczpospolita, XVII century, archaeology

Немалое число историков придерживалось и придерживается мнения, высказанного еще в XIX веке А.К. Толстым: Московское Царство было цивилизационно уже не столько частью Европы (в отличие от своей предтечи Руси со столицей в Киеве), сколько наследником Орды². Московские земли откололись от европейской цивилизационной парадигмы (в которой существовала, к примеру, Новгородская республика) постепенно переходя к восточной деспотии при династии Калитичей (ветви Рюриковичей – Ивана Даниловича Калиты и его потомков). Смутное время внесло в сложившуюся за два столетия и уже частично исчерпавшую себя систему коррективы.

Император Дмитрий, как монарх титуловал себя сам, (он же «царь-самозванец Лжедмитрий Первый» в российской историографической традиции³) по сути дела стал первым московским государем, который, покинув свою родину, посетил Европу. Дмитрий открыл для себя европейскую цивилизацию, познавая, в первую очередь, политическую, правовую и административную системы, культуру и быт Польско-Литовского Содружества. Во многом по образу и подобию того, что он увидел, Дмитрий и пытался затем модернизировать Московское государство. Основываясь на своем польском опыте, он предложил очень похожие кроки реформ, которые могли бы вер-

² *Вернадский Г.В.* Московское царство. – Москва: Ломоносов, 2017. – 456 с.; *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. – Москва: Аграф., 1999. – 554 с.; *Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С.* К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. – Москва: Издательский дом Медина, 2017. С.54-64; *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. – Санкт-Петербург: Норма, 1997. – 224 с.; *Чубур А.А.* Русь Норманнская versus Русь Ордынская. Воззрения Алексея Константиновича Толстого на историческую преемственность русской государственности // «О Родине песни и думы его...» А.К. Толстой в мировой культуре: материалы научно-практических конференций, посвященных 200-летию А.К. Толстого (17 мая 2017 г., 31 августа – 1 сентября 2017 г., г. Брянск). – Брянск, 2017. С.62-84, и др.

³ *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. – 238 с.

нуть отсталую по многим параметрам Московию в ряды передовых европейских стран еще за столетие до великого реформатора Петра I.

Трансформация Боярской Думы в Сенат (Сейм), попытка ввести верховенство закона, новая система налогов, реструктуризация армии по польско-литовской модели, политика открытых дверей, университетский проект первого в Московии университета, введение муниципального управления (магистратов) – это далеко не полный список реформ, которые начали осуществляться за неполный год правления Дмитрия. Заметим, что его политика характеризуется большой религиозной терпимостью, чем в Польше⁴.

Дмитрию не удалось реализовать свои далеко идущие планы из-за заговора собственных придворных, и теперь он представлен в учебниках и научных монографиях как неудачник, самозванец, авантюрист и даже как марионетка польского короля. Царь-технократ Пётр I, превративший Московию в Российскую Империю, взяв на этот раз за образец не польско-литовскую, а голландскую и немецкую версии европейской цивилизации, напротив, остался в истории как великий реформатор, хотя делал во многом то же, что и его погибший предтеча. Такова превратность истории: *vae victis*.

В чем причина неудачи европейской альтернативы Дмитрия? Случайные обстоятельства (успех заговорщиков)? Не самая лучшая модель для копирования? А может быть москвиты не были готовы или не были способны изменить ставший привычным образ жизни? На эти вопросы, на наш взгляд, еще только предстоит ответить – и ответы окажутся важны и для понимания места современной России в мировом цивилизационном контексте. Однако следует признать, что Димитриада «первого Самозванца» не была полным провалом. Она привела к появлению в русской культуре ряду особенностей, характерных для культуры польско-литовской. Об этом свидетельствуют не только письменные, но и этнографические и археологические источники. На последних мы и остановимся подробнее в данной работе. Именно во время царствования Дмитрия ремесло и торговля стали свободными, так как все запреты на въезд и выезд из страны были им отменены. Это весьма способствовало импорту как изделий, так и технологий. Итак, речь о культурных заимствованиях в повседневной жизни, которые можно зафиксировать самым надежным и бесспорным методом исторического исследования: археологическим. Артефакт всегда ценен тем, что он неопровержим. Представляю вниманию благосклонного читателя три небольших этюда.

⁴ Чубур А.А., Чернышов С.В. Государь Дмитрий II Иоаннович: самозванец-неудачник или нереализованная европейская альтернатива Российского государства? // Начало Русской государственности в IX веке и её возрождение в первой четверти XVII века. Материалы международной научной конференции 25-27 ноября 2012 г. – Брянск: «Курсив», 2012. С.86-95

1. Керамика

В Польше и Великом Княжестве Литовском лощеная черная круговая керамика – особая разновидность керамики мореной – существовала, по крайней мере, с первой половины XIV века. В изломе черепок такой керамики серый или серо-коричневатый, звонкий, гладкий. Миски имели чаще полностью лощеную поверхность. У кувшинов же, кубышек, кринов, фляг и других изделий поверхность была с сетчатым, волнистым лощением, а также лощением параллельными линиями. Поверхность изделий была густого черного или сероватого цвета, лощеные участки – с металлическим отливом. Такой эффект достигался сочетанием лощения и морения сосудов.

Лощение – шлифовка поверхности сосуда или ее участков до обжига глины более твердым предметом (чаще всего речной галькой или же костяным лоцилом). В результате лощеная поверхность приобретала матовый блеск и уплотнялась. Затем производился восстановительный обжиг посуды без доступа кислорода, (процесс томления). При восстановительном обжиге, когда при температуре 900-980°C замазываются все топочные устья и керамика томится без доступа кислорода, изделия становятся аспидно-черными. Это происходит потому, что, окись железа переходит в закись железа, которая способна образовать шпинель $FeOFe_2O_3$, окрашивающую черепок в бархатисто-темные тона. Также происходило выпадение углерода в форме графита. Восстановителем служит окись углерода (CO), которая выделяется при сгорании органических веществ. Более плотные лощеные участки приобретали металлический отблеск⁵. Дополнял украшение посуды нарезной и тисненый орнамент. Лощеные узоры отливали слегка синеватым стальным блеском, за что эту разновидность посуды впоследствии в Московских землях народ прозвал «синюшками».

Впоследствии, поскольку на протяжении XIV, XV и большей части XVI веков на территории Москвы и московских земель такая керамика практически отсутствует. В середине – конце XVI века появляются очень редкие случайные изделия (скорее напоминающие импорт), а неожиданный очень резкий всплеск массового производства таких вещей в Москве и округе начинается только на рубеже XVII века.

Известный керамист М.Г. Рабинович полагает что «по своему происхождению лощеная керамика... тесно связана с Поволжьем, в частности с Волжской Болгарией». Однако выясняется, что речь идет об иной разновидности лощеной посуды – красноглиняной, которая действительно проникла в Мо-

⁵ Поверин А.И. Гончарное дело. Чернолощенная керамика. – Москва: Культура и традиции, 2003. С.23

скву из Волжской Болгарии, еще раньше появившись в Муроме и Суздале⁶. Активизировался приток красноглиняных лощеных изделий в Москву как раз после взятия войском Ивана IV Казани и Астрахани – в третьей четверти XVI столетия. Чернолощенная керамика в Поволжье не распространена. Выход из этой ситуации М.Г. Рабинович нашел виртуозный: «Дальнейшее распространение у нас лощеной керамики и преобладание черной керамики подтипа «а», которая на Поволжье не была распространена, объясняется, вероятно, тем, что восстановительный обжиг, в результате которого посуда, сделанная из красной глины, приобретала черный цвет, был известен, как мы уже говорили, и раньше. Черная блестящая посуда, очевидно, более импонировала вкусам средних слоев городского населения, так как она более походила на богатую металлическую посуду, бывшую в большой моде в кругах более зажиточных... Эта имитация, требовавшая высокой техники гончарства, была достигнута московскими гончарами путем сочетания лощения и морения сосудов. Так московскими гончарами был создан этот чрезвычайно оригинальный и красочный вид керамики»⁷ – делает вывод Михаил Григорьевич.

Но, увы, этот оригинальный и красочный вид керамики никак не мог быть создан московскими гончарами в конце XVI – начале XVII века по той простой причине, что к западу от Московского Царства, непосредственно у его границ он существовал к этому времени уже на протяжении как минимум двух веков⁸.

Не будем подозревать специалиста в неведении. Не исключено, что М.Г. Рабинович хорошо знал о западных аналогиях, но в 1949 году указать на них не мог. Это было весьма чревато ввиду роста почвенничества с выраженной антизападной направленностью – идеологического костяка позднего державно-националистического сталинизма⁹. Михаилу Григорьевичу, уже попавшему по национальному признаку в жернова борьбы с «безродным космополитизмом»¹⁰ (сталинская версия государственного антисемитизма),

⁶ Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II / Материалы и исследования по археологии СССР; № 12. — Москва-Ленинград: издательство АН СССР, 1949. — с. 57-105.

⁷ Там же.

⁸ Левко О.Л. Торговые связи Витебска в X-XVIII вв. / Под ред. Г.В. Штыхова. – Минск: Наука и техника, 1989. – 87 с.

⁹ Чубур А.А. Державно-националистический этап идеологизации советской археологии // Советское государство и общество в период позднего сталинизма 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – 719 с. (История сталинизма. Дебаты). С.335-347.

¹⁰ Некрич А. Отрешись от страха: Воспоминания историка. London, Overseas Publications Interchange LTD 1979. С. 45.

было опасно дополнительно «вызывать огонь на себя» европейской версией генезиса позднесредневековой чернолощеной посуды. В духе времени и господствующей идеологии было приписать ее изобретение именно московским гончарам, синтезировавшим и несовершенный опыт волжских народов и собственное мастерство, и на этом надолго поставить точку.

К теме происхождения средневековой чернолощеной посуды вернулась в годы перестройки и после крушения СССР. О литовском происхождении чернолощеной керамики в лежащем к югу от Москвы Верхнем Поочье убедительно пишет и И.В. Болдин, указывая что впервые там она появляется в XVI веке, но массово начинает встречаться позднее¹¹. Т. В. Сергина, изучая керамику Смоленска: «Примечательную группу смоленской керамики составляет чернолощеноя керамика, которая впервые <...> зарегистрирована в слоях второй четверти XIV в. Заметное увеличение ее количества происходит во второй-третьей четвертях XV в. и еще одно – в начале XVI в. В течение XVI в. количество ее в слое увеличивается постепенно и к рубежу XVI-XVII вв. она составляет около трети всей массы городской керамики. Четкая тенденция количественного роста говорит о сложении и развитии самостоятельного смоленского производства чернолощеной керамики. Интересно, что в Гродно этот вид керамики появляется также сравнительно рано – на рубеже XIV-XV вв. ...Производство чернолощеной керамики в Москве складывается..., как представляется, не без влияния Смоленска, вошедшего в состав Московского государства в 1514 г.»¹².

Итак, с западным культурным вектором все становится на свои места. Однако на фоне скорости проникновения краснолощеной посуды в Москву из Поволжья становится непонятно, почему понадобилось целое столетие, чтоб москвиты живо заинтересовались керамикой, давно изготавливавшейся в присоединенном к их стране Смоленске? И почему количественный пик чернолощеной керамики в культурных слоях городов Московского Царства приходится как раз на то время, когда Смоленск вновь оказался в составе Речи Посполитой по Деулинскому перемирию – на первую половину XVII века?

Смоленск, оказавшийся на пограничье растущего Московского государства, вряд ли занимался импортом посуды, да и иной продукции в новую столицу, выполняя функции военной крепости с присланным из Москвы гарнизоном, который снабжался в основном московскими же ресурсами. При этом многие смоленские бояре были насильно переселены по разным горо-

¹¹ Болдин И.В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии). – Калуга, 2012. – 172 с.

¹² Сергина Т.В. Керамика Смоленска XIII-XVII вв. (вопросы технологии и хронологии) // Археология и история Пскова и Псковской земли Тезисы ежегодной научно-практической конференции. – Псков, 1993.

дам Московского Царства, в том числе и в саму Москву¹³ – и переезд их осуществлялся, вероятно, в сопровождении привычных бытовых вещей. Таким образом, в Москву и на московские земли (в то же Верхнее Поочье) образцы чернолощеной посуды могли попадать в редких случаях (например, вместе со своими хозяевами), а не в виде регулярных торговых поставок. Сами же коренные смоляне, не подвергшиеся переселению и давно привыкшие к такой посуде, не спешили менять свой быт и образ жизни на московский.

Массово же образцы чернолощеной керамики, а затем и технология ее изготовления, пришли в Москву и стали популярны среди широких масс населения, а не единиц, вероятно, все-таки вместе с интернациональной армией и свитой царевича Дмитрия. Не удивляет, что этот нарядный, прочный и практичный тип посуды быстро завоевал популярность среди московского населения и у местных московских ремесленников.

будучи привнесенным из Европы культурным элементом. Иное дело, что пришедшая из Польши и Литвы чернолощеноя посуда в Москве действительно постепенно приобрела отчасти восточный колорит. Так явно восточным влиянием объясняется изготовление по данной европейской технологии кумганов – кувшинов-умывальников с длинным носиком. Кумган – типично восточный, тюркский сосуд – и это еще одно свидетельство наличия в Москве ордынского культурного элемента.

В XVIII веке чернолощеноя керамика в богатых и зажиточных домах уступает место быстро развивающимся майолике и фарфору, сперва заняв нишу крестьянской утвари, а затем и почти исчезнув из обихода.

2. Вилка

На Ближнем Востоке такие предметы повседневного быта, как двузубые столовые вилки, известны с первых веков нашей эры, в XI веке ими уже пользовались при дворе Византийских базилевсов,¹⁴ откуда столовая вилка, собственно, и пришла в Европу.

В Западной и Центральной Европе обеденная вилка, стала использоваться с XIV века, а широко применяться еще до начала XVI века (исключением стали островная Британия, где вилка в качестве столового прибора закрепились лишь в начале XVIII века, и Испания, где вплоть до XIX столетия вилку считали предметом роскоши)¹⁵.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. – Москва: Наука, 1980. С.235.

¹⁴ James, P., Thorpe, N., Thorpe, I.J. Ancient inventions. – Ballantine Books, 1995. P.305. – 694 p.

¹⁵ Petroski, H. The Evolution of Useful things. – New York: Vintage, 1992. – 304 p.

Согласно бытующей легенде, в Московское Царство вилка была завезена в мае 1606 года из Польши: ею якобы воспользовалась на своем свадебном пиру Марина Мнишек, супруга Дмитрия (в иных вариациях – и сам Дмитрий тоже). Считается, что кушая не руками, а вилкой она повергла в шок московских бояр и православное духовенство.¹⁶ Увы, документального подтверждения эта популярная история не находит.

Однако, так или иначе, двузубые столовые вилки появляются в богатых домах Москвы и, конечно, на царских трапезах, именно в XVII веке. Известные столовые приборы этого времени, хранящиеся в Оружейной палате Московского кремля, являются шедеврами кузнечного, ювелирного, эмальерного, камнерезного и косторезного ремесла¹⁷. Правда сам предмет назывался не вилкой, а «рогатиной» или «вильцами». Такие двузубые «вильцы» были найдены, например, в культурном слое XVII века во время раскопок на Арбате в Москве. «Художественную ценность представляет двузубая железная вилка с костяной резной рукоятью. Конец рукоятки выполнен в виде головы зайца с прижатыми ушами» – пишут авторы раскопок¹⁸. Таким образом, рубежом, после которого начинается «шествие вилок по русским столам» вновь оказывается период Димитриады, независимо от истории с вилкой императрицы Марины на пиру в Грановитой палате Кремля. Налицо еще один случай диффузии европейской культуры на восток, пусть и не такой яркий, как с чернолощеной посудой.

Недавно археологи в Великом Новгороде в одной из исследованных усадеб обнаружили двузубую столовую вилку, датируемую серединой XIV века. Это послужило поводом для сенсационных заявлений в средствах массовой информации о том, что найдена древнейшая русская вилка¹⁹. Увы, такая формулировка не имеет смысла без важного уточнения: какая же именно Русь и какие русские имеются в виду? Сейчас Новгород – областной центр федеративного Российского государства. Но в середине XIV века русских государств было несколько. Новгородская Республика была вполне самостоятельным государственным образованием, ориентированным на торговлю с европейскими странами и проводящим политику открытых дверей реликтом древней Руси. Новгород культурно тяготел к Европе, а вовсе не к Москве. Москва же, став одной из «собирательниц земель русских» последовательно проводила, напротив, политику изоляционизма и военной

¹⁶ Похлебкин В.В. Большая энциклопедия кулинарного искусства. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 976 с.

¹⁷ Столовые приборы // Музеи Московского Кремля. URL: <http://www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.dragotsennaya-posuda-drevney-rusi/stolovye-pribory/>

¹⁸ Векслер А.Г., Васильев Ю.Ю. Раскопки в Москве на Арбате // Наука и жизнь, № 11, 1996

¹⁹ Новгородские ученые отреставрируют самую древнюю на Руси вилку // URL: <http://tass.ru/nauka/2791158>

конфронтации с европейскими державами – в первую очередь с главным конкурентом в борьбе за земли распавшейся древней Руси – Великим Княжеством Литовским и Русским. Новгород был покорен и раздавлен и выморочен Москвой в течение XVI столетия, новгородская торговая демократия канула в небытие. Именно поэтому говорить о какой-то культурной преемственности Новгородской Республики и Московского Царства представляется неуместным. Вилка же, учитывая широчайшие торговые и дипломатические связи Господина Великого Новгорода, могла попасть в город из Центральной или Западной Европы, либо из Византии. Реставрация может помочь в уточнении информации, остается дожидаться полноценной публикации исследователями артефакта с Нутного раскопа.

Слово «вилка» вошло в русский лексикон уже в XVIII веке, когда этот столовый прибор, наконец, распространился широко. Однако предубеждения простонародья не сломил даже Петр I. Вплоть до XX века вилка оставалась преимущественно столовой принадлежностью богатых и образованных сословий. Простолюдины же считали её неудобной и бесполезной, о чем свидетельствуют русские народные поговорки «Ложкой – что неводом, вилкой – что удою» и «Вилкой щи хлебать».

3. Производство стекла

Как известно, местное производство стекла в немногочисленных мастерских Киевской Руси прекратилось после набега Батыя, с распадом русской государственности. В возникшем на осколках Руси Великом Княжестве Московском, а затем и в Московском Царстве XVI столетия стекло и, в том числе, стеклянная посуда вообще не производились. Редкие стеклянные предметы были предметами импорта, поступавшими в первую очередь из немецких, польских земель, реже – из Венеции, державшей в секрете многие особенности производства и рецептуры. Там стекольное ремесло достигло уже высокого уровня развития. Так, в Кракове еще до 1497 г. уже существовал цех стеклодувов²⁰. В округе Гданьска возник уже целый комплекс таких производств, называемых гутами.

Гутный промысел – кустарное производство стекла и изделий из него на небольших, зачастую занимавших один большой сарай, заводиках – гутах (от немецкого *Hutta* – хижина, шалаш, горн, печь). В XVI в. гутная промышленность достигла в Польше высокого уровня развития и широко распро-

²⁰ *Buczowski K.* Dawne szkła artystyczne w Polsce. – Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie, 1958. -198 s.

странилась²¹. Первые гуты появились уже восточней – в окрестностях Львова и Галича на Волыни. В конце этого столетия возникают и первые гуты под Киевом.

На территории же Московского Царства собственное стекло начали производить только спустя некоторое время после событий Смуты (Димитриады), во время которой в столице и других городах получили возможность ближе познакомиться с особенностями материальной культуры южных и западных соседей москвитов – поляков, литвинов и украинцев. В 1630-1640-х годах под Москвой в пустоши Духанино работал самый первый в московском государстве стекольный завод, организованный немцем Е. Койетом, «производивший весьма примитивные толстые круглые оконные стекла, похожие на современные корабельные, но зеленоватого цвета и малопрозрачные. Такие стекла могли быть, например, в доме В.В. Голицына»²².

По итогам Смутного времени часть пограничных территорий Московского Царства, присоединенных в течение последнего столетия, согласно Деулинскому перемирию возвращается Речи Посполитой. В их числе значительная часть течения Ипути и Десны и ее притоков с городами Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов и другими, – покрытое лесами Днепровское левобережье²³. Это Днепровское левобережье стало крайней западной зоной распространения гутного стекольного производства и, одновременно, местностью, через которую это производство просочилось наконец-то на территорию Московского Царства. Стеклянная посуда и оконное стекло становится широкодоступным для жителей пограничных областей.

Конечно, нельзя сказать, что массовое производство стекла на Десне, Днепре, Ипути и Соже началось непосредственно в период Димитриады. Не забудем, что бизнес требует спокойной мирной обстановки. Однако не будет ошибкой заметить, что военный поход и государственная деятельность Дмитрия в итоге открыли польско-украинскому стекольному делу путь на восток и поспособствовали его проникновению на российские земли.

Когда в 1667 году часть Днепровского левобережья вновь отходит к Московскому Царству по Андрусовскому перемирию, создание гут на этих землях продолжается – часто их строили теперь не польские магнаты, а перенявшие их опыт представители украинской казачьей старшины, и предприимчивые старообрядцы, бежавшие на окраины государства от реформы

²¹ Wyrobisz A. Szkło w Polsce od XIV do XVII wieku. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1968. – 223 s.

²² Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II / Материалы и исследования по археологии СССР; № 12. — Москва-Ленинград: издательство АН СССР, 1949. — с. 57-105.

²³ Модзалевський В.Л. Гуты на Чернігівщині. – Київ: Укр. акад. наук, 1926. – 181 с.

патриарха Никона. Настоящий же новый всплеск возведения кустарных стекольных заводов связан с эпохой Петра Великого, предтечей которого в основных направлениях реформ мы можем считать куда менее удачливого Дмитрия. Именно в его время стекло с гут на Десне и Ипути наконец добирается до Москвы. М.Г. Рабинович указывает, например, что «в ненарушенном культурном слое Москвы XVI-XVII вв. оконное стекло не встречается вовсе. Начиная с XVIII в., оно составляет довольно значительный процент находок».²⁴ Почти такая же картина может быть обрисована и для стеклянной посуды.

Итак, на приведенных примерах мы можем видеть: несмотря на то, что ориентированные на европейские образцы реформы Дмитрия, во время его недолгого царствования, не удались, однако они, как и пребывание в Москве множества иностранцев, оказали существенное влияние на постепенное проникновение европейской бытовой повседневной культуры на территорию Московского Царства. Это начало готовить исподволь население к принятию инноваций и, соответственно, ко второму, куда более успешному раунду реформ европейской направленности, осуществленному уже императором Петром Великим.

Literatura

- Вернадский Г.В., *Московское царство*, Москва 2017;
Скрынников Р.Г., *Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев*. Новосибирск 1990;
Рабинович М.Г., *Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы*. Том II / Материалы и исследования по археологии СССР; № 12. — Москва-Ленинград 1949;
Модзалевський В.Л., *Гути на Черніговщині*, Київ 1926;
Векслер А.Г., Васильев Ю.Ю., *Раскопки в Москве на Арбате // Наука и жизнь*, № 11, 1996;
Buczowski K., *Dawne szkła artystyczne w Polsce*, Kraków 1958;
Поверин А.И., *Гончарное дело. Чернолощенная керамика*, Москва 2003.
Чубур А.А., *Державно-націоналістический етап ідеологізації совєтської археології // Советское государство и общество в период позднего сталинизма*

²⁴ Рабинович М.Г. *Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы*. Том II / Материалы и исследования по археологии СССР; № 12. — Москва-Ленинград: издательство АН СССР, 1949. — с. 57-105.

- 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – 719 с. (История сталинизма. Дебаты);
- Некрич А., *Отрешись от страха: Воспоминания историка*, London 1979;
- Левко О.Л., *Торговые связи Витебска в X-XVIII вв.* / Под ред. Г.В. Штыхова, Минск 1989;
- Сергина Т.В., *Керамика Смоленска XIII-XVII вв. (вопросы технологии и хронологии)* // *Археология и история Пскова и Псковской земли Тезисы ежегодной научно-практической конференции*, Псков 1993.

Алина Григорян

Badaczka niezależna
linka_93@inbox.ru

FORUM WSCHODNIE
ROCZNIK INTERDYSCYPLINARNY NR 6/2018

Камиль Пьетрасик

Towarzystwo Azji i Pacyfiku
kamilpietrasik@interia.pl

Чеченцы и узбеки – братья или враги?

Streszczenie: W tekście zaprezentowano między innymi relacje czecheńsko-uzbeckie na kanwie historii narodu czecheńskiego i uzbeckiego. Wyniki badań sugerują, iż obydwa te narody nie są wrogo do siebie nastawione i nic obecnie nie wskazuje na to, iż te relacje miałyby ulec pogorszeniu, zaś Czecheni i Uzbeki stali się wrogami.

Summary: The authors present Chechnya-Uzbek relations in the short history of the Chechens and Uzbeks. Both nations are not enemies, and this gives you the chance and the hope to continue the relationship.

Słowa kluczowe: Czecheni, Uzbeki, Czeczenia, Uzbekistan, relacje

Keywords: Chechnya, Uzbekistan, Islam, Central Asia, North Caucasus

Данный текст был посвящен двум мусульманским народам, которые прошли через многих лет как иго, прошедшие через СССРа также правителей Русской Империи. Затронутая тема достаточно важна по двум обстоятельствам. Оба этих народа сражаются с актами террора на своей территории. Чеченцы в своей чеченской республике на протяжении многих лет а также узбеки в своем государстве также преодолевают угрозу, которая течет, со стороны исламских действующих боевиков в Центральной Азии. Другой существенный повод поднятия темы, то прежняя нехватка в польской литературе предмета учебников, монографий, посвященных сравнению двух вышеупомянутых народов. Авторы обошли обсуждение истории чеченского народа. Однако отсылает к книге *Czeczenia – Rosja. Mity i rzeczywistość*¹. Узбеки то население, которое поселилось в оазисах региона Средней Азии более 500 лет назад. Ранние ссылались на то что узбеки были кочевым племенем, которые проживали на степях сегодняшней южной Сибири и Казахстана, хоть это не является доказательствами их поис-

¹ J. Brodowski, M. Smoleń, *Czeczenia – Rosja. Mity i rzeczywistość*, Kraków 2006, ss.153.

хождению. Постепенно узбеки передвигались на юг, стали мощной политической силой в XV и XVI веков перед нашей эрой. Связаны с пространством между большими реками Амударья и Сыр-дарья. В начале XXI века, многих этнических узбеков проживающих в Казахстане, Киргизстане, Таджикистане и Туркменистане, Афганистане также меньшие детские лагеря в Турции и Китае. Большинство узбеков то сунниты мусульманских школ Ханафи. Принимая во внимание, что несколько ключевых городов Узбекистана, Бухара и Самарканд были центрами науки ислама в исламском мире в течение многих веков, следовательно это стало сильно связано с узбекскими традициями. Даже в советские времена, когда они были строги в ограничениях ислама, узбеки практиковали исламскую религию в стране. Другие религии, конечно, сосуществуют в Узбекистане и отражают этнические меньшинства, такие как русские. Узбекский язык принадлежит к семье турецкого и понимается в той или иной степени с другими тюркскими языками в регионах, таких, как казахский, кыргызский, туркменский и Каракалпакский. Оригинальный язык узбеков, это начало узбекского он был написан на арабском языке. В советский период она была написана в виде латинской буквы (1920), а в 1940 году уже кириллицей.

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё
(а)	(бэ)	(вэ)	(гэ)	(дэ)	(е)	(ё)
Жж	Зз	Ии	Йй	Кк	Лл	Мм
(жэ)	(зэ)	(и)	(йэ)	(ка)	(эл)	(эм)
Нн	Оо	Пп	Рр	Сс	Тт	Уу
(эн)	(о)	(пэ)	(эр)	(эс)	(тэ)	(у)
Фф	Хх	Цц	Чч	Шш	Ъъ	Ьь
(эф)	(ха)	(цэ)	(чэ)	(ша)	айириш белгисн	юмшатиш белгисн
Ээ	Юю	Яя	Ўў	Ққ	Ғғ	Ҳҳ
(э)	(ю)	(я)	(ў)	(қа)	(ға)	(ха)

Фото 1. Алфавит узбекского языка

Источник: Х. Исмагуллаев, *Самоучитель узбекского языка*, Ташкент 1994, с. 4.

Другой источник, который говорит, что узбеки формировались на перетасовки осевшего иранскоязычного населения с кочевыми племенами турецкоязычными; назвали «узбеки», как известно, с начала пятнадцатого и шестнадцатого веков. Традиционные виды деятельности: сельское хозяйство, торговля и ремесла (жители оазисов), овец и коз (кочевники) и сельское хозяйство, вместе с сезонным выпасом (жители горных районов). Это

имеет важное значение для выращивания хлопка и шелководства являются традиционными элементами культуры узбеков, которые оставались в основном в Афганистане². мы снова буду упоминать о том, что узбекский язык является языком узбеков из семьи тюркских языков, официальный в Узбекистане, также используется в Афганистане, Киргизии, Таджикистана, России и Китая (провинция Хинджаианг). Есть 2 отдельных языка: язык старо узбекский (Чагатайский язык) и современный узбекский (литература). Язык основан на городских диалектах Узбекистана их 2-х групп диалектов; Литература сначала в арабском алфавите, а сегодня уже на русском языке. Есть и другие существенные дискуссии о происхождении узбеков. Действительно, предполагается, что Тамерлан (Тимур Хромой) был узбекском и был первым правителем узбеков, чтобы объединить Центральную Азию. Бабур (внук Тамерлана) был лидером Шайба Хан, узбекского лидера в начале шестнадцатого века нашей эры. Многие международные историки считают его первым узбеком и считают что он первый познакомил людей с узбекским регионом Центральной Азии и создали государство Узбекистан. Стало важным в течение следующих четырех столетий, три основные сословия: Бухарского эмирата и ханств Хивы и Коканда. Узбекская идентичность была тесно связана с теми кто жил и принадлежал к городу и предался вере – ислам. На протяжении многих веков до этих регионов они не были действительно определены с группой этнических узбеков, которых он видел в этих регионах как искусственное творение и моделирование людей. Горные районы двадцатого века были использованы персами и был популярен персидский язык, и в целом в судах Узбекистана, которые использовали обычный узбекский народ. Стоит отметить, что уже сегодня Узбекистан, Узбекское общество является относительно молодым³. Более 38% еще не превысил 15-летнего возраста, и только 4,7% из них старше 64 лет. Естественный прирост 1,6% (значительно снизилась в последние десятилетия). Средняя продолжительность жизни составляет 64 лет (60 мужчин, 68 лет для женщин)⁴. Кроме того, мы сказать об истории узбекской национальности, узбекскую народную музыку, которая играет большую роль в жизни узбекского народа и истории. Музыкально-фольклерный жанр, единогласие, цветоведения, сложные ритмы, его отношения с турецкой музыкой, и особенно связаны с персидским и арабским языком. Это можно видеть в традиционной музыки⁵. Обсуждение национальной группы действительно имели дело достаточно поздно потому что лишь в начале XX в.. Поводом такого положения, стала в первая встреча узбеков с чеченами, было известно всем политологам также истори-

² T. Gall (red.), *Worldmark encyclopedia of the nations*, vol. 11, Detroit-New York 2004, s. 914.

³ Ibidem.

⁴ R. Mydel, J. Groch (red.), *Przeglądowy atlas świata. Azja II*, Krakow 2000, s.281.

⁵ B. Kaczorowski (red.), *Obyczaje, języki, ludy świata*, Warszawa 2007, s. 791.

кам, сталинские депортации, начатые в другой половине 30-х годов. XX века и законченные в половине 40 годов. XX в., были депортации таких народов, как в т.ч.: Чеченцы, ингушскокрымские татары. Официальной причиной было «непокорство» людей, было то, что упомянутые сообщества сотрудничали с оккупантами с нацистской Германией против советской России в процессе II мировой войны. На не очень населенные степи, места в Узбекистане заселяют Чеченцы и другие национальности, депортированные через Иосифа Сталина. Ниже продемонстрирована таблица, сколько Чеченцы должны были поселиться в Узбекистане.

Таблица 2. Количество людей (тысяч) Вайнах в Узбекистане

Национальность	Узбекистан
чеченцы	997
ингуше	229
Итого:	1.226

Источник: *Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР*, http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=12 [dostep: 09.07.2018].

Как показано в таблице 1, это было не слишком много людей, потому что только 997, но когда мы смотрим на количество депортированных ингушей это число превышает 1,220 человек. Стоит отметить, что в то время в Узбекистане жило в общей сложности 8 миллионов 100 тысяч человек⁶. К сожалению у меня нет информации, о том, что произошло дальше с узбекско-чеченцами, но можно только предположить, что они не принадлежали к конфликту, потому что если бы это было так, несомненно, историки, изучающие предмет Центральной Азии, или депортацию Сталина, вероятно, отметил, что этот факт их исследования или академический дискурс. Давайте оставим исторические вопросы и теперь перейдем к настоящему напряжению, которые были представлены Чечено-узбекских отношений. Обсуждая эти отношения выше этнических групп стоит отметить, что, когда дело доходит до работы на религиозные темы была очень хорошая атмосфера. Примером этих слов может служить тот факт, что 14 ноября 2014 года в Грозном, столице Чечни привезли из Узбекистана, две чаши которыми пользовался Пророк, и волосы пророка Мухаммеда. По его словам, кавказский узел, представитель Духовного управления мусульман (ДУМ) в Чечне, республикой доставлены реликвии с начала девятнадцатого века, которые

⁶ *Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР*, http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=12 [dostep: 09.07.2018].

в свою очередь были переведены из турецкого султана для ханства Коканда (Узбекистан).

«Глава Коканда получил от турецкого султана два волоса от пророка Мухаммеда, и один из них будет доступен в Чечне как знак большой и прочной дружбы между нашими народами. В противоположность этому, чаша Пророка вновь будет поставлен в Узбекистан. Абдулхафиз Хан Туру является человеком, который согласился на такой проект, чтобы иметь возможность отправить святые мощи, с тем, чтобы выразить уважение к главе республики Рамзан Кадыров и чеченцам – заключил представитель ДУМ⁷. Конечно, трудно не согласиться с этими утверждением, потому что, если народы Чечни и Узбекистана были конфликты или война на религиозной почве. Давайте двигаться дальше, так что чеченцы не забыли Узбекистан в середине марта 2015 году, когда он умер, не только их высший мусульманский религиозный авторитет, его уважают во всем мусульманском мире, Мухаммад Садик Мухаммада Юсуф. Стоит отметить, что помимо соболезнований, глава Чечни Рамзан Кадыров в своем профиле Instagram, сообщил, что одна из улиц в Грозном будет названа в честь узбекского Шейха». Были проведены во всех мечетях Чечни молитвы для Шейха я решил дать его имя одной из улиц в Грозном Мусульманский богослов, был учителем и близким другом моего отца, президента Чечни Ахмада Кадырова, в ходе обучения в Ташкентском институте исламскими.» – сказал Кадыров⁸. Очевидно отметим, что то не последнее пространство в котором так хорошо сотрудничают Чеченцы с узбеками. Так вот, в день 25 сентября 2015 года, Росбалт (русская пресса), представили статью в которой говорилось о войне в Сирии. В данной статье упоминавшийся, что около тысячи лиц из Узбекистана, Таджикистана и Чечни присяжная верность двигательных Ал-Нусра-Джабхат, чтобы воевать против Исламских государств (организация, признанная экстремистской и запрещенная на территории России)⁹.

Мы знаем, что тема не до конца осталась раскрыта. Поэтому Мы надеемся, что этот текст будет вкладом в дальнейшее обсуждение академических и научных исследований о двух мусульманских народов, узбеков и чеченцев. Тем не менее, он должен ответить на вопрос, поставленный в теме: чеченцы и узбеки являются враждуют или братья? Трудно оценить эти отношения рассматриваются через призму исторического или настоящего времени. Тем

⁷ В Чечню из Узбекистана доставлены связанные с пророком Мухаммадом реликвии, <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/252351/> [dostep: 09.07. 2018].

⁸ Действительно ли «нет иного правильного пути для ...», <http://islam.uz/msmy/biografiya-/2797-2015-03-19-08-10-05.html> [dostep: 09.07.2018].

⁹ Почти 1,5 тысячи наемников из Узбекистана, Таджикистана и Чечни примкнули к «Джабхат-ан-Нусра» для борьбы с ИГ, <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/09/25/1444432.html> [dostep: 09.07.2018].

не менее, на данный момент, вы можете рискнуть сказать, что узбеки и чеченцы не врагами, которые конкурируют друг с другом за влияние в той или иной отрасли экономики, или в регионе, как в случае с узбеками и казахами. Кроме того, нет доказательств того, что чеченцы и узбеки были большими друзьями, которые помогают друг другу, оказывают поддержку в трудные времена, например, во время подавления исламских боевиков, которые пытались нарушить мир в Узбекистане и Чечне.

Literatura

- Brodowski J., Smoleń M., *Czeczenia – Rosja. Mity i rzeczywistość*, Kraków 2006;
Действительно ли «нет иного правильного пути для ...», <http://islam.uz/msmy/biografia-/2797-2015-03-19-08-10-05.html> [dostęp: 09.07.2018].
- Исматуллаев Х., *Самоучитель узбекского языка*, Ташкент 1994;
- Gall T. (red.), *Worldmark encyclopedia of the nations*, vol. 11, Detroit-New York 2004.
- Kaczorowski B. (red.), *Obyczaje, języki, ludy świata*, Warszawa 2007;
- Почти 1,5 тысячи наемников из Узбекистана, Таджикистана и Чечни примкнули к «Джабхат-ан-Нусра» для борьбы с ИГ*, <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/09/25/1444432.html> [dostęp: 09.07.2018];
- Mydel R., Groch J. (red.), *Przeglądowy atlas świata. Azja II*, Kraków 2000;
- Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР*, http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=12 [dostęp: 09.07.2018];
- В Чечню из Узбекистана доставлены связанные с пророком Мухаммадом реликвии*, <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/252351/> [dostęp: 09.07. 2018].

Етикетні полонізми як засіб вираження української народнопісенної ввічливості

Резюме: Стаття посвячена словам и выражениям, заимствованным с польского языка, которые употребляются в украинском народном поэтическом творчестве в этикетной роли. В работе рассматриваются полонизмы, выполняющие в языке украинского песенного фольклора роль этикетных эмоционально-оценочных эпитетов. Среди них особого внимания заслуживает оценочный эпитет *лречний*, который часто употребляется в обрядовых песнях. Его можно считать традиционным средством выражения вежливости в фольклорно-песенном языке. Этикетные полонизмы *злото*, *срібло-злото*, имеющие в украинском толковом словаре пометы *поэт.* и *нар.-поэт.*, употребляясь в переносном значении, выполняют в народной поэзии роль ласкательно-учтивых обращений и гоноративов. Они имеют яркую народнопесенную окраску и являются частью украинской фольклорной поэтики. В фольклорно-песенном койне, имеющим наддиалектный характер, как этикетные функционируют полонизмы, пришедшие в народную песню из диалектной речи. Большинство таких диалектизмов фиксируются толковым словарём украинского языка и имеют соответствующую помету. Однако некоторые полонизмы-диалектизмы, выполняя в украинской народной поэзии роль этикетных эпитетов, в словаре отсутствуют (*злічний*). Слова и выражения, заимствованные из польского языка и выполняющие роль этикетных эпитетов, этикетных ласкательно-учтивых обращений и гоноративов, а также приветствий, служат для выражения украинской народнопесенной вежливости. Они входят в состав не только народнопесенного этикета, но и украинской общенациональной этикетной системы.

Summary: This paper is devoted to the words which are borrowed from the Polish language. They perform ethicet role in the Ukrainian folk songs. It is stressed that these words have over dialect character. Polish words, which are used as epithets, adressess, honoratives serve for expression of Ukrainian folk songs politeness.

Невичерпним джерелом духовної краси українського народу, складовою частиною його національної мовної культури є народнопісенна ввічливість, яка знайшла відображення в уснопоетичних творах. Важливу роль у вираженні народнопісенної ввічливості відіграють етикетні мовні засоби, запозичені з польської мови, оскільки українсько-польські мовні контакти простежуються ще з часів Київської Русі. Багатством етикетних полонізмів відзначається насамперед мова колядок і щедрівок. Як

відомо, обряд колядування зародився ще в первіснообщинний період життя слов'янських народів. «Життєвість колядкового обряду й пісенності, – на думку О. І. Дея, – пояснюється його надзвичайною поетичністю, з одного боку, і наявністю суспільно-економічного ґрунту для його існування протягом ряду століть – з другого»¹. В основу колядкової пісенності покладена віра народу в магічну силу слова. «Чим далі в старовину, – писав О. О. Потєбня, – тим звичніша й міцніша віра в здатність слова однією своєю появою творити те, що ним означено. На такий вірі ґрунтуються всі поздоровлення і прокляття»². Мова обрядової народної поезії створює особливу фольклорну дійсність, яка становить ідеальний варіант дійсності. У колядках і щедрівках, сповнених глибокої поваги до господаря, господині, парубка, дівчини, пана, пані, панни, панича, газди, газдині, невістки, жони, матері, батька, наявні різноманітні етикетні мовні засоби, які використовуються з метою величання. Етикетні лексеми та фразеологізми колядкового величання лягли в основу української народнопісенної ввічливості. Краса величання людини віддзеркалилась в численних етикетних епітетах, епітетних словосполученнях, етикетних звертаннях та гоноративах, які своїм змістом вказували на вроду, вік, багатство, риси характеру, манери поведінки, розум, моральні якості тих, до кого зверталися учасники колядування та щедрювання.

«Народнопісенна мова, – як відзначає С. Я. Єрмоленко, – естетизує явища природного буття людини. У звичних звертаннях, у вираженні емоцій, побажань, у виборі того чи іншого означення-епітета виявляється естетично осмислене ставлення до слова»³. І це не випадково, оскільки «характер українця – мрійливий і навіть романтичний, наскрізь волелюбний – формувався серед розкішної, естетично повноцінної природи. Це не могло не відтворитися в пісні. Звідси її мальовничість, музикальність, неперевершена естетична краса»⁴.

Завдання нашої статті полягає в тому, щоб з'ясувати, які ж саме етикетні полонізми вживалися в українській усній поезії для вираження народнопісенної ввічливості, виначити їх стилістичну маркованість, особливості функціонування в умовах поетичного контексту, а також місце в загальновоживаній лексиці української мови.

Найбільш численну групу серед етикетних народнопісенних епітетів, які функціонують у мові колядок та щедрівок для величання господаря, господині, парубка, дівчини, становлять ті, які вказують на їхню вроду. Так, роль етикетного емоційно-оцінного епітета в українських величальних піснях

¹ О. Дей, *Величальні пісні українського народу: Колядки та щедрівки. Зимово обрядова поезія трудового року*, Київ 1965, с. 16.

² А. Потєбня, *Объяснение малорусских и сродных народных песен*, Варшава 1987, т. 2, с. 59.

³ С. Єрмоленко, *Фольклор і літературна мова*, Київ 1987, с. 42.

⁴ О. Гончар, *Щоденники* : У 3-х т., Київ 2004, т. 3 (1984-1995), с. 473.

нерідко виконував діалектизм **зличний**, тобто гарний, який є говірковим варіантом запозиченого з польської мови прикметника *śliczny*, що разом з чехізмом *slíčny* походить від праслов'янського слова **sǫlīčьnъ* і означає «той, хто має гарне обличчя»⁵, як, наприклад, у колядці «Ой у тихому Дунаечку, у крутому бережечку», записаній Марком Вовчком на Чернігівщині: – **Зличний паничу-королевичу!** // Скажу я тобі іще дивніше: // Що у нас об Різдві рожа зацвіла. // – **Зличний паничу-королевичу,** // Коли не ймеш віри – я сама там була, // Сама там була, рожу щипала. // Святий вечер!⁶. В обрядовій народній поезії діалектний величальний епітет **зличний** функціонував у таких фонетичних варіантах: **злічний, злишний, сличний, слічний**. Характерною особливістю української народнопісенної ввічливості, яка знайшла відображення в колядках і щедрівках, було те, що величальні етикетні епітети вживалися не лише при звертаннях, але й при гоноративах, тобто мовних одиницях, які використовувалися для найменування відсутньої особи в ситуації називання чи згадування про неї, що свідчить про вищий ступінь вияву поваги до людини: *Ой прийшов ік ній зличний панич,* // *Зличний панич-королевич*⁷; *А в тім човночку злишний паничу,* // *Злишний паничу – молодий Михалю* // *Струже стрілочки усе з калиночки*⁸; *Ой прийшов ік ній злічний панич,* // *Злічний панич-королевич*⁹; *Ой обовзався сличний панич,* // *Сличний панич, панич Платонко*¹⁰; – *Постой, не біжи, сличная панночко,* // *Скажу я тобі три пригодоньки...*¹¹; – *Ганнуньо-панно, слічная Діянно,* // *Покажися нам*¹²; *Що в бору, бору сосенка стоїть,* // *На тій сосенці колисочка висить.* // *А в тій колисочці сличная пані лежить,* // *Сличная пані, пані Маруся*¹³.

Зрідка роль етикетного епітета в обрядових піснях виконував прикметник **гойний**, тобто щедрий, багатий, який є запозиченням з польської мови; п. *hojny*¹⁴. У «Словнику української мови» цей епітет має таке ж значення й позначку *розм.*¹⁵ Так, у колядці «Стоїть світлонька горіхова», записаній у Галичині, читаємо: *Межи тими панами гойний панич,* // *Гойний панич чом Іванонько.* // *На нім кошуленька, як день, біленька,* // *На нім ремінець золо-*

⁵ Етимологічний словник української мови : у 7 т. Київ 1982–2012, т. 2, с. 266–267.

⁶ Фольклорні записи Марка Вовчка та Опанаса Марковича, Київ 1983. – с. 127.

⁷ Фольклорні записи Марка Вовчка..., с. 127.

⁸ Колядки та щедрівки, с. 279.

⁹ Там же, с. 384.

¹⁰ Там же, с. 221.

¹¹ Там же, с. 442.

¹² Там же, с. 450.

¹³ Там же, с. 396.

¹⁴ Етимологічний словник української мови, т. 1, с. 547.

¹⁵ Словник української мови: в 11 т., Київ 1971–1980. т. 2, с. 106.

том оббитий, // На нім чобітки – срібні підківки, // На нім кожушок, як мак, дрібненький¹⁶.

У мові української народної поезії роль етикетного емоційно-оцінного епітета виконує й діалектизм **гонорний**, що стосується людини, яка має перебільшене поняття про свою гідність. Це слово теж запозичене з польської мови; п. *honor* ‘честь, пошана’, як і чеське *zast. honor* ‘честь’, слц. *розм. honor* походить від латинського *honor* ‘честь’¹⁷. «Словник української мови» фіксує епітет **гонорний**, який має позначку *діал.* У мові пісенного фольклору емоційно-оцінний етикетний епітет **гонорний** сполучається з лексемами **дівчина, дівчинонька, козак, легінь, одинак, хлопчина** та іншими, які виконують роль звертань і гоноративів: *Ой гонорна дівчинонька, гонорна, гонорна, // Я їй купив телевизор, а вона хоче жорна*¹⁸; – *Чо ти ся цураєш, гонорний козаче? // За тобов дівчина не конечне плаче. // Не доконче плаче, не конечне тужит, // Має вона хлопця, що в цісаря служить*¹⁹; **Гонорному одинаку** *усе не на дяку: // І до танцю він так іде, як той кінь у млаку. // – Ой гонорний одинаку, як будемо жити, // Кой я люблю довго спати, а ти любиш пити?*²⁰; *До мене ся залищяє гонорний хлопчина: // Такий кривий, як кочерга, ще й горб за плечима*²¹; *Кажуть люди, що-м гонорна, я таки й гонорна, // Я там буду за невістку, де корова чорна*²²; *Багацькая дівчинонька гонорна, гонорна, // В неї очі, як тарелі, а сама, як жорна*²³. Як видно з наведених пісенних уривків, емоційно-оцінний епітет **гонорний** вживається здебільшого в жартівливих та сатиричних піснях, а також коломийках з метою створення іронічного стилістичного ефекту.

У мові колядок і щедрівок часто роль етикетного оцінного епітета виконує полонізм гречний (п. *grzeczny*), тобто чемний, увічливий²⁴. В обрядово-величальній поезії українців етикетний полонізм **гречний** функціонує в таких фонетичних варіантах: **грешная, гжечная, кжечная**, які виконують роль народнопісенних епітетів при звертаннях та гоноративах: *Ой туди ішла грешная панна, // Вирвала квітку з макового цвітку*²⁵; – *Почекай, підожди, грешная панно, // Загадаю тобі три загадочки*²⁶; *Попід гору доріженька, //*

¹⁶ Колядки та щедрівки. с. 144.

¹⁷ Етимологічний словник української мови, т. 1, с. 560-561.

¹⁸ Жартівливі та сатиричні пісні, Київ 1988, с. 170.

¹⁹ О. Дей, *Спілкування митців з народною поезією. Іван Франко та його оточення*, Київ 1981, с. 256.

²⁰ *Квіти Верховини: Коломийки*, Ужгород 1985, с. 41.

²¹ Там же, с. 43.

²² *Коломийки*, Київ 1969, с. 238.

²³ Там же, с. 368.

²⁴ Етимологічний словник української мови, т. 1, с. 592.

²⁵ Колядки та щедрівки, с. 342.

²⁶ Там же, с. 388.

Туди бігла **гжечна панна**, // Панна Надійка щедрувати²⁷; По горі, горі пави ходили, // Пави ходили, пір'я губили, // А за ними йшла **гжечная панна**²⁸; Вивели йому **кжечную панну**²⁹. Як правило, етикетний епітет **гречний**, який зафіксований і «Словником української мови», в обрядових піснях сполучався зі звертаннями та гоноративами **панна, пані, панич, пан, панонько, паниченько, панночка**: – Просимо тебе, **гречная панно**, // **Гречная панно**, панно Марусе, // Панно Марусе, перевези нас!³⁰; Коло стеженьки яра пшениченька. // Стерегла її **гречна паннонька**, // **Гречна паннонька** чом Марисенька³¹; Їхав Івасенько через лісенько, // Здибала єго **гречная панна**: // – Ой де ж ти ідеши, **гречний паничу**?³²; До него змійонька та промовляє: // – Не стріляй же мі, **гречний паниченьку**, // **Гречний паниченьку**, красний Петрусеньку³³.

Разом з тим у величальних народних піснях полонізм **гречний** як етикетний оцінний епітет поєднувався зі словами **молодець, бояри, газда, газдиня, дівочка**, власними іменами, які виконували роль звертань і гоноративів: *Йа в цього газди **гречна газдиня**, // Видимо на ній злотні ковточки*³⁴; *Гречна дівочка* вой туди йшла, // *Вой туди йшла, пір'ячко найшла*³⁵; *А в тім наметі **гречний молодець** Михайло. // – Гречний молодче* Михайло, // *Виведи ти нас з темного лісу*³⁶; – *Гречні бояри, розступітеся, // Хочет мі отець даром дарити...*³⁷

Засобом вираження української народнопісенної ввічливості іноді виступає полонізм злото (п. **zloto**)³⁸. У «Словнику української мови» це слово має дві позначки: *перен.* і *розм.* й таку етикетну семантику: ‘Ласкаве звертання до кого-небудь’³⁹.

У народних ліричних піснях етикетний полонізм **злото**, вживаючись у переносному значенні, функціонує як ласкаво-ввічливе звертання парубка до дівчини: *Ой через річку, через болото // Дай мені рученьку, ти, моє **злото***⁴⁰. Словосполучення **моє злото** як гоноратив у пісенному фольклорі використовується при ласкаво-ввічливому називанні відсутньої особи в етикетній ситуації згадування про неї. Так, дівчина **злотом** називає коханого:

²⁷ Там же, с. 347.

²⁸ Там же, с. 355.

²⁹ Там же, с. 213.

³⁰ Там же, с. 322.

³¹ Там же, с. 364.

³² Там же, с. 255.

³³ Там же, с. 174.

³⁴ Там же, с. 105.

³⁵ Там же, с. 358.

³⁶ Там же, с. 280.

³⁷ Там же, с. 468.

³⁸ Етимологічний словник української мови, т. 2, с. 267.

³⁹ Словник української мови, т. 3, с. 604.

⁴⁰ Фольклорні записи Марка Вовчка та Опанаса Марковича, с. 232-233.

Ой вийду я за ворота – // Нема **мого злота**. // Тільки стоїть той нескреба,
// Що мені не треба⁴¹. У родинному етикеті гоноративом **моє злото** мати
послугується при ласкавому називанні своєї дитини: *Гой, недолю, ти, не-*
*долю, // Іди на болота – // Би нітрошки не вчепилась // Коло **мого злота***⁴².

Крім цього, у мові української народної поезії функціонує як етикетне
стилістично марковане асоціативне утворення **срібло-злото**. У «Словнику
української мови» словосполучення **срібло-злото** має позначку *нар.-поет.*⁴³
В етикетній ролі народнопоетизм **срібло-злото** вживається в піснях для лас-
кавого називання дружиною свого чоловіка як відсутньої особи в ситуації
згадування про нього: *Сон головоньку хитає, // Милий милу покидає // Та
з дрібними діточками... // Плаче мила слізочками: // – Ой як вийду за ворота
– // Нема **мого срібла-злота!***⁴⁴. Цим же гоноративом послугується й дівчи-
на при ласкаво-ввічливому називанні парубка: *Ой як вийду за ворота – //
Нема **срібла-злота!** // Тільки стоїть нескреба, // Що мені не треба*⁴⁵.

Полонізм **злото**, який у тлумачному словнику української мови має по-
значки *заст. і поет.*, входить до складу народнопісенного словосполучення
краща злота, що в пісенному фольклорі виконує роль етикетного емоцій-
но-оцінного епітета при звертаннях і гоноративах: *Як приїхав під ворота, //
Вийшла дівча, **краща злота***⁴⁶; *Ой приїхав козак, да гей, під ворота: // – Вий-
ди, вийди, мила, **краща злота!***⁴⁷; *Як приїхав рекрут під ворота: // – Вийди,
вийди, дівко, **краща злота***⁴⁸.

Роль стилістично маркованої прикладки при пестливо-ввічливому
звертанні панни до ремісника в обрядових піснях іноді виконує етикетний
дериват **злотничок**. «Словник української мови» фіксує лише слово **злот-**
ник, яке має позначку «рідко»⁴⁹. Напр.: *Вийшла, вибігла красная панна // Да
і сплеснула да й рученьками: // – Шуги в луги, райській пташки. // Да тую
кору да і позбирала, // Шовкове віття в пучки зв'язала, // В пучки пов'язала,
в хустку поскладала // Да й понесла до **злотничка**, // До **злотничка-реміс-**
ничка: // – Ти, **злотничку-ремісничку, // Іскуй мені злотий пояс***⁵⁰.

У рекрутських та солдатських піснях часто етикетну роль виконує по-
лонізм жовнір та його фонетичний варіант жовняр (п. *żolnierz*)⁵¹: *Плавай,*

⁴¹ Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика. Пісні про кохання, Київ 1964, с. 70.

⁴² Пісні одного села: Кучурівські наспіви, Чернівці 1997, с. 310.

⁴³ Словник української мови, т. 9, с. 620.

⁴⁴ Українські народні пісні. Пісні суспільно-побутові, Київ 1967, с. 224.

⁴⁵ Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика. Пісні про кохання, с. 324-325.

⁴⁶ Леся Українка, Зібрання творів: у 12 т., Київ 1975-1979, т. 9, с. 330.

⁴⁷ Балади: Кохання та дошлюбні взаємини, Київ 1987, с. 189.

⁴⁸ Рекрутські та солдатські пісні, Київ 1974, с. 554.

⁴⁹ Словник української мови, т. 3, с. 604.

⁵⁰ Колядки та щедрівки, с. 426.

⁵¹ Етимологічний словник української мови, т. 2, с. 202.

плавай, шабеліно, // Вчися плавати, // А я піду, **молод жовнір**, // Жінки шукати⁵²; **Вітай, жовняр, вітай**, ми – твоя родина⁵³. Ця етикетна лексема з позначкою діал. зафіксована й «Словником української мови»⁵⁴. Фонетичний варіант **жовняр** у мові українського пісенного фольклору в етикетній ролі є більш поширеним, ніж діалектизм **жовнір**: Ой **жовніре**, жовнірочку, а де ж твоя сила? // В гарнізонах, у шпиталях, – // Там ся полишила⁵⁵; – **Жовняре, жовняре**, прошу тя до хати, // Бо твоя дівчина гадає вмирати⁵⁶; Їде **жовняр**, їде, // Ворота минає, // Вийшла стара мати, // **Жовняра** вітає. // – Сюди, сюди, **жовняр**, // Це твоя причина, // Банує-хорує за тобов дівчина⁵⁷; **Жовняру, жовняру** // **З чорними очима**, // За тобов, **жовняру**, // В огонь би-м скочила⁵⁸. Мова рекрутських і солдатських пісень рясніє пестливо маркованими дериватами **жовняренько, жовняречко, жовнярик, жовняронько, жовнярочко**, які виконують роль ласкаво-ввічливих звертань: Ой **верни сі, жовняреньку**, дівчина вмирає⁵⁹; **Погадай си, жовнярику**, // Що маш на сумлінню⁶⁰; Як ти смієш, **жовнярочку**, // Таке говорити?⁶¹; Ей, **жовняре, жовняроньку**, а де ж твоя сила? // В гарнізонах і шпиталях, там ся полишила⁶²; – Ма бідна вдово, // Рік бим ти слово: // Ци много коров маєш? // – Вісім пар коров, // Бодай-єс здоров, // **Молодий жовнярочку**⁶³. Одним із засобів вираження ввічливості в українській народній поезії є пестливі утворення **жовнірик, жовнірчик, жовніронько, жовнірочко**, які виступають у ролі етикетних звертань і гоноративів: Ой ти, **жовніроньку, сивий голубоньку**, // Клопочеш мені мою головньку⁶⁴; Ой куди ми помандруєм, // Ти, мій милий **жовніроньку**?⁶⁵; **Вставай, вставай, жовнірику**, бо вже день біленький⁶⁶; А вже того **жовнірчика** на войночки вбито⁶⁷; Та ніхто так не бідує, за біду не знає, // Та як отой **жовнірочок**, що коника має⁶⁸; – Даю тобі, **Лазарику**, якнайбільше грошей, // Який з тебе, **Лазарику, жовнірик хороший**.⁶⁹

⁵² Рекрутські та солдатські пісні, с. 379.

⁵³ Народні пісні в записах Михайла Павлика, Київ 1974, с. 164.

⁵⁴ Словник української мови, т. 2, с. 539.

⁵⁵ Рекрутські та солдатські пісні, с. 344.

⁵⁶ Там же, с. 370.

⁵⁷ Там же, с. 371.

⁵⁸ Там же, с. 411.

⁵⁹ Рекрутські та солдатські пісні, с. 267.

⁶⁰ Балади, Київ 1987, с. 91.

⁶¹ Рекрутські та солдатські пісні, с. 445.

⁶² Коломийки, с. 340.

⁶³ Народні пісні в записах Михайла Павлика, с. 115.

⁶⁴ Фольклорні записи Марка Вовчка та Опанаса Марковича, с. 201.

⁶⁵ Народні пісні в записах Михайла Павлика, с. 161.

⁶⁶ Рекрутські та солдатські пісні, с. 477.

⁶⁷ Пісні одного села, с. 313.

⁶⁸ Рекрутські та солдатські пісні, с. 479.

⁶⁹ Там же, с. 442.

Як етикетні в народній поезії українців функціонують полонізми *жвавий* (п. *żwawy*)⁷⁰ та *хлопець* (п. *chłopiec*)⁷¹: *Погляну я в кватирочку – вже старого видко, // – Увивайся, жвавий хлопче, коло курки швидко!*⁷²; *Топчи, топчи, жвавий хлопче, // Я ще ширший прополю, // Будем собі, серце, свої, чей Бога я умолю*⁷³.

Усталений етикетний польський вираз *Як ся маєш?* (*yak się masz*) в мові українського пісенного фольклору часто виступає складником увічливого привітання: *Ой зліз з коня, привітався: «Добридень, серденько! // На добридень, серце мое! Ой як ся ти маєш? // Либонь же ти на чужині іншу кохаєш?»*⁷⁴; – *Добри вечір, дівчинонько, як ти ся маєш? // А всі люде сплять-ночують, ти шмаття качаєш*⁷⁵; *Добрий вечір, бідна вдово, як ся ти тут маєш, // Чи горюєш, чи бідуєш, що мужа не маєш?*⁷⁶; *Добрий вечір, мамусенько, // Як ся ви майте? // Не була б я в вашій хаті, // Самі ви знайте*⁷⁷.

Отже, аналіз деяких польських запозичених лексем та виразів, уживаних в етикетній ролі з метою вираження української народнопісенної ввічливості, дозволяє зробити такі висновки:

1. Прикметники-полонізми в мові українських народних пісень виступають у ролі емоційно-оцінних етикетних епітетів. Етикетний епітет *сречний* можна вважати власне народнопісенним, уживаним, як правило, в колядках та щедрівках, оскільки в інших пісенних жанрах і стилях української мови його використання обмежене.

2. Поетизм *злото* та народнопоетизм *срібло-злото*, вживаючись у переносному значенні, виконують роль ласкавих етикетно-ввічливих звертань і гоноративів.

3. У фольклорно-пісенному койне, яке має наддіалектний характер, як етикетні функціонують кращі зразки діалектного мовлення. Одні етикетні говіркові елементи засвідчені тлумачним словником української мови й мають відповідні позначки, а інші, хоч і використовуються в мові народної поезії як етикетні одиниці, як, наприклад, епітет *злічний*, у реєстрі словника відсутні.

4. Слова й вирази, запозичені з польської мови, як етикетні елементи, вживаються в різних жанрах українського пісенного фольклору: колядках, щедрівках, баладах, коломиїках, піснях.

⁷⁰ Етимологічний словник української мови, т. 2, с. 189.

⁷¹ Етимологічний словник української мови, т. 6, с. 182-183.

⁷² *Жартівливі пісні*, Київ 1967, с. 536.

⁷³ *Пісні кохання*, Київ 1986, с. 162.

⁷⁴ Там же, с. 192.

⁷⁵ *Українські народні пісні: Родинно-побутова лірика*, с. 215.

⁷⁶ *Пісні родинного життя*, Київ 1988, с. 273.

⁷⁷ *Весільні пісні: У 2 кн.*, Київ 1982, кн. 2, с. 465.

5. Польські запозичення є важливим складником не лише українського народнопісенного мовного етикету, а й загальнонаціональної етикетної системи в цілому.

Literatura

- О. Дей, *Величальні пісні українського народу: Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія трудового року*, Київ 1965;
- А. Потебня, *Объяснение малорусских и сродных народных песен*, Варшава 1987, т. 2;
- С. Єрмоленко, *Фольклор і літературна мова*, Київ 1987;
- О. Гончар, *Щоденники : У 3-х т.*, Київ 2004, т. 3 (1984-1995);
- Словник української мови: в 11 т.*, Київ 1971-1980. т. 2;
- Леся Українка, *Зібрання творів: у 12 т.*, Київ 1975-1979, т. 9;
- Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика. Пісні про кохання*, Київ 1964;
- Народні пісні в записах Михайла Павлика*, Київ 1974.

Glottodydaktyczne implikacje w kontekście złotego jubileuszu Olimpiady Języka Rosyjskiego

Streszczenie: Olimpiada Języka Rosyjskiego jest zdeterminowana całą gamą różnorodnych problemów. Do nich należą, między innymi, te, które w przekonaniu autora niniejszych rozważań mają pierwszoplanowe znaczenie i dotyczą: kryteriów wyboru języka obcego w polskim systemie edukacji narodowej; statusu języka rosyjskiego w nowych warunkach geopolitycznych z uwzględnieniem sfery motywacyjnej w jego akwizycji; zarysowania nowych, bardziej racjonalnych potrzeb w opanowywaniu języka rosyjskiego. Przedstawione w danej publikacji implikacje glottodydaktyczne i inne, na tyle Złotego Jubileuszu Olimpiady Języka Rosyjskiego w Polsce stanowią pewien przyczynek do współczesnego spojrzenia na język rosyjski oraz inne języki obce.

Summary: Russian Language Contest is determined by the whole range of diverse problems. The most crucial of them, in the opinion of the author, concern: criteria for the choice of foreign language in the Polish system of national education; status of Russian language in new geopolitical conditions with the allowance for motivational sphere in its acquisition; outlining the new, more rational needs in Russian language acquisition. The glottodidactic and other implications presented in the paper in the context of Gold Jubilee of the Russian Language Contest contribute to the modern perspective on Russian language and other foreign languages.

Słowa kluczowe: nowe warunki geopolityczne, Olimpiada Języka Rosyjskiego, Złoty Jubileusz, motywacja instrumentalno-integrująca, motywy pragmatyczno-utilitytarne, kompetencja interkulturowa, kompetencja lingwistyczna, kompetencja komunikatywna.

Key words: new geopolitical conditions, Russian Language Contest, Gold Jubilee, instrumental-integrating motivation, pragmatic-utilitarian motives, intercultural competence, linguistic competence, communicative competence.

Olimpiada Języka Rosyjskiego należy do najstarszych olimpiad przedmiotowych w Polsce, obok Olimpiady Języka Polskiego. Jest ona adresowana dla uczniów szkół ponadgimnazjalnych i powołano ją do życia w **1969 roku**. Tak więc Olimpiada Języka Rosyjskiego w **roku 2019** będzie obchodzić swój **Złoty Jubileusz**.

Podstawę prawną olimpiady stanowi rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej i Sportu (obecnie tylko MEN w nazwie) z dn. 29 stycznia 2002 r. (Dz.U. nr 13, poz. 125) z późniejszymi modyfikacjami. Tradycyjnym jej sponsorem jest

Stowarzyszenie Współpracy Polska–Wschód. Głównym celem olimpiady jest popularyzowanie umiejętności posługiwania się językiem rosyjskim (zarówno w sferze recepcji językowej, a przede wszystkim w zakresie produktywnego użycia tego języka). U podstaw teźże umiejętności leży wiedza o **teraźniejszości** i **tradycjach** szeroko rozumianej **kultury** materialnej i duchowej, zarówno Rosji jak i Polski.

Do tradycji kultury w powyższym kontekście należą, między innymi, wszystkie kwestie związane z pochodzeniem języka rosyjskiego i innych języków słowiańskich, w tym również języka polskiego. Wszystkie one mają wspólnego przodka – **język prasłowiański**. Wyodrębniły się z niego przed wiekami współczesne języki słowiańskie. Wraz z przyjęciem przez Ruś Kijowską chrześcijaństwa w obrządku bizantyńskim w X wieku pojawił się pierwszy alfabet, tzw. cyrylica (wcześniej była głagolica), oparty na literach greckich. Za jego twórców uważani są święci misjonarze Słowiańszczyzny – pochodzący z Salonik – **Cyryl** i **Metody**. Alfabet ten rozprzestrzenił się wśród Słowian wschodnich i południowych. Obecnie używają go w zreformowanej postaci oprócz Rosjan, Ukraińców i Białorusinów także Bułgarzy, Serbowie, Macedończycy. Język polski należy do grupy języków zachodniosłowiańskich.

W półwiecznej historii olimpiad należy zaakcentować postać jej prekursora i chociażby wspomnieć o całej plejadzie osób wyjątkowo zasłużonych dla tej imprezy kulturowej. Pierwszym przewodniczącym **Komitetu Głównego Olimpiady Języka Rosyjskiego** był nieżyjący już **prof. Przemysław Zwoliński** (od 1969 r.) – wybitny sławista z Uniwersytetu Warszawskiego. W następnych latach funkcję tę pełnili kolejno: nieżyjący już **prof. Stanisław Czochara** (UW) – ceniony glottodydaktyk, nieżyjący już **prof. Albert Bartoszewicz** (UW) – bardzo wybitny językoznawca europejskiego formatu; **prof. Antoni Semczuk** (UW) – znany w środowisku literaturoznawca o międzynarodowej renomie. Aktualnie przewodniczącą KG OJR jest **prof. Magdalena Dąbrowska** (UW) – ceniona literaturoznawczyni. Wszyscy wymienieni wnieśli i niektórzy w dalszym ciągu wnoszą (prof. M. Dąbrowska) istotny wkład w liczne modyfikacje olimpiady.

Na szczególne podkreślenie zasługuje postać **prof. Stanisława Czochary** (UW). Jego twórczy wkład i osobisty wysiłek w organizację olimpiad oraz dostosowanie jej treści (tematyki) do osiągnięć nauki w zakresie takich dyscyplin jak np.: glottodydaktyka, kulturologia, lingwokulturologia, komunikacja interkulturowa etc., zasługuje na zaakcentowanie i wyróżnienie.

Bardzo znaczącą grupę osób, związaną z omawianą olimpiadą, stanowią **Sekretarze Naukowi KG OJR** i ich odpowiednicy w komitetach okręgowych*. Należy podkreślić duży wkład pracy i zaangażowanie, między innymi: **dra Adama Marchwińskiego** czy też **dra Edwarda Szędzielorza** – Sekretarzy Naukowych teźż Komitetu na przestrzeni wielu lat.

* Wykaz Komitetów Okręgowych Olimpiady Języka Rosyjskiego w załączeniu.

Kolejne edycje Olimpiady Języka Rosyjskiego charakteryzują się wysokim poziomem organizacyjnym i merytorycznym. To w tych kategoriach o olimpiadach można mówić dzięki nauczycielom-rusycystom, którzy często nie szczędząc swojego prywatnego czasu przygotowują młodzież do tej intelektualnej rywalizacji. Właśnie im należą się słowa wyjątkowego uznania i podziękowania. Autorytety naukowe wielu osób związanych z olimpiadą przyczyniły się do tego, że powyższej imprezie kulturowej nadano prestiżowy charakter.

Wszystkie olimpiady przedmiotowe swoją genezę wywodzą z głównych megatrendów w pedagogice (w większym stopniu w dydaktyce ogólnej i dydaktykach szczegółowych lat 60. XX wieku, których istota sprowadzała się do pracy z uczniem zdolnym. Wyrażało się to w różnicowaniu zadań w trakcie realizacji procesu dydaktycznego oraz organizowaniu kół zainteresowań. Stwarzało to młodzieży szczególnie uzdolnionej, z jednej strony, dużą satysfakcję, z drugiej zaś – co jest najistotniejszym elementem, w naturalny sposób motywowało uczniów do samodzielnej pracy, kształtowało ich zainteresowania. Dotyczy to wielu przedmiotów w polskim systemie edukacji narodowej, w tym również języka rosyjskiego.

Olimpiada Języka Rosyjskiego jest zdeterminowana całą gamą różnorodnych problemów. Należą do nich, między innymi, te, które, w przekonaniu autora niniejszych rozważań, mają pierwszoplanowe znaczenie i dotyczą:

- kryteriów wyboru języka obcego w polskim systemie edukacji narodowej;
- statusu języka rosyjskiego w nowych warunkach geopolitycznych z uwzględnieniem sfery motywacyjnej w jego akwizycji;
- zarysowania nowych, bardziej racjonalnych potrzeb w opanowywaniu języka rosyjskiego.

Ogólnie wiadomo, że na wybór języka wpływają czynniki zarówno pozajęzykowe jak i językowe. Wśród tych pierwszych istotną rolę odgrywają socjalne i *sensu stricto* pedagogiczne. Nie konkretyzując ich, trzeba jednak zaakcentować te, które mają **charakter uniwersalny** i mogą dotyczyć wyboru każdego języka w polskim systemie nauczania, ale również w istotnym stopniu funkcjonują poza tym systemem, np. indywidualna praca nad językiem. Właśnie ze względu na ich uniwersalny charakter problem dotyczy również innych (nie tylko naszej) nacji. Pozwoli to na określenie miejsca języka rosyjskiego na tle innych języków obcych. Proponuję do tej grupy czynników zaliczyć:

- rolę i miejsce danego języka obcego na arenie międzynarodowej;
- potrzebę kontaktów ekonomicznych i kulturowych;
- sąsiedztwo kraju nauczanego języka w stosunku do Polski;
- potrzeby artykułowane przez uczniów i ich rodziców (porównaj np.: H. Komorowska)¹.

¹ H. Komorowska, *Nauka języków obcych w systemie kształcenia ogólnego i zawodowego*, „Języki Obce w Szkole” 1995, nr 1, s. 21.

Skupiając uwagę na języku rosyjskim w kontekście współczesnego świata (rola i miejsce danego języka na arenie międzynarodowej), należy wskazać na następujące elementy. Według danych ONZ językiem rosyjskim włada około 300 mln ludzi na kuli ziemskiej (w różnym stopniu jego opanowania). Obok angielskiego, francuskiego, hiszpańskiego, chińskiego, arabskiego, język rosyjski jest jednym z oficjalnych języków Organizacji Narodów Zjednoczonych, wchodzi do klubu języków światowych. Występuje on w roli oficjalnego języka w ponad 60 organizacjach międzynarodowych.

Ogólny charakter wymienionych wcześniej czynników w znaczącym stopniu determinuje funkcjonowanie innych – pozajęzykowych. W istocie rzeczy wszystkie one powinny stanowić podstawę do określenia zarówno ilości jak i wyboru języków obcych w naszym systemie kształcenia.

Jeden z wymienionych wcześniej czynników (potrzeba kontaktów ekonomicznych i kulturowych) w aktualnej polskiej rzeczywistości budzi szereg kontrowersji. Obserwuje się bowiem wręcz tzw. „śladową potrzebę”^{*} kontaktów w relacji Polska – Rosja ze strony polskiego **obożu władzy** (od wielu lat w różnym natężeniu).

Wyżej określona tzw. „śladowa potrzeba” ma charakter wieloaspektowy i składają się na nią różne przyczyny. W tym miejscu trzeba podkreślić, że dialog międzykulturowy w relacji etnosów Polski i Rosji ma swoją specyfikę. Do podstawowych przyczyn nieadekwatności stosunków polsko-rosyjskich w odniesieniu do potrzeb rzeczywistości XXI wieku można zaliczyć to, że zaledwie w minimalnym stopniu uwzględnia się czynniki ponadnarodowości warunkujące dialog międzykulturowy. Cytowane niżej czynniki mają właśnie taki charakter i można je bezpośrednio odnieść do potrzeb polsko-rosyjskich kontaktów kulturowych. Do tych czynników można zaliczyć:

- „– traumatyczne aspekty pamięci historycznej wpływające na mentalne nastawienia i stosunki kulturowe mogą być neutralizowane na drodze wzajemnego i wytrwałego dążenia do ukazania prawdy o przeszłości; obustronne ukazanie prawdy pozwoli przezwyciężyć efekt **katharsis** i rozszerzyć drogę do dialogu międzykulturowego;
- pamięć o wydarzeniach historycznych nie powinna być intencjonalnie demonstrowana i wykorzystywana w formie świadczącej o braku poszanowania drugiego narodu; pamięć o przeszłości powinna służyć konstruktywnemu podejściu do przeszłości i pojednania;
- kształtowanie w sferze mentalnej wzajemnego pozytywnego obrazu na drodze bezstronnego (bez uprzedzeń) przedstawienia obiektywnej wiedzy o swoich krajach i społeczeństwach, o uwarunkowaniach ich losów oraz o bieżących problemach życiowych;

* Termin ten od pewnego czasu funkcjonuje w zakresie takich dyscyplin naukowych jak politologia i socjologia.

- wypieranie obiegowych, negatywnych narodowościowych heterostereotypów na drodze wzajemnego zbliżenia, poznawania prawdy o sobie i kształtowanie nastawień asertywnych oraz tolerancyjności do różnorodności”².

Nie analizując szerzej zjawiska tzw. „śladowych potrzeb”, nie odnoszą się one bowiem bezpośrednio do nakreślonej przeze mnie problematyki, można jednak stwierdzić, że ten aspekt odbija się negatywnie na całej naszej edukacji. Dotyczy to w dużym stopniu języka rosyjskiego jako przedmiotu nauczania w sferze motywacji i nie tylko.

Należy podkreślić, że zagadnienia związane z motywacją nauczania i uczenia się języków obcych mają obszerną literaturę³. Jednakże wiele uwarunkowań, takich jak na przykład, **nowe warunki geopolityczne** nauczania i uczenia się języków obcych, podobnie jak i każda motywacja w odniesieniu do przedmiotów pozajęzykowych, stanowi w rezultacie konglomerat różnych motywów: socjalno-poznawczych, osobowościowo-etycznych i utylitarnych. Z psychologicznego punktu widzenia czy też w oparciu o osiągnięcia współczesnej glottodydaktyki przyjmuje się wyróżnianie motywacji **instrumentalnej** i **integrującej**. W naszej rzeczywistości nauki języków obcych występują różne motywy i to prowadzi do powstania specyficznej motywacji **instrumentalno-integrującej**. Jednakże, jeśli uwzględnimy fakt, że w trakcie przyswajania języka obcego, określony typ motywacji traci swoją wagę, to trzeba uwzględnić wartość innych motywów, które należałoby interpretować w kategoriach pragmatycznych.

Na przełomie wieków (XX/XXI) można zauważyć fakt istotnej zmiany motywów przyswajania języka rosyjskiego. Do kształcącego aspektu jego nauczania i uczenia się, który sprzyja satysfakcji poznawczo-kształcących jego elementów (tj. integrująca motywacja) dołączyć można **pragmatyczno-uitylitarne motywy**. Omawiane motywy w realnej rzeczywistości dydaktycznej, szczególnie pozadydaktycznej, faktycznie zaczynają dominować. Do nich można zaliczyć przede wszystkim te z nich, które dotyczą **profesjonalizmu** w różnych dziedzinach (np. w **sferach biznesu** czy też **komercji**). Należy jednak podkreślić, że pragmatyczno-uitylitarna orientacja w nauczaniu i uczeniu się języka rosyjskiego wcale nie wyklucza jego aspektu **lingwokulturowego**, który również dotyczy motywacji i winien być nadrzędny w stosunku do pozostałych.

Wyżej określona orientacja w przyswajaniu języka rosyjskiego (pragmatyczno-uitylitarne motywy), integralnie jest powiązana z nowymi potrzebami, tj. z koniecznością kształtowania nowego typu **kompetencji komunikacyjnej** o charakterze **pragmatyczno-uitylitarnym**. Ten nowy typ kompetencji można rozpatrywać, o czym była już mowa w innym kontekście (motywacja) w zasadzie w powiązaniu tylko z **kompetencją interkulturową** (podobnie zresztą jak w odniesieniu do sygnalizowanych wcześniej motywów).

² W. Woźniewicz, *Обусловленности познания культурных артефактов и вопросы межкультурного диалога в польско-восточнославянском языковом пространстве*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2002, vol. XXX, s. 122–123.

³ Np.: M. Szałek, *Jak motywować uczniów do nauki języka obcego; motywacja w teorii i praktyce*, Wydaw. „Wagros”, Poznań 2004, ss. 185.

Samo pojęcie **kompetencji interkulturowej** wymaga krótkiego komentarza, który w przekonaniu autora pomoże ją racjonalnie zdefiniować. Otóż u jej podstaw leżą dwie fundamentalne kategorie lingwistyki tzw. „czystej” i stosowanej, tj. glottodydaktyki jako samodzielnej dyscypliny naukowej. Kategorie te częściej są określane jako **kompetencje: lingwistyczna i komunikatywna**. Pierwszą z nich wprowadził do językoznawstwa (do gramatyki generatywno-transformacyjnej) **N. Chomsky w 1965 r.** Jej istota w odniesieniu do glottodydaktyki sprowadza się do umiejętności budowania wypowiedzi leksykalnie i gramatycznie (morfo-syntaktycznie) poprawnych, zgodnych z normami ortoepicznymi danego języka, zwłaszcza w płaszczyźnie połączeń frazeologicznych. Ten rodzaj kompetencji nie uwzględniał jednak kontekstu sytuacyjnego.

Dopiero **kompetencja komunikatywna** stwarza użytkownikowi języka obcego możliwość tworzenia wypowiedzi adekwatnych do sytuacji mownej. Trzeba podkreślić, że sama koncepcja kompetencji komunikatywnej zrodziła się w oparciu o krytykę pojęcia kompetencji lingwistycznej w ujęciu **N. Chomsky’ego**, a sam termin wprowadził do językoznawstwa D.H. Hymes⁴, a sama kompetencja dotyczyła początkowo tylko języka ojczystego.

Istota **kompetencji komunikatywnej** oznacza dostosowanie swojej wypowiedzi w aspekcie produktywnego użycia języka do aktualnej sytuacji społecznej. W praktyce sprowadza się to do łączenia kompetencji lingwistycznej z określoną wiedzą (dotyczącą np. norm językowych), która determinuje użycie języka w kontekście społecznym. Dzięki temu producent mowy potrafi swoją wypowiedź wyrazić w sposób zgodny z oczekiwaniami interlokutora. Stosuje on przy tym określone idiomy i używa adekwatnej do sytuacji stylistyki. Należy podkreślić, że kompetencja komunikatywna zakłada również dostosowanie określonych **norm etykiety mownej** do danej sytuacji uwzględniając przy tym uzus językowy.

Badania teoretyczne i empiryczne nad kompetencją komunikatywną otworzyły na przełomie lat 80. i 90. XX wieku nowy etap w rozwoju myśli językoznawczej. Prowadzone badania przyczyniły się, między innymi, do wieloaspektowej analizy **języka i kultury**. Na tym tle zrodziła się relatywnie nowa subdyscyplina – **lingwo-kulturologia**. Jej elementami są **два rodzaje kompetencji: lingwokulturologiczna i interkulturowa**. Tę pierwszą najczęściej interpretuje się jako sumę wiedzy, którą winien posiadać recypient lub producent mowy w odniesieniu do całego systemu wartości znajdującego się w języku⁵.

Z kolei „...pod pojęciem **kompetencji interkulturowej** rozumie się uświadomienie różnic i podobieństw o charakterze międzykulturowym, które istnieją między kul-

⁴ D.H. Hymes, *Models of the Interaction of Language and Social Life*, w: J.J. Gumperz, D. Hymes (eds.), *Directions Sociolinguistics*, Holt, Rinehart and Winstons, New York 1972, s. 35–71.

⁵ В.В. Воробев, *Основы лингвокультурологического описания языка // того же: Лингвокультурологические основы обучения русскому языку как иностранному*, Изд-во РУДН, Москва 1997, с. 112.

turą rodzimą a obcą etnicznie. Występują one w jednostkach leksykalno-semantycznych, języków – ojczystego i obcego”⁶. Znajdują swoje bezpośrednie odzwierciedlenie w realnej komunikacji mownej (obcojęzycznej komunikacji interkulturowej).

Komunikacja nie jest prostym przekazem wiedzy o nowej kulturze, lecz ukształtowaniem zdolności do jej rozumienia, do neutralizacji określonych uprzedzeń i stereotypów.

W kontekście ogólnym kompetencję komunikacyjną rozpatruje się jako zdolność do wyboru i realizacji programów komunikacji mownej i zachowania (np. etykieta mowna) **na całym tle kulturowego kontekstu kraju opanowywanego języka**. Z kolei sama zawartość treściowa kompetencji komunikacyjnej, która winna odzwierciedlać istotę komunikacji z punktu widzenia lingwistycznego, psychologicznego czy też glottodydaktycznego, stanowi jedność wszystkich jej komponentów.

Ogólnie wiadomo, że język rosyjski z przedmiotu obowiązkowego w systemie polskiej edukacji narodowej, stał się przedmiotem do wyboru.

Omówione wcześniej czynniki determinujące wybór języka obcego w kształceniu zorganizowanym i poza nim, pozwalają na rekomendowanie dwóch języków obcych. Zagadnienia te znajdują już szerokie zastosowanie w praktyce nauczania i uczenia się języków obcych. Warto podkreślić, że stanowi to **potrzebę** dzisiejszej edukacji XXI wieku i jest już pewnego rodzaju **standardem** europejskim. Zarysowane problemy wymagają jednak dalszych badań i wdrożeń do praktyki dydaktycznej.

Na podstawie niektórych tendencji uwzględniających specyfikę polskiej oświaty i licznych uwarunkowań geopolitycznych można zaproponować określoną **hierarchię** w wyborze języków obcych w naszym kraju: na pierwszym miejscu – język angielski, na drugim – język niemiecki, na trzecim – język rosyjski *ex aequo* z językiem francuskim. Trzeba jednak zauważyć, że coraz większą popularnością cieszy się język hiszpański. W powyższym kontekście problem dotyczy jednak pewnego zróżnicowania w zależności od regionu naszego kraju. W związku z tym moją propozycję można traktować jako średnią ogólnopolską.

Przedstawione w niniejszej publikacji implikacje glottodydaktyczne i inne (również te wspomnieniowe) na tle **Złotego Jubileuszowego Olimpiady Języka Rosyjskiego** stanowią pewien przyczynek do współczesnego spojrzenia na język rosyjski i inne języki obce w aktualnym systemie polskiej edukacji narodowej. System ten wymaga w dalszym ciągu modernizacji dla perspektywicznych potrzeb XXI wieku.

Na marginesie powyższych rozważań ich autor chciałby dodać, że obchodzi również swój Złoty Jubileusz, aktywnie uczestnicząc w pracach OJR. Pełnił on, począwszy od 1969 roku różne funkcje w ramach wszystkich edycji Komitetów Okręgowych Olimpiad Języka Rosyjskiego w Wielkopolsce.

⁶ T. Pacholczyk, *Interdyscyplinarność, wielokulturowość, lingwokulturologia a komunikacja w języku obcym*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2018, vol. XLIII, s. 249.

Wykaz Komitetów Okręgowych Olimpiady Języka Rosyjskiego

1. **Dolnośląski**
Instytut Filologii Słowiańskiej UWrocław
2. **Kujawsko-Pomorski (województwa: kujawsko-pomorskie i warmińsko-mazurskie)**
Katedra Filologii Słowiańskiej UMK
3. **Lubelski (województwa: lubelskie i podkarpackie)**
Instytut Filologii Słowiańskiej UMCS
4. **Łódzki**
Instytut Rusycystyki UŁ
5. **Małopolski (województwa: małopolskie i świętokrzyskie)**
Kraków, ul. Miodowa
6. **Mazowiecki**
Warszawa, ul. Marszałkowska
7. **Podlaski**
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UwB
8. **Pomorski (województwa: pomorskie i zachodniopomorskie)**
Gdańsk, ul. Długi Targ
9. **Śląski (województwa: śląskie i opolskie)**
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UŚ
10. **Wielkopolski (województwa: wielkopolskie i lubuskie)**
Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej UAM

Literatura

- Homes D. H., *Models of the Interaction of Language and Social Life*, w: J.J. Gumperz, D. Hymes (eds.), *Directions Sociolinguistics*, Holt, Rinehart and Winstons, New York 1972, s. 35–71
- Komorowska H., *Nauka języków obcych w systemie kształcenia ogólnego i zawodowego*, „Języki Obce w Szkole” 1995, nr 1, s. 21.
- Pacholczyk P., *Interdyscyplinarność, wielokulturowość, lingwokulturologia a komunikacja w języku obcym*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2018, vol. XLIII, s. 245–255.
- Szałek M., *Jak motywować uczniów do nauki języka obcego; motywacja w teorii i praktyce*, Wydaw. „Wagros”, Poznań 2004, ss. 185.
- Воробев В. В., *Основы лингвокультурологического описания языка // того же: Лингвокультурологические основы обучения русскому языку как иностранному*, Изд-во РУДН, Москва 1997, с. 112.
- Woźniewicz W., *Обусловленности познания культурных артефактов и вопросы межкультурного диалога в польско-восточнославянском языковом пространстве*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2002, vol. XXX, s. 115–124.

RECENZJE I OMÓWIENIA

*Marvin Kalb, Imperialna gra Putin, Ukraina i nowa zimna wojna,
tłumaczenie: Stefan Baranowski, Wydawnictwo: Vis-a-vis Etiuda,
Kraków 2017, Ilość stron: 286
(Mateusz Bienias)*

Książka Marvina Kalba pod tytułem „Imperialna gra Putin, Ukraina i nowa zimna wojna”, to pierwsza książka tego autora przetłumaczona na język polski. Na 286 stronach autor podejmuje się wyjaśnienia przyczyn konfliktu ukraińskiego. Każdy rozdział książki opatrzone cytatem, który w pewien sposób stanowi jego syntezę, są to słowa czołowych polityków amerykańskich, rosyjskich oraz ludzi kultury. Główny tekst poprzedzony został podziękowaniami skierowanymi nie tylko do osób, które bezpośrednio zainspirowały twórcę do popęnienia tego dzieła i go w tym wspierały, ale także do członków najbliższej rodziny. W książce znalazła się także dedykacja dla Centrum Pulitzerza, co stanowi ukłon dla jego dokonań w dziedzinie dziennikarstwa, z którym autor jest ściśle związany.

M. Kalb bez wątpienia jest wytrawnym znawcą Rosji jak i Związku Radzieckiego. Jako profesor Harvardu specjalizował się właśnie w historii Rosji. Jest także autorem 13 książek o tej tematyce. W latach 50. Został tłumaczem w Ambasadzie Stanów Zjednoczonych w Moskwie. Następnie pełnił funkcję rzecznika prasowego Ambasady. Pobyt w Związku Radzieckim i podróże po jego republikach w czasie zimnej wojny pozwoliły mu na dogłębne zaznajomienie się z mechanizmami działania tego państwa. Miał także okazję do poznania bogatej mozaiki kulturowej i społecznej, obyczajów oraz problemów trawiących ZSRR od środka. W 1957 r. autor książki został moskiewskim korespondentem pracującym dla telewizji CBS News, głównej amerykańskiej stacji telewizyjnej, której w 1960 roku został szefem biura w Moskwie. Niedługo potem, bo już w 1963 roku Marvin Kalb przeniósł się do Waszyngtonu, gdzie został mianowany specjalnym korespondentem dyplomatycznym. Od tej pory zajmował się relacjonowaniem głównie szczytów Wschód-Zachód działając w ramach Departamentu Stanu. Po 17 latach pracy dla amerykańskiego giganta medialnego Kalb przeniósł się do innej stacji telewizyjnej – NBC News gdzie prowadził swój program. W 1987 roku powrócił do pracy akademickiej jako dyrektor Centrum Prasy, Polityki i Stosunków Publicznych w Kennedy School of Government na Harvardzie.

W „Imperialnej grze...” Kalb podejmuje się wyjaśnienia przyczyn konfliktu ukraińskiego poprzez analizę dziejów Rosji i Związku Radzieckiego. W I rozdziale „Krym. Od Katarzyny Wielkiej do Władimira Hazardzisty” autor przywołuje wy-

darzenia polityczne z 2014 roku oraz dokonuje podsumowania dorobku światowej dyplomacji po zakończeniu zimnej wojny, kiedy Ukraina uważana była za potencjalnego członka NATO oraz Unii Europejskiej. Kolejną istotną kwestię stanowi przemówienie Władimira Putina wygłoszone 18 marca 2014 roku na Kremlu, co zostało omówione w rozdziale III „Putinowska lekcja historii z 18 marca”. W owym przemówieniu prezydent Federacji Rosyjskiej podjął się usprawiedliwienia i wyjaśnienia powodów, dla których Rosja dokonała zajęcia Krymu. Następne rozdziały poświęcone zostały przedstawieniu historii obu krajów. Autor dokonuje streszczenia istotnych wydarzeń historycznych poczynawszy od Rusi Kijowskiej. Porusza temat podbojów ziem i plemion słowiańskich, sprawy wierzeń starosłowiańskich oraz przyjęcie chrztu i wiary chrześcijańskiej przez Włodzimierza Wielkiego. Następnie, sprawnie przechodząc w opowieści do kolejnych wieków średniowiecza M. Kalb omawia najazd Mongołów na Ruś, w wyniku czego doszczętnie zostały zniszczone jej główne miasta, co spowodowało rozkwit Moskwy, która dzięki odpowiednim zabiegom oparła się najazdowi. Wychodząc z ciemnych mroków średniowiecza w rozdziale VI „Najważniejsi carowie. Piotr i Katarzyna”, jednym z najobszerniejszych, przedstawiona zostaje polityka wewnętrzna i zagraniczna wspomnianych władców. Opisane zostały ich podboje ziem położonych na północ od granicy Carstwa, kolonizacja Syberii oraz, co w całej historii dziś mogłoby się wydawać najważniejsze, przyłączenie – znajdującego się w XVIII wieku w posiadaniu Turcji – Krymu przez Katarzynę II.

W rozdziale VIII „Podczas rewolucji rodzi się współczesna Ukraina” autor książki robi duży przeskok od czasów Katarzyny Wielkiej do rewolucji październikowej z 1917 roku, po której Ukraina zyskała na 3 lata wahlwią niepodległość, po czym została włączona w skład Związku Radzieckiego. Po zawierusze II Wojny Światowej, w czasie której mieszkańcy zachodniej części Ukrainy poczuli nadzieję na uniezależnienie się od radzieckiego nacisku, zaczęli sympatyzować z nazistami, czego twarzą był Stefan Bandera. Następnie Kalb przechodzi do losów Ukrainy w czasie zimnej wojny. W rozdziale XI „Od roku 1945 do 1991” omawia sprawę przekazania Krymu Ukraińskiej Socjalistycznej Republice Radzieckiej przez Nikitę Chruszczowa w 1954 roku. Następnie analizie poddana zostaje kwestia upadku Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich oraz próby ratowania wpływów radzieckich w nowej „bliskiej zagranicy”. Rozdział XIII „Pojawiła się Ukraina!”, który jest najobszerniejszym rozdziałem książki, poświęcony został kwestii tworzenia się suwerenności Ukrainy. Dotyka problemu rosyjskiego arsenału jądrowego pozostawionego na terytorium tego kraju. Skupia się także na ogromnych problemach gospodarczych wynikłych po przejściu od gospodarki centralnie sterowanej do gospodarki kapitalistycznej oraz budowania demokracji w cieniu korupcji i wpływów oligarchii. Kolejne rozdziały dotyczą wybuchu majdanu, co zostało spowodowane polityką prezydenta Janukowycza, reakcji Rosji oraz Zachodu na to wydarzenie. Dalej autor omawia sprawę aneksji Krymu oraz walk w południowo-wschodniej Ukrainie, a także wydarzenia będące ich skutkiem, jak

wyłonienie się nowych samowwanych republik Donieckiej i Ługańskiej, próby rozwiązania konfliktu, sankcje polityczne i ekonomiczne pod adresem Rosji oraz rokowania autora co do dalszego przebiegu kryzysu i ewentualnego rozwiązania.

W swojej książce Kalb podejmując się zadania wyjaśnienia przyczyn konfliktu na Ukrainie odwołuje się często do przemówienia Władimira Putina z 18 marca 2014 roku, które miało wytłumaczyć powody zajęcia Półwyspu Krymskiego przez Rosję. Wystąpienie to opierało się w dużej mierze na wspólnej historii – to drugie, a właściwie główne źródło, w którym autor książki doszukuje się przyczyn rosyjskiej ingerencji w ukraińską integralność terytorialną. Marvin Kalb jako historyk specjalizujący się w historii państwa rosyjskiego oraz przez długi czas przebywający w tym kraju jako tłumacz i korespondent niewątpliwie rozumie rosyjski sposób myślenia. Niejednokrotnie w swojej książce ubolewa, że Zachód nie był gotowy na 2014 rok, z prostego powodu, zachodni politycy zarówno europejscy jak i amerykańscy nie rozumieli posunięć Rosji i często dokonywali błędnej interpretacji, co było spowodowane niezajomością rosyjskiej historii. Nie sposób nie zgodzić się w tym miejscu z autorem, który za nadrzędny powód tej sytuacji podaje masowe likwidowanie na zachodnich uniwersytetach studiów rosyjskich, co było argumentowane brakiem potrzeby takowych po zakończeniu zimnej wojny.

M. Kalb podszedł do konfliktu ukraińskiego w sposób inny, niż dotychczas to robiono. Stara się go nie wkładać tylko w ekonomiczne ramy. Jako znawca tematu próbuje podejść do tego od strony psychologicznej, biorąc pod uwagę rosyjskie sentymenty. Przez długi czas Rosja i Ukraina były jednym organizmem politycznym i właściwie trudno jednoznacznie określić od kiedy można mówić o narodzie ukraińskim. Autor podkreśla, że wspólną kolebką tych dwóch państw była Ruś Kijowska, którą określa „pierwszą Rosją”. To właśnie tam miało swój początek centrum słowiańskiego prawosławia oraz tam rodziła się wspólna kultura i język rosyjski. Po krótkiej przygodzie z niepodległością w latach 1917-1921 Ukraina znowu stała się częścią rosyjskiego świata, „małym bratem” Rosji, do którego ma się duże zaufanie i który jest hojnie obdarowywany. Po przeczytaniu książki zdaniem, które najbardziej wchodzi w pamięć jest fragment wystąpienia Władimira Putina, w którym podkreśla on, że „Dla Rosji Ukraina nigdy nie była odrębnym państwem.” Pomimo tego, że Marvin Kalb krytykuje w swojej książce zachodnich specjalistów, za nierozumienie Rosji i jej mentalności, sam zdaje się nie rozumieć stanowiska analityka polityki z Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Moskwie Siergieja Karaganowa dotyczącego złej sytuacji stosunków rosyjsko-amerykańskich. Karaganow tłumaczy to jako nieliczenie się z negatywnym stanowiskiem Rosji w kwestii szerzenia się strefy wpływów Zachodu poprzez ekspansję NATO i Unii Europejskiej oraz zupełnym ignorowaniem interesów Rosji, a także traktowanie jej jako przegrane mocarstwo. Pogląd rosyjskiego analityka politycznego jest tutaj jak najbardziej odzwierciedleniem idei mocarstwowości Rosji, z którą należy się liczyć, co ma także swe źródło w jej historii.

Trzeba przyznać, że autor ma prawdziwy talent pisarski. Lektura książki jest bardzo przyjemna, czyta się ją bowiem jak ciekawą opowieść, która niesamowicie wciąga czytelnika. Jej język nie powinien stanowić problemu dla przeciętnego odbiorcy, jest przystępny i zrozumiały. Dużym atutem są nie zawsze powszechnie znane ciekawostki z przebiegu spotkań na szczycie, fragmenty notatek dyplomatycznych oraz osobiste doświadczenia autora z pobytu w Związku Radzieckim. Jedynym minusem jest bardzo duża ilość błędów językowych w polskim wydaniu książki – literówki oraz nieprawidłowa odmiana wyrazów zdarza się nadzwyczaj często. Może to stanowić pewien problem dla czytelnika, gdyż momentami trzeba się zastanowić o co w danym zdaniu chodzi. Powodem wspomnianych wad mogło być szybkie tłumaczenie oraz sama publikacja, z uwagi na to, że jest to pierwsze wydanie tego autora w języku polskim, lecz dobrym wyjściem byłoby przeprowadzenie jeszcze jednej korekty.

Z całą stanowczością mogę zarekomendować książkę Marvin Kalba pt. „Imperialna gra Putin, Ukraina i nowa zimna wojna”, która pokazuje konflikt ukraiński z innego punktu widzenia. Pozwala zrozumieć zależności występujące między Rosją i Ukrainą oraz wyjaśnia pretensje rosyjskie do terytoriów swojego „małego brata”. Czytając ją można przejść szybki kurs historii Ukrainy oraz poznać wiele sensacji z zakulisowych rozmów naczelnych polityków. Książka ta będzie przydatna dla osób chcących poznać ewolucję kryzysu, jest świetnym źródłem informacji odnośnie samych wydarzeń z jego przebiegu, które często były pomijane przez media. Dokonuje ich kompletnej periodyzacji.

*K. Toktomushev, Kyrgyzstan: regime security and foreign Policy,
Wydawnictwo Routledge, Nowy Jork 2017, ss. 170.
(Kamil Pietrasik)*

Prace naukowe dotyczące Azji Centralnej zawsze będą budzić zainteresowanie czytelnika, który interesuje się polityką czy historią nowożytną, albowiem wspomniany region jest istotną częścią świata. Niniejsza praca również może być odebrana, jako ciekawa i wnosząca wiele nowego w kwestii polityki bezpieczeństwa i polityki zagranicznej Kirgistanu. Autor pracy w sposób ciekawy i prosty dokonał wprowadzenia do podjętego tematu, poprzez wskazanie na fakt, iż powstały w wyniku rozpadu ZSRS, Kirgistan wyłonił się jako słabe państwo podatne na wewnętrzne i zewnętrzne niepewności. Pomimo proklamacji i czasach budowy dobrze prosperującej republiki demokratycznej i wielosektorowej, Kirgistan z czasem stał się jednym z najbiedniejszych krajów w regionie, zaś wielopłaszczyznowa kirgiska polityka zagraniczna przypominała międzynarodowego żebraka, szukającego wsparcia u różnych, często sprzecznych aktorów (s.1). W związku z tym, autor dokonując a raczej przedstawiając kompleksową analizę polityki zagranicznej Kirgistanu od początku lat 90. do 2011 r., stara się odpowiedzieć na następujące pytanie: W jaki sposób i w jakim stopniu bezpieczeństwo reżimu kirgiskiego wpływa na politykę zagraniczną tego państwa? Omawiana praca ma właśnie przyczynić się do zrozumienia polityki Kirgistanu, jednego z krajów Azji Środkowej oraz wskazać na źródła polityki zagranicznej słabych państw w przestrzeni postsowieckiej. Na uwagę zasługują zawarte we wstępie przyjęte przez autora recenzowanej pracy metody badawcze, które miały przynieść odpowiedź na wyżej przytoczone pytanie. Wykorzystano techniki wysokiej jakości dziennikarstwa śledczego z akademickim podejściem do testowania hipotez i budowania teorii.

Autor pracy przyjął 3 zasady w celu zapewnienia rzetelności i wiarygodności swoich uogólnień zawartych w pracy. Pierwsza – analiza przypadku; druga – śledzenie procesu; trzecia – triangulacja. Ponieważ celem tej pracy jest ocena, w jaki sposób i w jakim stopniu bezpieczeństwo reżimu wpływa na politykę zagraniczną Kirgistanu, projekt przyczynowy z wieloma tematami jest optymalnym rozwiązaniem badawczym do określania związków przyczynowych między zmiennymi (s.3). K. Toktomuszew zauważył, iż jednym z największych wyzwań związanych z prowadzeniem badań naukowych w Azji Środkowej jest ograniczony dostęp do wiarygodnych i obiektywnych danych wykorzystywanych do analizy akademickiej. Dalej autor twierdzi, że upadek Związku Sowieckiego oraz późniejszy upadek instytucji edukacyjnych (lub ich brak) i brak krajowych funduszy na sponsorowanie niezależnych badań, negatywnie wpłynęły na jakość i liczbę prac naukowych wydanych na Zachodzie czy w Azji Środkowej. W podobnym duchu, kurczący się

interes Zachodu w Azji Środkowej (w porównaniu z początkiem lat 90.), a tym samym obcięcie funduszy na badania w Azji Środkowej, spowodował również spadek wysokiej jakości prac naukowych w tym regionie. Brak literatury naukowej dotyczącej Azji Środkowej dodatkowo pogarsza brak obiektywnych i wiarygodnych informacji nie-akademickich (s.4).

Praca składa się z 5 rozdziałów. Rozdział pierwszy *One Foreign Policy, Many Theories*, rozpoczyna się od autorskiego stwierdzenia, iż koniec zimnej wojny oraz wydarzenia z 11 września czy globalizacja światowej polityki stanowiły ogromne wyzwanie dla głównych teorii stosunków międzynarodowych, które ożywiły potrzebę ponownego przemyślenia w tej dziedzinie. W ocenie Toktomuszewa, jednym z implikacji tego „poszukiwania duszy w dyscyplinie akademickiej” było odnowienie zainteresowania polityką zagraniczną i jej wkład w zrozumienie ogólnej polityki światowej oraz zachowanie się w szczególności międzynarodowych aktorów (s. 10). Poruszany podrozdział to ukazanie stanu dotychczasowych badań nad podjętą przez autora niniejszej pracy problematyką badawczą oraz krytyka literatury przedmiotu, która ma być potwierdzeniem użytych stwierdzeń w tej kwestii we wstępie, gdzie wspomniane zostały wykorzystane techniki badawcze.

Drugi rozdział *Foreign Policy and Regime Security of Weak States* rozpoczyna się od stwierdzenia, iż pojęcie słabszych państw stanowi poważne wyzwanie dla westfalskiego rozumienia stosunków międzynarodowych odpowiednio przez środowisko międzynarodowe i akademickie. Słabsze państwa nie mają skutecznych instytucji, krajowego konsensusu co do idei państwa i monopolu na instrumenty przemocy, przez co stają się podatne na zagrożenia wewnętrzne, zewnętrzne czy transnarodowe. Nie trudno się nie zgodzić ze stwierdzeniem mówiącym, iż: „charakter zagrożeń staje się narzędziem analizy dynamiki między- i wewnątrzpaństwowej w słabszych państwach. Jednak istniejące podejścia do badania polityki zagranicznej słabszych państw są raczej ograniczone i koncentrują się na tematach idiosynkratycznych, wielkich mocy i redukcjonistycznych” (s. 29). Ogólnie rzecz ujmując to ów rozdział miał być odniesieniem do słuszności postawionej tezy dot. pojawienia się szerszej literatury na temat bezpieczeństwa reżimów i polityki zagranicznej krajów biedniejszych i słabszych. W rozdziale tym, autor wprowadza i wyjaśnia pojęcie: „bezpieczeństwa reżimu” i sugeruje zbadanie polityki zagranicznej biedniejszych krajów, czy też słabszych państw nie tylko w Azji Centralnej ale i na świecie.

Trzeci rozdział, *The Development of Kyrgyz Foreign Policy*, otwiera stwierdzenie, iż Kirgistan jest stosunkowo nowym państwem, które cieszy się wolnością i ogromem niezależności od ponad 23 lat, jednak w tym krótkim okresie Kirgizja miała trzech zgoła odmiennych w poglądach politycznych prezydentów, a także „przeżyła” dwie krwawe rewolucje, przetrwała dwa konflikty między-etniczne oraz była miejscem funkcjonowania dwóch baz lotniczych obcych państw (Rosji i Stanów Zjednoczonych) i tym samym reżim kirgiski realizował błędną politykę zagraniczną w kontekście bezpieczeństwa tego kraju. Autor wskazuje nam na fakt,

iż pomimo tego typu wydarzeń w przeszłości, Kirgistan nie wpadł w otchłań wojny domowej, jak Tadżykistan, ani nie stał się państwem „pół-absolutnym”, takim jak Uzbekistan czy sąsiedni Turkmenistan. Odpowiedź na tę empiryczną „łamię” może leżeć w rozłamie między krajowymi i międzynarodowymi wymiarami bezpieczeństwa państwa i reżimu w Azji Środkowej, ponieważ państwa takie jak Kirgistan wyróżniają się złożoną naturą wewnętrznych niepewności i zewnętrznych słabości (s. 63). Dalej autor sugeruje zajęcie się badaniem nieobliczalnej polityki zagranicznej Kirgistanu z punktu widzenia ograniczeń systemowych oraz interesów związanych z „dzierzawą” terenów obcym wojskom na jego obszarze.

Przedostatni rozdział, *Military Security and Foreign Policy* rozpoczyna się od przekonania, iż Azja Środkowa jest jedną z tych części świata, która prezentuje wiele empirycznych zagadek do odkrycia. Jedna z takich zagadek związana jest z charakterem instytucji bezpieczeństwa w regionie. Autor zastanawia się w omawianym rozdziale m.in. nad takimi pytaniami: „Dlaczego służby bezpieczeństwa w Uzbekistanie i Turkmenistanie zdecydowanie chronią reżimy rządzące przed wszelkimi wyzwaniami politycznymi i niepokojami społecznymi?”; „Dlaczego wręcz przeciwnie, siły bezpieczeństwa Kirgistanu i Tadżykistanu nie chcą się związać z konkretnym reżimem?”; „Dlaczego włączenie struktur bezpieczeństwa do programów poszukiwania chętnych do „wydzierzawienia” przez obce wojska w Kirgistanie nie stworzyło silnego aparatu bezpieczeństwa państwowego, jak w Uzbekistanie?” (s. 100).

Odnalezienie odpowiedzi na wyżej postawione pytania mają w ocenie Toktomuszewa nie tylko przyczynić się do zrozumienia polityki zagranicznej biedniejszych, słabszych państw, ale także stworzyć drogę do dalszych badań nad niestabilnością polityczną państw słabszych i upadłych. W tym rozdziale wspomniano także o stanie uzbrojenia państwa kirgiskiego, które może zainteresować nie tylko czytelnika, który pasjonuje się wojskowością, ale również ekspertów, badaczy akademickich czy wojskowych pełniących czynną służbę wojskową. Otóż na wyróżnienie zasługuje stwierdzenie, iż: „Pomimo nadmiaru kirgiskiego folkloru o potężnych bohaterach i walecznych wojownikach, nowoczesny Kirgistan jest najmniej zmilitaryzowanym państwem w Azji Środkowej. Od czasu rozpadu Związku Sowieckiego, armia Republiki Kirgiskiej znajduje się w stanie ciągłego chaosu i zagubienia. Wydając mniej niż 1% swojego PKB na obronę, przywództwo Kirgistanu zawsze postrzegało armię Kirgistanu jako niezbędny atrybut państwowości, ale nigdy poza tą konceptualizacją. Współczesna armia i siły powietrzne Kirgistanu składają się odpowiednio z 8500 i 2400 żołnierzy, podczas gdy Kirgizja paramilitarna liczy 9500 jednostek. W skład armii kirgiskiej wchodzi 1 brygada sił specjalnych, 2 brygady karabinów motorowych, 1 jednostka Piechoty Górskiej, 1 brygada artylerii i 1 brygada obrony powietrznej. Siły powietrzne składają się z 1 pułku z *L-39 Albatros*, 1 pułku lotnictwa z *MiG-21 Fishbed*, *An-2 Colt* i *An-26 Curl*, 1 pułku z *Mi-24 Hind*, *Mi-8 Hip* oraz z kilku pułków z *S-125 Peczora* i *S-75*

Dvina. W skład paramilitarnego oddziału wchodzi 5000 strażników granicznych, 3500 żołnierzy wewnętrznych i 1000 strażników narodowych” (s. 100-101). Owe zobrazowanie stanu kirgiskiej armii może być próbą odpowiedzi na to, czy państwo to może i jest w stanie skutecznie się bronić przed wrogiem/najeźdźcą.

Autor pracy przytacza pewien ironiczny fakt dot. sił obronnych tego kraju. A mianowicie wskazuje na czas urzędowania tymczasowej kirgiskiej prezydent, Otunbajewej, która zajęła budynek Ministerstwa Obrony jako swoje tymczasowe miejsce urzędowania podczas kwietniowych wydarzeń w 2010 r., A z kolei w czasie jej oficjalnych rządów nie dokonano żadnych istotnych strategicznych zmian w Ministerstwie Obrony, poza delegowaniem niektórych osób ze Służby Bezpieczeństwa do Ministerstwa Obrony. Natomiast pozbawienie władzy prezydenckiej Bakijewa doprowadziło do kilku pokazowych spraw sądowych przeciwko jego otoczeniu, w tym kilku wysokiej rangi urzędnikom Ministerstwa Obrony. Jednak nowe ministerstwo obrony i Isakow, ówczesny minister obrony w okresie porewolucyjnym, stali się przedmiotem różnych śledztw (s.104). Autor mógł tym wydarzeniem zasugerować czytelnikom, iż osoby, dzięki którym miały nadejść zmiany, lepsze czasy dla Kirgistanu nie zrobiły nic, a także nie dokonały znaczących popraw stanu kirgiskiej armii, które mogły przełożyć się na fakt, że Kirgistan jest określany przez Toktomuszewa i nie tylko przez niego, jako kraj słaby militarnie. Ostatni rozdział *Manas Air Base*, to próba analizy i wyszczególnienie wad oraz zalet stacjonowania w bazie lotniczej amerykańskich wojsk na terenie Kirgistanu. Otóż w ocenie autora, doświadczenie amerykańskiej bazy lotniczej *Manas* w Kirgistanie wyłoniło się jako doskonała szansa na przeprowadzenie empirycznych badań źródeł kirgiskiej polityki zagranicznej.

Wcześniejszy rozdział był próbą analizy zawartej współpracy wojskowej między Rosją a Kirgistanem, Chinami i Stanami Zjednoczonymi, w celu ukazania kirgiskiej postawy, jaką było przywiązanie się do silniejszych partnerów, ażeby uchronić się przed niebezpieczeństwami. Omawiany rozdział jest częścią pracy, w której autor próbuje zbadać zasadność narracji dotyczących siły w odniesieniu do kirgiskiej zmiennej w kontekście poszukiwania chętnych obcych wojsk do „wynajęcia” terenów w tym kraju. Dzięki przeprowadzonym badaniom empirycznym przez autora, ów rozdział jest wątkiem gdzie dochodzi do stwierdzenia, iż przewaga bezpieczeństwa reżimu w kirgiskiej polityce zagranicznej była związana nie tylko z systemowymi słabościami tego kraju, ale była również głęboko zakorzeniona w dążeniu do uzyskania zysku przez reżim rządzący. Autor wskazuje, że rozwój wydarzeń jaki miał miejsce wokół *Manas* od czasu jego ustanowienia w 2001 r. skutkuje tym, iż polityka w Azji Środkowej wykracza poza tradycyjne stosunki międzynarodowe między państwami, w celu połączenia lokalnej i globalnej polityki za pomocą koncepcji *offshore* czy rzekomo legalnych mechanizmów finansowych. Baza lotnicza *Manas* stała się źródłem zysków dla elit rządzących i przedmiotem sporu między rządem a opozycją

w dwóch rewolucjach, w wyniku których doszło do obalenia władzy prezydentów: Askara Akajewa i Kurmanbeka Bakijewa (s. 127).

W dalszej części rozdziału, autor dokonuje charakterystyki owej bazy amerykańskiej skupiając się m.in. na jej położeniu, liczbie, a także wymienia wartość ekwipunku militarnego stacjonującego w Kirgistanie amerykańskiego kontyngentu. Zostały również zawarte negatywne stanowiska dot. tejże amerykańskiej bazy lotniczej. Wyszczególniono to, iż co najmniej jedna lokalna baza lotnicza „cieszy się” złą reputacją. W przeciwieństwie do tytułowego bohatera kirgiskiego eposu *Manas*, który zjednoczył lud Kirgizów, amerykańska baza lotnicza znajdująca się na międzynarodowym lotnisku w *Manas* stała się przyczyną załamania całej kirgiskiej polityki od czasu jej powstania pod koniec 2001 roku. Dlaczego? Ponieważ w dniu 6 grudnia 2006 roku, amerykański żołnierz, Zachary Hatfield postrzelił śmiertelnie obywatela Kirgistanu, Aleksandra Iwanowa w punkcie kontrolnym w bazie lotniczej *Manas* (s. 128).

Zaś w konkluzji, która jest podsumowaniem omawianej pracy natrafiamy na odpowiedź na postawioną przez Toktomuszewa we wstępie pytanie badawcze, które brzmiało: W jaki sposób i w jakim stopniu bezpieczeństwo reżimu wpływa na politykę zagraniczną Kirgistanu? Autor zaproponował tezę, która mówi, iż: „bezpieczeństwo reżimu było nieodzowne w kształtowaniu polityki zagranicznej Kirgistanu. Taka sytuacja została wstępnie określona przez systemowe słabości republiki oraz osobiste interesy rządzących reżimów. W szczególności kirgiskie rządzące elity zdołały odegrać poważną rolę w interesach związanych z dzierżawieniem i realizowały koncepcje wirtualnej polityki w celu dostosowania się do ambicji regionalnych hegemonów i utrzymania swoistego monopolu na przemoc w Kirgistanie” (s. 158). Dalej autor pracy kontynuuje stwierdzając, że słabsze państwa, takie jak Kirgistan, stanowią ogromne wyzwanie dla westfalskiego poglądu nt. bezpieczeństwa i porządku międzynarodowego. Bezpieczeństwo w takim kontekście implikuje szeroki zakres warunków niezbędnych do istnienia słabszego państwa, które zostały już wdrożone w krajach rozwiniętych. Słabsze państwa nie mają silnej wojskowej bazy, skutecznych instytucji publicznych, monopolu na instrumenty zaniechujące stosowania przemocy i braku konsensusu co do idei i funkcjonowania państwa, a zatem różnią się charakterem niepewności (s. 158).

Kończąc należy dodać, iż recenzowana praca nie zawiera żadnych tabel ani kolorowych ilustracji, map czy czarno-białych. Na uwagę zasługuję, iż najczęściej wspomnianymi w pracy byli m.in.: Roza Otunbajewa była prezydent Kirgistanu, czy Kurmanbek Bakijew były prezydent tego kraju i pierwszy prezydent kirgiski po upadku Związku Sowieckiego Askar Akajew. Należy również wskazać, iż mimo braku tabel, rycin, które pomogłyby bardziej zrozumieć np. historię polityki zagranicznej czy bezpieczeństwa państwa kirgiskiego, recenzowana praca Kemela Toktomuszewa w pełni zasługuje na uwagę, czy też na polskie wydanie. Innowacyjność tejże pracy polega również na tym, iż zawarto wiele autorskich przemyśleń, słusznych stwierdzeń co widoczne jest już we wstępie pracy. Począwszy od 1 do 168 strony.

*Михаил Саакашвили, Пробуждение силы. Уроки Грузии – для
будущего Украины, Харьков 2016, Видавництво Фолио, сс. 358
(Marcin Olejnik)*

Pojawienie się na rynku książki, której autorem jest czynny polityk, a tym bardziej były prezydent państwa, budzi zrozumiałe zainteresowanie czytelników. Książka Micheila Saakaszwilego przywódcy Rewolucji Róż, w latach 2004 – 2013 prezydenta Gruzji, wcześniej ministra sprawiedliwości, założyciela partii Zjednoczony Ruch Narodowy, obecnie ściganego międzynarodowym listem gończym byłego obywatela Ukrainy i lidera Ruchu Nowych Sił, ukazała się nakładem ukraińskiego wydawnictwa Folio w Charkowie, pod tytułem „Przebudzenie siły. Lekcje Gruzji – dla przyszłości Ukrainy”. Publikacja swoją premierę miała na targach książki we Lwowie, we wrześniu 2016 roku. Książka wydana została w języku rosyjskim, gruzińskim i angielskim.

M. Saakaszwili to postać tyle barwna, co wielce kontrowersyjna. Nie był do tej pory znany z zamiłowania do pióra, tym bardziej więc z uwagą należy przyjrzeć się memuarom byłego pierwszego obywatela Gruzji. Publikacja ma charakter wspomnieniowy, zawiera 11 rozdziałów oraz wstęp autora, z formy zapisu wynika, że najprawdopodobniej została przygotowana na podstawie nagranych wcześniej rozmów Saakaszwilego z redaktorami: A. Krasowickim i W. Fiedorinem. Nowoczesnym zabiegiem edytorskim, jest umieszczenie w tekście, oprócz klasycznych fotografii, kodów QR, które można odczytać przy pomocy mobilnych urządzeń telefonicznych. Na stronie 227 znajduje się na przykład kod do filmu „Pięć dni wojny” w reżyserii R. Harlina, filmu stanowiącego hollywoodzką opowieść o wojnie rosyjsko – gruzińskiej z sierpnia 2008 roku.

Krótką, odredakcyjną notą umieszczoną na początku książki określa autora, jako „człowieka unikalnego, który dwa razy wszedł do jednej wody”. Najpierw był przywódcą „wcześniej niespotykanych zmian” w Gruzji, a następnie jako gubernator obwodu odeskiego i polityk o „ponad regionalnym znaczeniu” dzielił się swoim politycznym doświadczeniem „radykalnych przemian” na „przywykłej do powolnych działaczy politycznych” Ukrainie. Trudno odmówić racji tak postawionej rekomendacji. Jednak pytanie, które należy zadać oceniając działalność Saakaszwilego brzmi: jakim kosztem decyzje tego polityka zmieniły Gruzję i Ukrainę? Czy odpowiedź na to pytanie znajdziemy w omawianej publikacji?

We wstępie do książki autor wspomina: „Pierwszego października 2012 roku, w dzień wyborów parlamentarnych, zdecydowałem się pożegnać Gruzję, którą stworzyłem”. Dziwne to stwierdzenie, biorąc pod uwagę fakt, iż kadencja prezydenta nie kończyła się przecież wraz z wynikami tych wyborów, lecz miała trwać jeszcze rok (i de facto trwała prawie rok), aż do wyborów prezydenckich na jesieni roku 2013. Takich dylematów poznawczych uważny czytelnik znajdzie dużo wię-

cej. Niektóre rozdziały rozpoczynają tezy, które – z uwagi na pochodzenie etniczne, wykształcenie czy wreszcie pełnioną wcześniej funkcję przez ich autora – są dyskusyjne – na przykład: „Zawsze identyfikowałem się z Ukrainą” (rozdział pierwszy pod tytułem „Ukraina w moim życiu”), „Mam dużą i bardzo interesującą rodzinę” (rozdział pod tytułem „Moja rodzina. Pierwsze kroki w polityce”) czy wreszcie rozdział siódmy „Miasta i ludzie”, który rozpoczyna zdanie „Najbardziej na świecie lubię budować”. Nie można jednak odmówić racji autorowi, gdy stwierdza na przykład: „Uważam, że jednym z głównych naszych sukcesów było to, że przesunęliśmy Gruzję z pozycji kraju nieznaczącego, peryferyjnego w czynnik [*faktor*] polityki światowej” (rozdział „Mały kraj w wielkim świecie”). Ponadto, z uwagi na rangę omawianych tematów, należy zwrócić uwagę czytelnika na zawartość rozdziału dotyczącego Rewolucji Róż czy też zatytułowanego „Czas reform”.

Książkę w znacznym stopniu tworzą te fragmenty wspomnień, w których Saakaszwili ujawnia (często bez silenia się na zachowanie dyplomatycznej dyskrecji) własną wersję istotnych wydarzeń dotyczących najnowszej historii Gruzji. W cytowanym już rozdziale („Mały kraj w wielkim świecie”, s.228), Micheil Saakaszwili wspomina między innymi swoje pierwsze spotkanie z Władimirem Putinem na Kremlu, relacje z prezydentem sąsiedniego Azerbejdżanu Ilhamem Alijewem, przywódcą Turcji Recepem Erdoganem czy wreszcie przytacza treść rozmów z prezydentem USA Georgiem W. Bushem i kanclerz RFN Angelą Merkel podczas szczytu NATO w Bukareszcie w 2008 roku (podczas którego, zdecydowano o rozszerzeniu tej organizacji o nowe kraje członkowskie).

Intrygujące są fragmenty opisujące wrażenia byłego prezydenta Gruzji, odnoszące się do słów i reakcji przywódców światowych podczas wspomnianego szczytu. Jeśli Saakaszwili prawdziwie relacjonuje (i znajdzie to w przyszłości potwierdzenie w innych zapisach dotyczących wspomnianego przebiegu zdarzeń) to ujawnianie wielu szczegółów dyplomatycznych gier stanowić będzie niewątpliwą wartość omawianej publikacji. Przytoczmy jeden z nich, dość humorystyczny w swojej wymowie. Po zakończeniu Szczytu, prezydent Stanów Zjednoczonych Ameryki Północnej miał udać się z Rumunii do Soczi, na terenie Federacji Rosyjskiej. I tam, w obecności rosyjskich przywódców, miał „zastosować” się do „rady” i „prośby” gruzińskiego polityka i zacytujemy: „Jak będzie Pan w Soczi [...] w trakcie konferencji prasowej, która z pewnością będzie miała miejsce, jeśli będzie Pan zwrócony twarzą w kierunku morza, proszę ręką wskazać na lewo i powiedzieć: [tam] za kilka kilometrów zaczyna się Gruzja, a Ameryka popiera jej integrację terytorialną” (s. 247). Ten słuszny postulat, tak wspomniany, może okazać się anegdotycznym. Pokazuje bowiem, jak w istocie ów młody, dziarski, pozbawiony jakichkolwiek zahamowań Gruzin, wyobrażał sobie kreowanie politycznych gestów przy pomocy prezydenta jednego z najważniejszych mocarstw na świecie.

W innym miejscu autor ciekawie analizuje wewnętrzne mechanizmy polityki gruzińskiej w kontekście relacji z członkami Wspólnoty Niepodległych Państw czy

– osobno – z Federacją Rosyjską. Wspomina bezpośrednio i pośrednio (poprzez poradzieckich oligarchów, na przykład Badriego Patarkaciszwilego) relacje z Putinem, ujawniając na przykład swoją wersję kulisów przygotowań do przyspieszonych wyborów prezydenckich w roku 2008.

Jednym z najciekawszych fragmentów wspomnień byłego prezydenta Gruzji jest rozdział zatytułowany „Wojna” (s. 184). Autor odnosi się w nim do wszystkich działań wojennych jakie miały miejsce na terytorium Gruzji od początku lat dwięćdziesiątych XX wieku, a więc od rozpadu ZSRR. Opisuje wojny: w Abchazji, Osetii Południowej czy wreszcie wojnę w sierpniu 2008 roku, dodatkowo wplątując we wspomnienia całkiem współczesne wydarzenia w Donbasie, co może być odebrane przez uważnych czytelników jako zbyt kontrowersyjne. Z punktu widzenia przyszłych badań historycznych, wspomnienia będą jednak pomocne, ujawniają bowiem punkt widzenia byłego prezydenta Gruzji. Szczegółowy opis ciągu zdarzeń tuż przed wybuchem walk w regionie cchinwalskim, a więc do 7 sierpnia 2008 roku, jest ciekawy, ponieważ stanowi faktograficzny zapis pamięci ich niewątpliwego współtwórcy. Z pewnością dla polskiego Czytelnika interesujący wyda się opis wydarzeń związanych ze sławną podróżą do Tbilisi w czasie działań wojennych pięciu przywódców środkowo i wschodnioeuropejskich państw. Wicem prezydenta Gruzji, który miał miejsce 12 sierpnia 2008 roku, z udziałem między innymi polskiego prezydenta Lecha Kaczyńskiego, przeszedł do historii, jako wydarzenie, które prawdopodobnie szczęśliwie dla Gruzynów zmieniło bieg zdarzeń i miało wpływ na decyzje podejmowane na Kremlu. Osobnym dylematem pozostaje wspomnienie Saakaszwilego, kto był faktycznym inicjatorem owego zdarzenia.

Ostatni rozdział książki zatytułowany jest „Przebudzenie siły” (s. 300). Autor odnosi się w nim do aktualnej sytuacji politycznej na Ukrainie i swojej, zakończonej już przecież misji gubernatora. Rozdział wypełniają analizy składu osobowego współpracowników i predyspozycji poszczególnych – głównie członkiń (Solomia Bobrowska, Julia Maruszewska, Maria Gajdar) administracji obwodu odeskiego. Parokrotnie formułuje, nie przebierając w słowach, bezpośrednio i mocne oskarżenia o korupcję, mafijne powiązania, zaniechanie realnych reform przez klany ukraińskich oligarchów. Wspomnienia Saakaszwilego kończy refleksja autora dotycząca przyszłości Ukrainy. Postuluje on (całkiem słusznie) przeprowadzenie głębokich reform kraju, w tym dotyczących ekonomii, systemu podatkowego, oświaty, bezpieczeństwa narodowego czy systemu opieki zdrowotnej. W jego wspomnieniach pobrzmiewają znane już z Gruzji poglądy, wyartykułowane niegdyś przez jednego z czołowych współpracowników Saakaszwilego i uważanego za autora reform gruzińskiej ekonomii, libertariańskiego w swoich doktrynerskich poglądach, Kachy Bendukidzego. Ten nieżyjący już dziś polityk, a był poradziecki oligarcha, zrobił swego czasu w Gruzji nie mało zamieszania, gdy po tak zwanej „Rewolucji Róż” i objęciu funkcji prezydenta przez autora omawianych wspomnień, stał się w istocie bezwzględny likwidatorem poradzieckiego, posocjalistycznego modelu państwa. Dalej Saakaszwili pisze między innymi, że Ukra-

ina powinna stać się w przyszłości wiodącym państwem europejskim, „...na równi z Francją, Niemcami i Polską”. Dodaje też, że powinna stać się regionalnym liderem. Polskiemu czytelnikowi nasuwa się pytanie: jak byłyby prezydent wyobrażałby sobie rozwiązanie następującego problemu – w sytuacji gdyby Ukraina uzyskała zaproszenie do członkostwa w Unii Europejskiej, a nawet w Organizacji Paktu Północnoatlantyckiego – pogodzenia sprzecznych i wykluczających się w istocie aspiracji tego kraju i Polski do przewodzenia państwom w regionie Europy Środkowej i Wschodniej? W obecnej sytuacji międzynarodowej raczej nie będzie to miało miejsca, choć były już obywatel Ukrainy mógł oczywiście opisać swoje marzenia.

Omawiana publikacja, oprócz przywołania historycznych już wydarzeń widzianych z perspektywy bezpośredniego ich uczestnika, a nawet kreatora, co stanowi wartość samą w sobie, może być postrzegana jako próba narzucenia swojego punktu widzenia, z czego autor jest znany. Posługując się rosyjską nowomową przytoczmy funkcjonujące powszechnie tak w Gruzji jak i w Rosji określenie *piarszczyk*. Odnosi się ono do człowieka, zazwyczaj *polittechnologa*, który z nadmierną ufnością, a nawet wyrachowaniem stosuje techniki *PR*, często zniekształcające rzeczywistość, co czyni działania polityka niewiarygodnymi, a jego wspomnienia zniekształconymi. Mam wrażenie, że niestety z takim przypadkiem mamy tu do czynienia. Ponadto autor bardzo często zmienia formę narracji: raz wspomina i pisze w pierwszej osobie „ja zrobiłem, ja przyjechałem, ja zbudowałem” aby w innym miejscu pisać „my postanowiliśmy, my zastaliśmy, my zdecydowaliśmy”. Należy zwrócić uwagę czytelnika na ten zabieg. Saakaszwili to typ przywódcy totalnego by nie powiedzieć autorytarnego. Jego decyzje do dziś stanowią problem dla gruzińskiego wymiaru sprawiedliwości. Czy autor tym samym próbuje „zmylić przeciwnika” i rozłożyć odpowiedzialność polityczną i karną na zespół najbliższych współpracowników? Przecież jeden z nich, na przykład były minister spraw wewnętrznych i były premier Wano Merabiszwili, odbywa już karę pozbawienia wolności właśnie za nadużycia władzy.

Zresztą cała działalność i postać M. Saakaszwilego wymaga spokojnej, merytorycznej analizy. Powiedzmy to wprost – postać ta wymyka się europejskim standardom kultury politycznej, nawet w Polsce. Czy moglibyśmy sobie wyobrazić, aby były polski prezydent został wojewodą (odpowiednik gubernatora) na przykład właśnie na Ukrainie? W postępowaniu Saakaszwilego nie widać nie tylko oznak wątpliwości co do słuszności swojej decyzji. Świetnie się czuje w ukraińskich, regionalnych kostiumach ludowych, zachwalając miejscową kuchnię, nagłaśniając w mediach budowę nowych dróg czy osobiście drocząc się z przekupnymi odeskimi celnikami. Działalność tej politycznej figury jest o tyle barwna, co niepokojąca. Niepokój wzbudzają choćby swawolne nawoływania do podejmowania walk ze współczesną Federacją Rosyjską, przez grupy międzynarodowych (w tym gruzińskich) *dobrowolców* (ochotników), co jako żywo przypominać nam powinno czasy XVII – wiecznych rebelii, buntów i wojen, toczonych na niedysiejszych Dzikich Polach dawnej Rzeczypospolitej. Nie bez znaczenia jest też wspomnienie

tragicznych w skutkach wydarzeń, które doprowadziły do wojny pomiędzy Gruzją a Rosją w sierpniu 2008 roku.

Jak już wspomnieliśmy, działalność byłego prezydenta Gruzji wymaga spokojnej i pogłębionej analizy historycznej i politologicznej. Tym bardziej w Polsce, gdzie ten gruziński, a w istocie poradziecki polityk, właśnie dzięki sprytnym propagandowym zabiegom, ma rzesze nie zawsze zorientowanych w jego faktycznej działalności zwolenników, by nie powiedzieć apologetów. Są wśród nich politycy, analitycy, dziennikarze czy badacze ośrodków uniwersyteckich, dla których problem więźniów politycznych, stosowania przez policję zakazanych prawem metod prowadzenia śledztw – w tym obscenicznych tortur, morderstw motywowanych politycznie i innych całkowicie dyskredytujących faktów z okresu prezydentury autora omawianej publikacji, nie stanowi problemu. Autor szczegółowo nie opowiada o tych drastycznych wydarzeniach. Wspomina, choć temat traktuje pobieżnie. Problem zdaje się dla niego nie istnieć. Najważniejsze zdaje się dla większości Polaków, że „Misza” okazuje się „prozachodni”, deklarujący „wolnorynkowy, prounijny i pronatowski” kurs rządzonego przez siebie niegdyś państwa. Z treści i formy autobiografii wyłania się postać tyleż tragiczna, co histerycznie niedowartościowana, człowiek o mentalności małego – w skali swojego utraconego przecież państwa – autokraty.

Dużym mankamentem książki jest brak indeksu nazwisk i nazw wymienionych w tekście. Utrudnia to wyszukiwanie odpowiednich fragmentów związanych ze wspomnieniami Saakaszwilego dotyczących konkretnych postaci i miejsc, w których – z dzisiejszej perspektywy – działy się historyczne, istotne wydarzenia. Brakuje też przypisów, odwołań do dokumentów. Jakość edytorska jest stosunkowo niska – zwłaszcza dotyczy to fotografii zamieszczonych w książce.

Publikacja przygotowana na kilka miesięcy przed październikowymi wyborami parlamentarnymi w Gruzji w roku 2016, miała z pewnością przysporzyć Zjednoczonemu Ruchowi Narodowemu, któremu wówczas były prezydent tego kraju formalnie (z zagranicy) przewodniczył, sympatii i dodatkowych zwolenników. Tak się jednak nie stało. Wynik wyborów okazał się głębokim rozczarowaniem dla zwolenników tej partii. Zdobywając jedynie 26 procentowe poparcie, znalazła się ona ponownie w głębokiej defensywie, a jej przywódca, ostatecznie utracił realny wpływ na bieg wydarzeń w swej dawnej ojczyźnie. Być może jednym z powodów była fatalna dystrybucja książki – była ona niedostępna w większości tbiliskich, a więc i gruzińskich księgarni. Można było ją nabyć na Ukrainie – na przykład w Odessie, spod lady.

Podsumowując, publikacja stanowi jednak ciekawą i cenną pozycję, pozwala bliżej zapoznać się ze skomplikowanymi meandrami myśli politycznej trzeciego prezydenta niepodległej Gruzji, a osobom na co dzień nie śledzącym działalności tego polityka, umożliwi głębszą refleksję nad jego osobowością i mogącymi z tego wyniknąć konsekwencjami. Trzeba jednak obiektywnie stwierdzić, że pomysł zawarcia na 350 stronach publikacji książkowej dziesięciu lat bogatej w wydarzenia prezydentury, pozostawia uczucie dużego niedosytu.

KRONIKA

Spotkanie w Konsulacie RP w Petersburgu (Bartłomiej Garczyk)

W sierpniu 2017 roku minęła 80 rocznica rozpoczęcia tzw. „polskiej operacji NKWD” (formalnie rozpoczętej w dniu 11 sierpnia 1937 roku na mocy rozkazu operacyjnego Ludowego Komisarza Spraw Wewnętrznych ZSRR Mikołaja Jeżowa nr 00485), która stanowiła integralną część stalinowskiego „wielkiego terroru”. Z tej okazji w dniach 5-6 września 2017 roku z inicjatywy Konsula Generalnego Rzeczypospolitej Polskiej w Petersburgu Andrzeja Chodkiewicza, w siedzibie Konsulatu odbyły się dwa spotkania poświęcone ów wydarzeniu. W dyskusji udział wzięli zaproszeni goście: petersburżanie (w tym petersburska Polonia) oraz polscy i rosyjscy historycy, wśród nich m.in.: wybitny znawca zagadnień wielkiego terroru w ZSRR, autor klasycznej publikacji *Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921-1939* (Warszawa 1991) – prof. Mikołaj Iwanow (Uniwersytet Opolski); Dyrektor Muzeum Pamięci Sybiru w Białymstoku – dr hab. Wojciech Śleszyński; zastępca dyrektora Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia – dr Łukasz Adamski; znawczyni losów leningradzkich Polaków – prof. Tamar Smirnowa; petersburska historyczka i publicystka – prof. Julia Kantor; dyrektor Centrum *Przywrócone imiona (Возвращенные имена)* i redaktor wydawnictwa *Leningradskij martirolog, 1937-1938* – dr Anatolij Razumow; oraz reprezentujący Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu – prof. Jakub Wojtkowiak (Instytut Historii UAM) i dr Bartłomiej Garczyk (Instytut Wschodni UAM).

Tematem dwudniowej konferencji były kwestie dotyczące „wielkiego terroru”, „polskiej operacji NKWD” i losów leningradzkiej Polonii w okresie stalinowskich represji z lat 1937-1938. Prócz niekiedy burzliwych panelowych dyskusji, uczestnicy spotkania mieli także możliwość złożyć kwiaty i zapalić znicze na położonym nieopodal Petersburga miejscu kaźni w Lewaszowie (*Левашовская пустошь*), gdzie spoczywa około 46 tys. ofiar stalinowskich represji różnych narodowości.

*O Archidiecezji Mohylewskiej,
czyli międzynarodowa konferencja w Petersburgu
(ks. Krzysztof Pożarski)*

W dniach od 6 do 9 grudnia 2018 roku w Petersburgu odbywała się międzynarodowa konferencja *Rzymskokatolicka archidiecezja mohylewska: Świadectwa żywej pamięci. 1783-1939. W 235 Rocznice ustanowienia archidiecezji mohylewskiej*. Odbyła się ona pod honorowym patronatem abp. Pawła Pezzi, metropolity Archidiecezji Matki Boskiej w Moskwie przy współuczestnictwie Państwowego Muzeum Historii Religii w Petersburgu. Jej głównymi organizatorami była parafia św. Stanisława, biskupa, a także Wyższe Duchowe Seminarium „Maria – Królowa Apostołów”.

Do Komitetu Organizacyjnego konferencji weszli: ks. Krzysztof Pożarski (przewodniczący, proboszcz parafii św. Stanisława), Liubow Musienko (współprzewodnicząca, dyrektor Muzeum Religii), ks. Konstanty Perederij (współprzewodniczący, rektor seminarium „Maria – Królowa Apostołów”), Margarita Iwaszyna (kierownik wydziału ds. kontaktów Muzeum Religii z organizacjami religijnymi), a także Anna Kudrik (sekretarz naukowy). W programie konferencji oprócz wykładów była przewidziana także pielgrzymka autobusowa do historycznych miejsc Petersburga, powiązanych z Kościołem katolickim. Wycieczka obejmowała zwiedzanie: kościołów, Rosyjskiego Państwowego Archiwum Historycznego, gdzie przechowywane są najważniejsze dokumenty dotyczące historii Kościoła katolickiego w carskiej Rosji, dawnego budynku Rzymsko-katolickiej Akademii Duchownej, a także gmachu dawnej Kurii Metropolitalnej i rezydencji arcybiskupów mohylewskich (*obecnie Muzeum Dzierżawina*).

Dzień 7 grudnia był dniem poświęconym historii Archidiecezji Mohylewskiej w Państwowym Muzeum Historii Religii (dawniej Muzeum Historii i Ateizmu). Pierwszy dzień konferencji otworzyła Liubow Musienko, dyrektor Muzeum Religii. Po tym zostały przeczytane słowa skierowane do uczestników konferencji, jakie skierował nuncjusz apostolski w Rosyjskiej Federacji abp Celestino Migliore, który m.in. napisał, że historia kościoła w Rosji to nie tylko wybudowane liczne kościoły i klasztory, ale także przytułki, szkoły i organizacje.

Swoje słowo do uczestników konferencji skierował także metropolita mińsko-mohylewski abp Tadeusz Kondrusiewicz, który napisał, że chociaż na początku Archidiecezja Mohylewska była „ustanowiona podpisem monarszego pióra, to później jednak była kanonicznie legalizowana”. I dzięki Bożej Opatrzności odegrała później najważniejszą rolę w rozwoju Katolickiego Kościoła w carskiej Rosji.

W dalszej części odbyła się premiera filmu dokumentalnego pt. „Katolicy w Petersburgu” zrealizowanego przez Michała Fatiejewa, ukazującego udział katolików w życiu Petersburga od założenia miasta (1703 r.), aż do odrodzenia struktur

Kościół katolicki w Rosji. Następnie odbyły się wykłady dotyczące niektórych aspektów historii Archidiecezji. Ks. Jacek Wojda (Wydział Teologiczny w Warszawie) omówił bullę *Onerosa* papieża Piusa VI i jego „oryginalną” drogę realizacji w Imperium Rosyjskim na przełomie XVIII i XIX wieku”; Witalij Gajdas z Uniwersytetu Humanitarnego w Moskwie mówił o katolickim klasztorze belnickim i jego parafii w XVIII-XIX wieku; ks. Dmitry Puchalski, kanclerz kurii mińsko-mohylewskiej (Białoruś) mówił o działalności metropolity mohylewskiego, Edwarda Roppa; temat nekropolii duchowieństwa rzymskokatolickiego w Moskwie omówił Sergiej Słoistow z Moskwy; dr Anna Mroczek omówiła sytuację mohylewskich metropolitów ze szczególną uwagą na rządy abp. Wincentego Kluczyńskiego; ks. Jerzy Steckiewicz ukazał historię i współczesność Kościoła katolickiego w dzisiejszym Obwodzie Kaliningradzkim; Andrej Bogomołow z Rosyjskiego Państwowego Archiwum Historycznego omówił sprawę uzyskania pełnej wolności w działalności religijnej Kościoła katolickiego po rewolucji lutowej 1917 roku. Pierwszy dzień wykładów zakończył ks. Krzysztof Pożarski referując o sprawie metropolity Stanisława Bohusza-Sięstrzeńcewicza i jego siostrzeńca – ks. Stanisław Parczewski, przyjaciela Adama Mickiewicza.

Drugi dzień konferencji w dniu 8 grudnia rozpoczął się w bibliotece Wyższego Seminarium Duchownego „Królowa Apostołów” kontynuującym tradycje dawnego historycznego mohylewskiego seminarium. Był to dzień poświęcony rosyjskim katolickim męczennikom w czasach sowieckich. Mówiono także o prześladowaniach Kościoła katolickiego w ZSRR. Uczestnicy konferencji mieli możliwość zwiedzania budynku Wyższego Seminarium Duchownego i kościoła Wniebowzięcia NMP.

W czasie swojego wykładu Michał Dronow z Instytutu Filologii Słowiańskiej Rosyjskiej Akademii Nauk z Moskwy mówił o rosyjskich katolikach i Preszowskiej Greko-Katolickiej Diecezji (1920-1930); dr Irena Wodzianowska z Katolickiego Uniwersytetu Jana Pawła w Lublinie omówiła kadre pedagogiczną w Akademii Duchownej i Mohylewskim Seminarium Duchownym w Petersburgu w latach 1842-1918; Michał Szkarowski (Centralne Państwowe Archiwum w Petersburgu) – mówił o heroiczności katolickich męczenników z Leningradu w latach trzydziestych XX wieku; Jekaterina Lawrinenko (Witebsk) referowała o księżach i parafiach na terytorium wschodniej Białorusi (terytorium współczesnej Diecezji Witebskiej) po 1917 roku; ks. Krzysztof Pożarski omówił w swoim wykładzie sprawę reorganizacji procesu Sług Bożych w Archidiecezji Matki Bożej w Moskwie. Na koniec był wysłuchany referat Andrzeja Grajewskiego, dziennikarza pracującego w tygodniku katolickim „Gość Niedzielny” (Katowice) a dotyczący „Opieki nad prawami wierzących w Związku Radzieckim podczas pontyfikatu Jana Pawła II. Dialog dyplomatyczny, pastoralny i ekumeniczny w latach 1978-1991”.

Na zakończenie konferencji odbyła się uroczysta Msza Święta w kościele św. Stanisława w intencji wyniesienia do chwały ołtarzy rosyjskich męczenników –

Sług Bożych na czele z bp. Antonim Maleckim. Przed końcowym błogosławieństwem była otwarta w świątyni pamiątkowa tablica wdzięczności dobroczyńcom kościoła i parafii, którzy w latach 1997-2018 pomagali w ich odrodzeniu. Po mszy był odczytany akt męczeństwa 23 księży z Sandormochu uwięzionych w gułagu na Wyspach Sołowieckich, po którym były odczytane nazwiska 425 księży – męczenników czasów sowieckich umieszczonych w Memoriale Pamięci w kościele św. Stanisława.

W związku z konferencją wydana była także broszura przedstawiająca krótkie biografie czternastu metropolitów mohylewskich (1783-1939), a także były wydrukowane ich kolorowe portrety znajdujące się obecnie w Państwowym Muzeum Religii w Petersburgu. Po raz pierwszy też od 150 lat był opublikowany akt kanoniczny papieskiego legata do carskiej Rosji Giovanni Andrea Archettiego, dotyczący ustanowienia w Mohylewie nowej kanonicznej archidiecezji zawierający w sobie także treść bulli *Onerosa* papieża Piusa VI.

Planowana jest także publikacja ww. wykładów, a także archiwalnych dokumentów związanych z początkiem istnienia mohylewskiej archidiecezji w carskiej Rosji.

Россия и Польша: диалог культур (Александр Баранов)

20 ноября 2018 года в Академии социального управления (АСОУ, г. Москва, Россия) состоялась международная научно-практическая конференция: «Россия и Польша: диалог культур». Организаторами конференции выступили Академия социального управления и Общество культурного и делового сотрудничества с Польшей (г. Москва). Научное и информационное обеспечение конференции организовала кафедра социально-гуманитарных наук АСОУ (заведующий кафедрой кандидат культурологии, доцент Александр Сергеевич Баранов). Конференция была посвящена двум замечательным юбилеям: 220-летию со дня рождения великого польского поэта Адама Мицкевича и 220-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Пушкина, празднование которых приходится соответственно на 2018 и на 2019 годы. Помимо юбилеев двух поэтов, немаловажную роль в принятии решения о проведении конференции сыграла еще одна историческая дата – столетие со дня провозглашения государственной независимости Польши (ноябрь 1918 года).

Диалог России и Польши имеет многовековую историю. Это история позитивных контактов и разрывов, история взаимных влияний и взаимных обид, история сотрудничества и противостояния. Разделить эти крайности практически невозможно. Похоже, *соединение крайностей и составляет самую суть нашего общего способа проживания истории*. Российско-польский «контрастный душ», в некотором смысле конфликт (не будем забывать, что конфликт – тоже форма диалога, мощный стимул в процессе развития обеих культур) привлекал и привлекает сегодня исследователей, специализирующихся в самых разных областях социально - гуманитарного знания. По этой причине, конференция «Россия и Польша: диалог культур» получилась разнообразной по научным специальностям ее участников и неоднородной по мнениям, которые звучали в ходе выступлений.

С приветственным словом к участникам конференции обратился проректор Академии, курирующий международное сотрудничество Сергей Алексеевич Кабак. Докладом, посвященном роли общественной дипломатии в сохранении и приумножении культурных ценностей народов России и Польши», открыл работу конференции Станислав Петрович Ломов, доктор педагогических наук, профессор, действительный член РАО, вице-президент Общества культурного и делового сотрудничества с Польшей, Почётный член Академии художеств России (г. Москва). Участие в работе конференции также приняли видные российские ученые, специалисты в истории польско-русских связей: Константин Юрьевич Ерусалимский,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), выступление которого было посвящено событиям и явлениям XVI и XVII веках, явившихся предысторией разделов Речи Посполитой в XVIII веке, и Борис Владимирович Носов, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва), рассказавший о современных российско-польских дискуссиях о творческом наследии Адама Мицкевича и его историко-культурном значении.

Истории дружбы Мицкевича и Пушкина и различным аспектам жизни и творчества поэтов были посвящены доклады Почётного члена Международной академии наук педагогического образования, кандидата педагогических наук, доцента Василия Андреевича Мижерикова (о «Крымских сонетах» А. Мицкевича), литературоведа Ирины Викторовны Випулис (к истории мадонны А. Мицкевича и А. Пушкина). Отдельной важной темой конференции стало выступление кандидата исторических наук Сергея Геннадьевича Нелиповича об исследованиях по восстановлению цифр потерь личного состава российской армии в годы Первой мировой войны на территории Польши. Тема «Инициативы польской общественности по сохранению захоронений воинов Русской армии, погибших в сражениях Первой мировой войны (1914-1918)» была освещена в докладе государственного советника Российской Федерации 3 класса Станислава Ивановича Ксенжика.

Заочное участие в работе конференции приняли известные деятели польской науки и культуры. Свое приветственное слово участникам конференции и доклад «Свентоховски в России» прислал Гжегож Вишневецкий, вице-президент Всепольского правления Общества сотрудничества Польша-Восток, вице-президент Союза польских писателей, культуролог (г. Варшава, Польша). Важным вкладом в сборник материалов конференции станет текст доклада Алиции Володзько-Буткевич, доктора филологических наук, профессора Варшавского университета, (г. Варшава, Польша) по теме «Михаил Булгаков – взгляд из Польши в 2018 году».

Материалы конференции вызвали большой интерес присутствующих, тем более, что некоторые из представленных исследований имеют уникальный характер. В АСОУ готовится к выходу сборник статей по итогам конференции «Россия и Польша: диалог культур», который, будем надеяться, станет доступен как для российского, так и для польского читателя.

ZASADY DOTYCZĄCE DRUKU:

1. Objętość artykułu do 1 arkusza wydawniczego (40 tysięcy znaków wraz ze spacjami).
2. Czcionka – Times New Roman, wielkość – 12, interlinia – pojedyncza, przypisy – dolne.
3. Przypis na dole strony powinien zawierać: inicjał imienia i nazwisko autora, tytuł pracy (napisany kursywą), miejsce i rok wydania oraz stronę.

Wzór przypisów:

- R. Pipes, *Rewolucja Rosyjska*, Warszawa 2006, s. 229.
 - J. Łojek (red.), *Prasa polska w latach 1661-1864*, Warszawa 1976, s. 20.
 - J. Sobczak, *Przemiany ustrojowe w Rosji w latach 1905-1907 i nowa redakcja Ustaw Zasadniczych*, w: A. Duszyk, K. Latawiec, M. Mądzik (red.), *Z dziejów pewnego eksperymentu. Parlamentaryzm rosyjski na progu XX stulecia w kontekście kształtowania się świadomości politycznej narodów imperialnej Rosji*, Radom 2008, s. 56.
 - T. Aleksiejewa, *Francesco Bartolomeo Rastrelli i kultura rosyjska*, „Biuletyn Historii Sztuki” 1980, nr 3-4, s.10-12.
 - Н. А. Баскаков, *Русские фамилии тюрского происхождения*, Москва 1979, с. 55-56.
 - *Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917*, Москва 2003, с. 6.
 - В. Кобак, Ю. М. Пирютко (ред.), *Исторические кладбища Петербурга*, СПб 1993, с. 59.
 - Н. В. Юхнева, (ред.), *Этнография Петербурга – Ленинграда*, № 1, Ленинград 1987, с. 90.
 - И. А. Дьяконова, *Прямые германские инвестиции в экономику имперской России*, w: В. И. Бовыкин (ред.), *Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки*, Москва 1997, с. 47-67.
 - В. М. Безотосный, *Национальный состав российского генералитета 1812 года*, „Вопросы истории” 1999, № 7, с. 12.
4. Zdjęcia do tekstu w formacie *.jpg, dobrej jakości, minimum 1 MB.
 5. Artykuły muszą zawierać niewielkie (kilka zdań) streszczenie w języku polskim i angielskim (summary), słowa kluczowe (keywords) oraz zamieszczoną na końcu artykułu bibliografię. Wykaz prac powinien być uporządkowany alfabetycznie według nazwisk autorów.

Wzór listy bibliograficznej:

- Berton P., *The Japanese Communist Party and Its Transformations*, w: „Japan Policy Research Institute” No. 67, 2001.
 - Баскаков Н.А., *Русские фамилии тюрского происхождения*, Москва 1979.
 - Judt T., *Rozważania o wieku XX*, Poznań 2013.
 - Maternicki J., *Mitologizacja i demitologizacja historii*, „Przegląd humanistyczny” nr 3, Warszawa 1989.
 - Trenin D., *Russia and Poland: a friendship that must not fail*, <https://www.opendemocracy.net/od-russia/dmitri-trenin/russia-and-poland-friendship-that-must-not-fail> [dostęp: 21.01.2016].
6. Cytaty ujmujemy w cudzysłów (nie kursywą). Cytaty objętością trzy wiersze i więcej prosimy podawać jako tekst blokowy czcionką Times New Roman 10 pkt. Fragmenty opuszczone należy oznaczyć trzema kropkami w nawiasach kwadratowych [...].
 7. Prosimy o przesłanie krótkiego biogramu autora: imię i nazwisko, stopień naukowy, stanowisko, miejsce pracy, nazwa uczelni, nazwa wydziału, nazwa instytutu (zakładu, katedry), e-mail.
 8. Języki publikacji: polski, angielski, rosyjski, ukraiński, białoruski.
 9. Redakcja pisma zastrzega sobie prawo do skrótów tekstu po konsultacji z autorem.

Materiały proszę nadsyłać na adres e-mail: garczyk@amu.edu.pl

